

ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

**Глобализация, наука
и социоприродные преобразования
в условиях современного мира**

CHIȘINĂU • 2017

CZU 316.42

Г 547

Книга рекомендована к публикации Учёными советами
Института Юридических и Политических Исследований Академии Наук Молдовы
и Института Философии Национальной Академии Наук Беларуси.

Монография разработана в рамках совместного проекта
“Методология комплексной оценки качества природной среды
как основы исследования качества жизни человека
в условиях глобальных социоприродных преобразований”
(Молдова-Беларусь).

Книга предназначена для тех, кто интересуется социоприродными преоб-
разованиями современного мира.

Редакторы: Тамара Осмокеску
Марина Горбатюк

Компьютерная вёрстка: Елена Курмей

Дизайн обложки: Виталие Лека

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

**Глобализация, наука и социоприродные преобразования в условиях
современного мира /** Ин-т юрид. и полит. исслед. Акад. наук Молдовы, Ин-т
философии Нац. акад. наук Беларуси. – Кишинэу: Б. и., 2017 (F.E.-P. „Tipografia
Centrală”). – 268 p.

Bibliogr.: p. 260-266 (99 tit.).

ISBN 978-9975-53-849-7.

316.42

Г 547

ISBN 978-9975-53-849-7.

© Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM, 2017
© Институт Философии Национальной Академии Наук Беларуси, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОПРИРОДНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	19
1.1. Социоприродные противоречия и переход к устойчивому развитию	19
1.2. Социоприродное направление глобализации	31
Глава 2. КОНЦЕПЦИЯ И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	51
2.1. Глобализация и устойчивое развитие как социоприродные процессы	51
2.2. Глобализация через устойчивое развитие	61
Глава 3. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	95
3.1. Глобальные цели человечества: на пути к устойчивому будущему	95
3.2. Биоэтика и концепции безопасности в условиях глобализации	124
Глава 4. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР	145
4.1. Глобализация в контексте устойчивого развития: политический аспект	145
4.2. Глобальное управление в контексте перехода к устойчивому развитию	162
Глава 5. НАУКА И ГЛОБАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ	191
5.1. Наука как устойчивое развитие	191
5.2. Международное научно-техническое сотрудничество как основа развития научного потенциала Республики Молдова	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
БИБЛИОГРАФИЯ	260

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АНМ	Академия Наук Молдовы
АН	Агентство недвижимости
AGRICISTRADe	Exploring potential for agricultural and biomass trade with the EU - AF-EU-14012
БРИКС	Бразилия (Brazil), Россия (Russia), Индия (India), Китай (China), ЮАР (South Africa)
ВМВФ	The Federal Ministry of Education and Research
CEENet	Central and Eastern European Networking Association
ВСУР	Всемирный саммит по вопросам устойчивого развития
ВТО	Всемирная торговая организация
ВВП	Валовой внутренний продукт
ГАТТ	Генеральное Соглашение о тарифах и торговле
ГУАМ	Организация за демократию и экономическое развитие
ЕС	Европейский Союз
EDCTP	European and Developing Countries Clinical Trials Partnership
ERA-Nets	Европейское исследовательское пространство
ИПРЭИ	Научно-исследовательский Институт Экономики и Организации Сельского Хозяйства
ITER	An international nuclear fusion research project
МКОСР	Международная Комиссия по окружающей среде и развитию
МВФ	Международный Валютный Фонд
МПО	Московское Психологическое Общество
МО	Международные Отношения
МСОП	Международный Союз охраны природы и природных ресурсов
НТП	Научно-технические программы
НУР	Неустойчивое развитие
НПО	Неправительственная Организация
НАНА	Национальная Академия Наук Азербайджана
НИОКР	Научно исследовательские и опытно-конструкторские работы
НТЦУ	Научно-Технологический Центр Украины
НИЭИ	Научно-Исследовательский Экономический Институт при Госплане СССР
ОМУ	Оружие массового уничтожения

ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЧЭС	Организация черноморского экономического сотрудничества
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций
РМ	Республика Молдова
РФ	Российская Федерация
РИО+20	Конференция ООН по устойчивому развитию “Рио+20”
СМИ	Средства массовой информации
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СНГ	Содружество Независимых Государств
СРС	Совет регионального сотрудничества
США	Соединённые Штаты Америки
СЕENet	Central and Eastern European Networking Association
FP7	7 th Framework Programme for Research and Technological Development
GEANT	The main European multi gigabit computer network
СЕЕСР	Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе
ТНК	Транснациональная компания
ТНБ	Транснациональный Банк
УР	Устойчивое развитие
ФС	Федеральное Собрание
ЦУР	Цели устойчивого развития
ЦЕИ	Центрально-европейские инициативы
ЮНСЕД	Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию
ЮНЕП	Программа ООН по охране окружающей среды
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
WWF	Всемирный фонд дикой природы/Работа в России

ВВЕДЕНИЕ

В нынешнем столетии может и даже должен произойти кардинальный поворот в человеческой истории, который по своей значимости вряд ли сравнится со всеми предыдущими революционными изменениями прошлого. Мы имеем в виду переход к устойчивому развитию как новой форме и магистрали цивилизационного процесса. Этот переход будет осуществляться, хотя и с огромными трудностями, но как вполне осознанный выбор всего человечества, во всяком случае, той части народов и государств которая входит в ООН. Смысл грядущего поворота истории заключается в том, чтобы спасти человечество от возможной гибели, от угрожающих и приближающихся катастроф, вызванных не какими-то внешними причинами, а самим предыдущим и нынешним развитием цивилизации. Именно в этом развитии скрывается «механизм», ведущий к быстрому либо медленному самоуничтожению человечества, о чем подробно пойдет речь в монографии.

Концепция выживания человечества как стратегия устойчивого развития (УР), как известно, была сформулирована Международной комиссией по окружающей среде и развитию в книге «Наше общее будущее», изданной на английском и ряде других языков в 1987 г. (русский перевод был издан в 1989 г.). Официальное же принятие концепции и стратегии устойчивого развития состоялось на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Именно на ЮНСЕД лидеры государств и главы правительств 179 стран, входящих тогда в ООН, осознали, что все достижения цивилизации без решения проблем окружающей среды и ряда других глобальных проблем поставлены под угрозу исчезновения. Ведь все человечество может быть ввергнуто в пучину антропоэкологической катастрофы, поскольку экологические условия, ресурсы и другие богатства природы, ее возможности самовосстановления оказались на грани исчерпания.

Переход к устойчивому развитию, согласно рекомендациям ООН, начался с 2005 г. и это «начало» будет продолжаться как минимум до 2014 г. включительно. Эта декада начала перехода к устойчивому развитию предполагает завершение странами, входящими в ООН, периода осознания необходимости такого перехода и начала практических действий государств мирового сообщества по созиданию нашего общего устойчивого

будущего. Политические идеи - рекомендации ООН должны превратиться в реальные стратегии и социальные нормы и отношения каждого государства по управлению переходом к новой модели развития всей цивилизации. Отметим важную особенность идеи устойчивого развития - она была предложена на наднациональном, общемировом политическом уровне, а не в отдельно взятой стране либо отдельным ученым.

Возникает поэтому вопрос, который попытались решить на ЮНСЕД: как спасти человечество от предполагаемой гибели, что нужно для этого сделать? Оказалось, чтобы цивилизация смогла выжить, необходимо коренным образом изменить модель (форму) развития человечества, его взаимодействие с природой и даже сам способ жизнедеятельности населения планеты. Необходимо провести самые кардинальные за всю историю цивилизации трансформации, которые обеспечили бы выживание человечества и его переход на новую форму (модель) развития и существования. Но возможно ли это в принципе? Ведь концепция устойчивого развития - это пока не проверенная практикой научная теория, а скорее некая мировоззренческо-политическая идея и рекомендация. Ученым предстоит ее уточнить и аргументировать, либо отвергнуть, как это делается сейчас некоторыми из них без должных обоснований, часто из чисто субъективных соображений.

На наш взгляд, принятые вначале на ЮНСЕД, а в дальнейшем и на других международных форумах по устойчивому развитию под эгидой ООН, документы представляют собой «информационные материалы», которые имеют идейно-концептуальную базу, «мягкую» нормативно-стратегическую ориентацию, социально-политические рекомендации и источник будущих норм, регулирующих переход к устойчивому развитию. До недавнего времени при рассмотрении проблем устойчивого развития в основном обращалось внимание на их концептуально-стратегическое содержание. И здесь мы также не обойдем эти аспекты проблемы устойчивого развития, однако сосредоточим внимание на политических и стратегических вопросах обсуждаемой темы. Эти вопросы только начали исследоваться, сейчас представляют наибольший интерес, причем акцент будет сделан на научной стороне исследуемых проблем.

Понятно почему мировоззренческие и концептуально-стратегические проблемы оказались более привлекательными на начальном этапе осмысления проблемы устойчивого развития. Ведь необходимо было вначале осознать, что представляет собой устойчивое развитие как форма дальнейшего цивилизационного существования и прогресса, поскольку

она оказалась принципиально новой. Эта форма цивилизационного развития не была предсказана и развита ни одним достаточно распространенным обществоведческим направлением (теорией). Причина этого в том, что гуманитарии видели будущее в «формате» модели неустойчивого развития, существование человечества в рамках которой неявно предполагалось вечным. И это было одним из основных заблуждений прошлого, да и в значительной степени еще и современного социально-гуманитарного знания, которое в основном абстрагировалось от природы.

Оказывается, нужно было обратить пристальное внимание на проблемы окружающей среды, чтобы понять невозможность дальнейшего бытия человечества в условиях опасной и неустойчивой модели (формы) современного цивилизационного процесса. Это был своего рода эколого-футурологический «крах» всего обществоведения или, во всяком случае, той его части, которая «отвечала» за объяснение сути происходящего и так или иначе пыталась заглянуть в обозримое будущее.

Здесь мы должны признать нелинейный характер развития упомянутой части социально-гуманитарного знания. Многие из того, что «наработало» обществоведение, оказалось малоприспособленным для адекватного видения будущего на пути выживания человечества. Да и сама идея устойчивого будущего появилась лишь потому, что пришлось обратить внимание на проблемы экологии окружающей общество природной среды, т.е. выйти из социального мира в социоприродное измерение, что было не характерно для основной части социально-гуманитарного знания. И именно этот выход в более широкую систему бытия и, соответственно, более широкий взгляд на будущее развитие человечества привел к принципиально новой идее эволюции цивилизации. Можно сказать, что в нашем сознании произошли кардинальные трансформации, своего рода нелинейный переход к альтернативному традиционному, к «иному будущему», чем то, которое ранее представлялось большинству обществоведов.

В самой идее развития, которая в социальной и социоприродной сферах превратилась в концепцию устойчивого развития, проявилось это «нелинейное мышление». В проблеме устойчивого развития особое внимание уделяется будущему. В модели неустойчивого развития подход к изучению будущего в основном был «линейным»: будущее выводилось из прошлого и настоящего, что и предполагает традиционно понимаемый исторический подход. Между тем в процессе осознания проблемы устойчивого развития будет происходить сдвиг акцентов с изучения прошлого

и настоящего на будущее. Этот процесс имеет смысл именовать футуризацией (от лат. *futurum* - будущее), которая призвана восстановить темпоральную целостность научного познания.

Реальный переход к устойчивому развитию начнется только тогда, когда эта должная форма эволюции начнет постепенно включаться (и все большее заменять ее) в реальную политическую и другие социокультурные нормативные системы, включая мораль и даже религию, несмотря на ее большую приверженность традиционной модели развития. Понятие устойчивого развития фактически выступает синонимом более «нормального» развития, где достигается такой уровень безопасности планетарной социоприродной системы, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое существование. В модели неустойчивого развития механизм обеспечения «нормального» функционирования общества носит в основном локальный (точечный) и кратковременный характер, а сама эта модель представляет собой в целом опасную и нестабильную среду для дальнейшего существования человека и человечества.

Если бы эта среда (природная и антропогенная) существования человека и общества оказалась бы более безопасной, то уменьшилась либо вообще отпала бы необходимость в нормативно-защитных средствах, и система оказалась бы более открытой, тем самым способствующей дальнейшему поступательному развитию цивилизации. Очевидно, что от этих средств в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности и негативные воздействия на общество и людей, от которых придется защищаться. Однако часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена и создана более благоприятная, безопасная социокультурная среда обитания и развития, что и предполагает переход к устойчивому развитию.

До сих пор не существовали подходы к измерению степени и вероятности выживания человечества. Однако сейчас, в связи с формированием концепции и стратегии устойчивого развития можно полагать, что в какой степени цивилизация будет переходить от современной модели к модели устойчивого развития, в той же степени растет вероятность ее выживания. Если предположить, что такой переход полностью обеспечит выживание человечества, то вероятность (коэффициент) выживания можно выразить через снижение антропогенного давления человечества на биосферу, на что обратил внимание А. Федотов¹ (существуют и другие подходы к измерению степени перехода к устойчивому развитию).

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности и в перспективе-системы «безопасность-развитие» привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее - через устойчивое развитие. Причем этот тезис был предложен еще в 1995 г. [2] Становление более безопасной среды обитания человека и цивилизации в целом в процессе перехода к устойчивому развитию означает, что существенная часть функций по обеспечению безопасности может быть обеспечена теперь уже не защитой, а самим этим новым т.е. устойчивым типом развития, который уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности в этом случае перестает быть основным и превращается в дополнительное средство обеспечения безопасности и его нормативно-регулятивных систем через устойчивое развитие. Первое такое нормативно-правовое осознание произошло когда был подписан Указ №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», [3] который утвердил эту Стратегию и признал утратившим силу предыдущие редакции (1997 г. и 2000 г.) Концепции национальной безопасности РФ. Принятие этой Стратегии, которую для краткости далее будем именовать Стратегия-2020, имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития России на долгосрочную перспективу.

В Стратегии-2020 решено положить в ее основу фундаментальное методологическое положение о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства (и общества) и обеспечения национальной безопасности (прежде всего в статьях 2 и 3 Стратегии-2020). Поэтому, если «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденная Указом Президента РФ в 1996 г. имела в основном экологический «акцент», то сейчас в связи с принятием Стратегии-2020 можно констатировать новое видение проблем устойчивого развития сквозь «призму» проблем безопасности и прежде всего национальной безопасности. Это впервые произошло по той причине, что к настоящему времени уже были разработаны концептуально-теоретические основы видения устойчивого развития в ракурсе проблем безопасности, а также обеспечения безопасности через устойчивое развитие. Выскажем мнение, что Стратегия-2020 представляет собой не только Стратегию национальной безопасности страны, но и новую - «безопасную» версию российской концепции перехода к устойчивому развитию в видении этого развития

с позиции обеспечения безопасности как нашей страны, так и всего мирового сообщества. Считаем, что это важный мировоззренческий и концептуально-методологический поворот в области осознания проблем безопасности и в сфере проблем устойчивого развития, их объединения в единое научно-поисковое и практико-деятельностное направления.

Обратим внимание на то, что нормативное обеспечение формирования более безопасной широкой системы как среды существования человека и человечества требует изменения именно социальной и социоприродной сущности самой антропогенной деятельности. В современной модели эта деятельность носит эконоцентрический характер и человек руководствуется принципами личного интереса и выгоды, которые далеки от проблем выживания человечества. Этот процесс в обществе, во всяком случае, на глобальном уровне, приводит к стихийному взаимодействию этих часто несовпадающих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества (чего не заметил Ф. фон Хайек, о чем дальше ещё пойдет речь).

Это несовпадение векторов индивидуального выживания и выживания человеческого рода, который сейчас неуклонно стремится к антропоэкологической катастрофе, создает опасную среду существования и развития, названную моделью неустойчивого развития. Одной из задач перехода к устойчивому развитию как раз и является создание единой стратегии выживания, в которой личные и национальные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества. Ведь, если и дальше индивидуальные и корпоративные интересы будут противоположными вектору выживания всего человечества, то оно просто необратимо деградирует, и в конце концов погибнет в стремительно надвигающейся планетарно-системной катастрофе.

Если модель неустойчивого развития акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» человеке, то модель устойчивого развития акцентирует внимание на всем человечестве, выживание в целом, а не только, например, «золотого миллиарда». Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не может быть обеспечена в будущем, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания человека, не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель цивилизационного развития оказывается более гуманной в своей стратегической и политической ориентации.

Идея связи стратегии будущего безопасности России и ее перехода к устойчивому развитию исходит из того, что обеспечение безопасности

«неустойчивого развития», модель которого пока реализуется в нашей стране (и в мире в целом), в принципе невозможно. Переход к устойчивому развитию предполагает обеспечение безопасности во всех отношениях, а всеобщая безопасность также реализуется на пути устойчивого развития. Столь тесная взаимосвязь всеобщей (и глобальной) безопасности страны (и мирового сообщества) и устойчивого развития и определяет стратегическую новизну и специфику дальнейшего человеческого существования.

В качестве методологической основы подобного видения должны использоваться все средства исследования будущего, включая прогностические, футурологические и системные подходы, определяющие специфику проблемы выживания человечества как дальнейшего обеспечения безопасности цивилизации через устойчивое развитие.

Будущее цивилизации в последние годы рядом ученых представляется обществом не только новых возможностей и горизонтов, но и обществом риска, опасностей, кризисов и глобальных катастроф. Это ощущение грозящих человечеству и глобальных опасностей усилилось после действий в Америке международного терроризма 11 сентября 2001 г. и последующих террористических актов в различных точках земного шара, вызвавших благодаря глобальным СМИ большой психологический резонанс, ощущение страха и ужаса у сотен миллионов людей.

Глобализация означает не только становление единства и роста целостности цивилизации, появление неких новых благ в мировом сообществе, но и становление исторически новых угроз и опасностей планетарного характера. Как реакция на вестернизационную стратегию развития глобализации, универсализацию и стандартизацию оживился национализм и сепаратизм, обретает планетарный масштаб международный терроризм, становящийся одной из самых серьезных опасностей поступательному движению мирового сообщества. Это не только радикальный антиглобализм, но и «теневая» или своего рода «альтернативная» глобализация, когда евроатлантическому направлению глобализации противопоставляется фундаменталистская идеология и стратегия «священной войны», отражающая безнадежность положения в современном мире миллиардов голодающих, нищих, больных, неграмотных, обреченных остаться без будущего, которое «золотой миллиард» стремится приватизировать только для себя.

Вопросы безопасности в начале XXI века обретают особую значимость для каждой страны, для каждого человека, для всего мирового сообще-

ства. Так, например, в «Хартии европейской безопасности», принятой 19 ноября 1999 г. в Стамбуле на Саммите ОБСЕ, было провозглашено, что главы государств и правительств заявляют о своей твердой приверженности делу формирования свободного, демократического и более единого региона ОБСЕ, где государства-участники сосуществуют в мире друг с другом в условиях свободы, процветания и безопасности. Безопасность не только в Европе, но и во всем мире стала даже главным критерием человеческого существования в самом широком смысле.

Становясь новым ориентиром и приоритетным критерием эффективности всех областей человеческой деятельности, безопасность понимается не просто более широко и комплексно, но и начинает по-новому осознаваться, становясь отчетливо понятной ценностью всего человечества. Многие общечеловеческие ценности XX века оказываются менее значимыми, чем ценности связанные с безопасностью, и поэтому среди ценностей XXI века и всего III тысячелетия безопасность окажется, на взгляд авторов, самой значимой ценностью. Ведь безопасность ассоциируется с возможностью жизни человека и человечества, ее сохранения, причем не только для нынешних поколений, но и будущих, а также для биосферы в целом.

Именно в последние десятилетия второго тысячелетия перед цивилизацией встала проблема глобального выживания. Она связана прежде всего с защитой от вызовов, угроз и опасностей, грозящих существованию и развитию человечества. Наибольшую опасность для цивилизации представляют те из них, которые сопровождают развитие глобальных проблем, а последние, как известно, оказались результатом социально-экономического прогресса в его традиционно стихийной и, как теперь понятно, деформированно-дегуманизированной форме. Поскольку различные опасности планетарного характера могут привести человечество к той или иной катастрофе уже в ближайшие десятилетия, то ясно, что обеспечение безопасности во всех ее аспектах оказывается приоритетной задачей всей социальной деятельности.

Именно проблема обеспечения безопасности, в особенности экологической безопасности, и обусловила необходимость в начале третьего тысячелетия смены курса (стратегии, формы, модели) развития, поскольку длившееся со времен неолитической революции традиционное стихийное развитие уже не обеспечивало выживания человечества. Эта новая ситуация в мировом развитии, оказавшемся, с синергетической точки зрения, перед бифуркацией, нашла свое отражение и в современной науке, которая не только в силу внутренней логики, но главным образом под

влиянием внешних факторов вынуждена начать изменение направления своего развития. Такое изменение необходимо не только для того, чтобы объяснить ход истории общества и его взаимодействия с природой, но в основном для того, чтобы предсказать будущее и создать наиболее эффективные средства выживания человечества, наметить пути и принципы выхода из глубокого антропоэкологического кризиса, в котором цивилизация оказалась к концу XX и началу XXI веков.

Переход к новой форме цивилизационного развития (которая пока существует лишь в виде политических деклараций и рекомендательных документов ООН) и вызван в основном причинами, связанными с экологией и обеспечением безопасности в самом широком смысле. Если мировому сообществу не удастся реализовать переход к устойчивому развитию, то уже в текущем столетии может разразиться социально-экологическая катастрофа планетарного масштаба либо иная, связанная с упомянутыми выше угрозами. XXI век может стать веком перехода мирового сообщества к устойчивому развитию и тем самым выживания цивилизации и сохранения биосферы как естественного фундамента человеческой жизни.

Для того, чтобы человечество смогло выжить, необходимо коренным образом трансформировать процесс развития, изменив общечеловеческие ценности и ориентиры поступательного движения, поскольку они сформировались в модели неустойчивого развития - НУР (на ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро была названа та форма развития, по которой продолжает пока развиваться наша цивилизация). Ни одна, даже самая высоко-развитая, страна (а тем более развивающийся мир) не сможет перейти на путь устойчивого развития не изменив кардинальным образом механизмы развития, не выбрав новые цели своего национального развития и обеспечения безопасности, которые были намечены в «Повестке дня на XXI век» (1992 г.), в «Плане выполнения решений ВСУР» в Йоханнесбурге в 2002 г., в итоговом документе Рио+20 «Будущее, которого мы хотим» и других официальных документах ООН. И это уже требует от всех других стран мирового сообщества перехода на новую стратегию УР - уже не модернизационно-догоняющую, а трансформационно-опережающую, только благодаря которой и можно будет обеспечить выживание и безопасность всего человечества, а не какой-то его части стремящейся приватизировать будущее в ущерб остальной части населения планеты.

Именно глобальные угрозы и негативные тенденции социального экологического, социально-экономического и социально-политического

плана обостряют глобальные проблемы и негативы глобализации, порождают новые неблагоприятные глобальные тенденции и усиливают опасность дальнейшего движения к планетарной антропоэкологической катастрофе. Именно поэтому важно объединиться в общем стремлении предпринять решительные усилия для позитивного реагирования на необходимость подготовки к решению глобальных проблем и особенно экологической проблемы.

Очевидна противоречивость ожидаемого социально экономического поворота развития в начале нового тысячелетия. Одна - традиционная модель развития, по которой мы движемся по инерции (уже не в направлении всеобщего прогресса), грозит планетарным омницидом. Вторая модель устойчивого развития существует пока лишь на концептуально-теоретическом уровне и представляет собой в основном политические декларации и стратегические программы на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях. Эта виртуальная, но пока не претворенная в жизнь, реальность создает массу трудностей и проблем для нынешнего поколения, явно в своем подавляющем большинстве не желающего делиться благами с будущими поколениями населения Земли. Стратегические цели изменения курса развития вступают в противоречие с политикой, тактикой и конкретным поведением ныне действующих властей и народов планеты, которые думают о будущем в лице лишь узкого круга своих представителей (главным образом ученых). Устойчивое будущее не появится без борьбы с неустойчивым настоящим и прошлым. В этом - противоречие и драматизм XXI века, который в зависимости от разрешения этого противоречия станет либо веком перехода к устойчивому будущему человечества, либо концом его истории в прямом смысле этого слова.

Для ЮНСЕД, ВСУР, Рио+20 и всех их документов общим является то, что они пока в основном на политическом и стратегическом уровнях декларируют модель (в принципе - многообразие моделей) устойчивого развития, контуры которой даже в концептуальной форме достаточно четко не очерчены. Мы пока интуитивно и на уровне здравого смысла лишь отчасти понимаем, что так развиваться во многих отношениях, как человечество до сих пор двигалось по пути «прогресса», уже нельзя, иначе оно останется без будущего. Все соображения относительно этого устойчивого будущего гораздо больше и чисто косметически «вплетены» в ныне функционирующую модель развития, чем в абстрактно желаемую, но пока виртуально-теоретическую «реальность» устойчивого

будущего. Поэтому все наши сценарии грядущего оказываются «переходными» - это смесь модели неустойчивого развития и наших концептуальных устремлений в будущее, которое все же еще достаточно неопределенно и пока мало (особенно наукой) аргументировано. И только по мере осуществления документов ООН - «Повестки дня на XXI век», «Плана выполнения решений ВСУР», «Будущее, которого мы хотим» - будет становиться понятным, начинаем ли мы уходить от грозящей нашим потомкам глобальной катастрофы и приближаться к очередному «светлому будущему» (теперь уже глобально устойчивому), либо все наши надежды окажутся такими же утопическими как и ранее декларируемые варианты желаемого будущего.

Специфика перехода любого государства и их коалиций к устойчивому развитию заключается, в частности, в приравнивании приоритетов глобального и национального развития по тем целям и критериям, которые обеспечивают выживание всего мирового сообщества при сохранении окружающей природной среды. В этом смысле появление приоритетов и целей устойчивого развития сдвигает национальные интересы в сторону глобальных, но отнюдь не ведет к нивелированию специфики, собственных интересов, целей, ценностей, идеалов и т.д. Эта ситуация типична для абсолютно всех стран мирового сообщества.

И в этой связи переход к устойчивому развитию создает для России некоторые новые возможности по включению в глобальный переходный процесс, но вместе с тем инициирует, особенно со стороны развитых стран, опасности и угрозы информационно-политических, силовых и экономических воздействий. Под видом устойчивого развития со стороны внешних и внутренних его оппонентов могут и будут предлагаться действия, явно ему противоречащие, не говоря уже об открытых оппонентах этой стратегии развития, явно предпочитающих личные, групповые и корпоративные интересы глобальным интересам всего человечества. Их мнение также, в определенной степени, необходимо учитывать, поскольку нет единственно верной и всеми признанной концепции, модели и стратегии устойчивого развития.

Устойчивое развитие - это не просто одна из новых проблем, а глобальная проблема, от решения которой зависит будущее всего человечества, его судьба в третьем тысячелетии. Это совершенно новая форма (модель) развития всего мирового сообщества, которое становится на путь своего выживания и решения глобальных проблем человечества. Устойчивое развитие - это проблема и стратегия будущего цивилизационного раз-

вития, сквозь «призму» которого можно и нужно видеть абсолютно все проблемы в том числе и глобализацию, и обеспечение безопасности. Это означает использование нового концептуально-методологического подхода будущего, опережающего видения цивилизационных процессов, проектирования грядущей модели социоприродных процессов.

В монографии авторы предлагают опережающее видение цивилизационного развития грядущей модели социоприродных процессов. Проблему безопасности мы пытаемся осмыслить в контексте нового видения будущего развития человечества, где безопасность будет обеспечиваться принципиально новой формой (стратегией) развития. Здесь фактически речь будет идти о концептуальном переосмыслении того, что по-иному рассматривалось наукой в модели неустойчивого развития. Концепция устойчивого развития вначале была связана с экологией, однако потом стало ясно, что речь фактически идет о новой форме развития всего человечества. Однако проблема обеспечения экологической безопасности продолжает оставаться важной темой, на которой авторы будут акцентировать внимание, говоря о глобальном устойчивом развитии. Дальнейшая разработка и осмысление концепции безопасности в ракурсе движения к глобальной устойчивости, превращение ее в главную стратегию существования и развития цивилизации третьего тысячелетия изменит мировоззрение людей и поможет им обрести общее будущее.

Авторы монографии: профессор Виктор Жук, академик Аркадий Урсул, академик Дмитрий Широканов, член-корреспондент Ион Гучак, член-корреспондент Виталий Медведев, доцент Ион Русанду, доцент Александр Червинский, доцент Сергей Спринчан, доцент Светлана Чумак, магистр Ирина Червинская.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОПРИРОДНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1.1. Социоприродные противоречия и переход к устойчивому развитию

В последние годы в обществе всё чаще и довольно широко обсуждается концепция устойчивого развития (УР). Следует согласиться с мнением Н. Касимова, что «никакая другая научная идея ни в естественных, ни в социальных дисциплинах не имела ранее столь широкого общественного резонанса» Однако мы не склонны однозначно считать, что идея УР носит только научный характер, более того, можно даже сказать, что эта идея пока не может быть в полной степени аргументирована наукой, по крайней мере той наукой, которая апеллирует исключительно к фактам и практике.

Ведь пока нет такого типа развития в глобальном масштабе, и мы лишь предполагаем, что оно может появиться в будущем, если произойдут соответствующие социальные и социоприродные трансформации. Поэтому доказательство состоятельности идеи УР может быть получено лишь будущей наукой, которую мы именуем в отличие от современной (в некоторой степени в своей авангардной части - постнеклассической) - ноосферной наукой. Хотя в принципе исследование стратегии УР и попытки ее аргументации уже имеются, причем первые научные основы были заложены докладом Комиссии Брундтланд (МКОСР) «Наше общее будущее».

Причина упомянутой популярности идеи УР заключается не столько в ее научной обоснованности и новизне, сколько в том, что эта идея получила признание в рамках ООН, ныне объединяющей более 190 стран мира. Принятая на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (ЮНСЕД), подтвержденная на Всемирном саммите по УР в Йоханнесбурге в 2002 г. (ВСУР) и Конференции ООН по устойчивому развитию опять в Рио-де-Жанейро в 2012 г. (Рио+20) стратегия УР получила статус политической рекомендации для всех стран и народов мира. Наука, естественно, участвовала в формулировке основных положений этой стратегии, которые отражены в основных до-

кументах упомянутых форумов ООН, причем ВСУР рекомендовал всем странам начать переход к УР с 2005 г. Однако нужно иметь в виду, что современная наука в основном исследует модель неустойчивого развития (НУР) и фактически (в прямом и переносном смысле) отображает «наше общее прошлое».

Основная идея УР в общецивилизационном ракурсе, на наш взгляд, заключается в сохранении цивилизации и биосферы. Поэтому в определенном смысле она представляется не только консервативной, но одновременно инновационной идеей. Вместе с тем она существенно отличается от «традиционного» консерватизма (если будет уместно так выразиться) и представляет собой в какой-то мере неоконсервативно-инновационное мировоззрение.

Как отмечают Н. Касимов и Ю. Мазуров, «положения концепции УР, в том числе в той форме, в какой они отражены в докладе Комиссии Брундтланд, не являются принципиально новыми в человеческой истории. Они были присущи традиционному патриархальному обществу прошлых эпох, они воспроизводятся и в современном мироустройстве общин аборигенных народов, например, малочисленных коренных народов российского Севера. Более того, во фрагментарном виде императивы традиционного УР сохраняются даже в некоторых развитых странах, переживающих промышленную революцию, последствия урбанизации и другие цивилизационные потрясения».

Среди приводимых ими примеров следующие. В Германии принципы УР начали внедряться в управление экономикой задолго до доклада МКОСР. Немецкий термин «Nachhaltigkeit» (устойчивость) с XIX века вошел в практику лесного хозяйства этой страны. Под устойчивым лесопользованием понималось хозяйствование, при котором изъятие лесных ресурсов непременно сопровождалось лесовосстановлением, полностью компенсирующим объемы рубок.

Однако не только в области природопользования, но и в сфере экологии в особенности американскими и английскими экологами использовался термин «sustainability» практически в том же значении, что и сейчас в концепции УР. Все же чисто этимологический экскурс в отношении понятия УР не может дать полного представления о его сущности. Важно, учитывая глобальный характер УР, проследить становление его понимания международным сообществом. Еще в докладе «Всемирная стратегия охраны природы» (1980 г.), представленном Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, подчеркивалось, что для того, чтобы развитие было

устойчивым, следует учитывать не только его экономические аспекты, но и социальные и экологические факторы. Особенно широко в 80-е годы проблемы развития и экологии обсуждались в трудах ученых американского исследовательского института «Worldwatch» («Всемирная вахта»), в частности, его директора Лестера Р. Брауна, а Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) еще с середины 70-х годов широко использовала понятие «развитие без разрушения» («development without destruction»), а в дальнейшем использовалось понятие «экоразвитие» («ecodevelopment») как экологически приемлемое развитие, т.е. оказывающее наименьшее негативное воздействие на окружающую среду.

В Декларации первой конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.) также была отмечена связь экономического и социального развития с проблемами окружающей среды. В подобное понимание развития важный вклад внесли научные доклады Римского клуба, особенно доклад «Пределы роста» (1972 г.), в которых формулировались идеи перехода цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия», от количественного роста к органическому развитию и новому мировому экономическому порядку.

И хотя мы начали говорить о тенденциях формирования идеи УР не с России, вряд ли можно согласиться, что концепция устойчивого развития зародилась впервые на Западе (ссылаются иногда на книгу Лестера Брауна). Истоки идеи УР носят принципиально международный характер. Можно указать и на работы российских (советских) ученых, которые в той или иной форме высказывали идеи, близкие к идеям устойчивого развития. Причем чаще всего упоминают имя В. Вернадского, который употреблял даже словосочетание «устойчивое мировое сообщество», но главное - развил идею ноосферы, или сферы разума, которая имеет прямое отношение к концепции УР.

Не менее важную роль, на наш взгляд, сыграл и основоположник теоретической космонавтики К. Циолковский, который, задумавшись о выживании (сохранении) человеческого рода, не только предложил идею обживания внеземных пространств, но и изобрел средство реализации этой идеи - космическую ракету. Хотя сейчас глобальный мир становится все более целостным, но все же ограниченным земным миром социоприродных взаимодействий, воздействующих и даже определяющих все другие процессы на нашей планете. Наиболее зримые ограничения - не только территориальные, ставящие предел дальнейшему экстенсивному

развитию, но и исчерпаемость природных ресурсов, глобальная экологическая угроза и т.д. Это и ограничения темпорального характера, очень часто ставящие предел развитию тех или иных процессов на Земле, в том числе и существованию человечества.

Эсхатологические темы изобилуют в околонаучной и даже научной литературе и СМИ. Причем глобальное потепление или предполагаемый очередной малый ледниковый период - далеко не единственные угрозы планете в будущем. Ожидается, что Земле угрожают катаклизмы, например, вулканической деятельностью, поскольку возрастает сейсмическая активность и опасность могут представлять не только вулканы, которых немало на планете, но и супервулканы (известно более двух десятков супервулканов на Земле). Причем особую тревогу вызывает Йеллоустонский супервулкан, расположенный на севере США, а также обретающая актуальность астероидно-кометная опасность. На эти планетарные ограничения и угрозы еще в конце XIX - начале XX веков обратил внимание К. Циолковский, который и предложил их устранить для человечества с помощью изобретения и использования ракеты как транспортного средства для широкого освоения космоса. С помощью освоения космоса ученый предложил последующую реализацию непрерывного прогресса цивилизации и тем самым обеспечения возможного бессмертия рода человеческого. И, если отвлечься от идеи сохранения биосферы, это была одна из первых версий концепции устойчивого развития, но в космическом варианте, осуществление которого не исключается в отдаленном будущем.

Однако это более отдаленное космическое будущее может наступить, если нам удастся решить наши глобальные проблемы и обезопасить сам процесс глобализации, направив его на магистраль УР. Сейчас приоритетнее решение проблем биосферы, ее сохранения. Идеи ноосферы в варианте В. Вернадского и социального (космического) бессмертия К. Циолковского не предусматривали концентрации усилий человечества на сохранении биосферы. Один говорил о превращении биосферы в ноосферу, другой развитие на планете считал опасным и неэффективным, предлагая идею сохранения и выживания человечества в пространствах Вселенной. Вместе с тем сейчас мы отчетливо понимаем, что естественной основой УР является лишь сохранение биосферы, возвращение к природному «естеству» как фундаменту выживания и непрерывного развития человечества. Авторы, оппонировавшие идее УР, придерживаются иной точки зрения.

Однако, если упомянутые идеи В. Вернадского и К. Циолковского были высказаны в основном в первой половине XIX в., то вторая половина этого века ознаменовалась появлением идей, связанных с рациональным («правильным», по А. Арманду) природопользованием, в основном развивавшимся советскими учеными (В. Анучин, А. Арманд, Ю. Ефремов, С. Струмилин, Т. Хачатуров и др.). Например, А. Арманд полагал, что моральный долг каждого поколения - оставить следующему поколению природные богатства в лучшем состоянии и в большем количестве, чем оно получило от предыдущего.

Особо следует выделить то направление в области природопользования, которое в 80-е годы XX в. развивалось в Молдове, а в 90-е годы после распада СССР и в России - формирование научных основ адаптивной стратегии интенсификации сельскохозяйственного производства. Ожидаемая интенсификация сельскохозяйственного производства должна использовать в большей степени адаптивные свойства человека и естественные факторы (биогенные и абиогенные), замещая ими невозпроизводимые в (особенности химико-техногенные) ресурсы. По сути дела, здесь была на базе сельского хозяйства сформулирована научная основа того, что в будущем было названо «устойчивым (или ноосферным) природопользованием», а также сформулирована методологическая концепция расширенного понимания интенсификации как максимального вовлечения качественных факторов и источников деятельности при минимизации количественных параметров. Можно было бы и далее перечислить и другие направления, связанные с экологией и природопользованием, однако только к этим источникам нельзя свести более системную концепцию УР. Если мы обратимся к основным составляющим проектируемого процесса УР, то обнаружим, что высказанные в марксизме идеи социальной справедливости также с полным правом можно отнести к одному из направлений будущей концепции УР. Эти идеи (естественно, без упоминания их авторов) вошли в концепцию УР, развиваемую ООН и особенно бывшим генсеком Кофи Аннаном, и считаются едва ли не главными в идее УР, наряду с проблемами экологической безопасности.

Кроме социального аспекта, важно отметить те работы в области экономики, которые развивают не экстенсивный, а именно интенсивный способ производства и любой хозяйственной деятельности, который является экологически безопасным и экономически более справедливым, нежели традиционная рыночно-экономическая модель. Сюда следует отнести и социально-гуманитарные разработки, которые ориентируют на

изучение тенденций, могущих в перспективе войти в модель УР. В свете этих исследований становится ясным, что, например, в России происходит процесс поступательного движения от ценностей тоталитарного прошлого через рыночно-демократическое настоящее к устойчивому будущему. Пока все эти ценности смешаны в одно «эkleктическое» образование и важно сейчас выделить те общечеловеческие глобальные приоритеты, которые обеспечат поддержку процесса перехода к УР. Казалось бы, сохранение человечества - это своего рода консервативная идея, но она предполагает изменение самого человечества, причем кардинальное, для того чтобы оно могло выжить и неопределенно долго существовать на планете. Это самые фундаментальные трансформации за всю постнеолитическую историю человечества, которые направлены на сохранение и человечества, и биосферы как естественного фундамента всей жизни и разума на Земле.

Наличие различных направлений формирования новой формы цивилизационного развития свидетельствует о наличии разного рода противоречий в его современной форме (модели). Однако из всех противоречий не случайно выделяют противоречие между обществом и природой, которое проявляется, причем со все большей остротой, как противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности. Так или иначе подобное противоречие возникало всегда, но оно лишь второй раз проявилось на глобальном уровне. Первый раз, когда охотничье-собирательское хозяйство разрозненного по племенам человечества уступило место производящему хозяйству, и второй раз - уже во второй половине XX - начале XXI века, когда также приходится изменять сам тип развития уже относительно единого мирового сообщества опять-таки в глобальном масштабе.

В период перехода к неолитической революции речь шла в основном о недостатке природных (пищевых) ресурсов, которые нельзя было освоить с помощью палеолитических способов и экстенсивных технологий. Поэтому агрикультурная революция состояла в формировании нового способа природопользования в производстве продуктов (в основном биологической природы), ранее не существовавших в естественном виде и могущих удовлетворять потребности людей, что создало условия для демографического взрыва.

Переход же к УР, который в принципе не может растянуться на несколько тысячелетий как переход к производящему хозяйству, должен

свершиться в считанные десятилетия (максимум одно-два столетия). Это вызвано тем, что к недостатку природных ресурсов (в основном невозобновимых) добавился социально-экологический кризис, разрушение биосферы как естественного фундамента жизни цивилизации и любых иных форм жизни на планете. Причем деградация природной среды оказывается более «слабым звеном» в этом кризисе, чем нехватка природных ресурсов, которые в принципе могут быть заменены путем создания новых высоких технологий и экологобезопасных видов хозяйственной деятельности. В этом отличие нынешнего глобального противоречия в системе «общество - природа» от верхнепалеолитического, приведшего к смене способа хозяйственной деятельности и шире - взаимодействия основных компонентов в упомянутой системе.

Глобальные проблемы (и их аналоги в прошлом), концентрирующие негативные последствия предшествующего развития человечества, оказываются предвестником и спутником кардинальных поворотов в истории. Глобальные противоречия возникают и появляются тогда, когда созревают фундаментальные кризисы в самом существовании и эволюции *homo sapiens*, что ведет к смене способа социоприродного взаимодействия и, тем самым, бытия социальной ступени эволюции. На исторических примерах в прошлом можно выявить некоторые аналоги современной глобальной ситуации, когда определенные, прежде всего социоприродные, глобальные процессы развития ведут к возникновению глобальных противоречий и разного рода комплекса общечеловеческих проблем, а их решение генерирует новые глобальные процессы.

Человечество уже не первый, а по меньшей мере, второй раз в своей истории сталкивается хотя и с разными, но с планетарно-пространственными и социоприродными противоречиями и ограничениями своей непрерывно расширяющейся хозяйственной деятельности: первый раз (в верхнем палеолите), а затем в наше время. Однако нужно видеть, что это ограничения для принципиально разных типов хозяйственной деятельности: в первом случае - для охоты и собирательства, а второй раз - для производящего хозяйства, которое может считаться уже не экстенсивной, а в определенной степени интенсивной деятельностью по отношению к предшествующей. Геоцентрические ограничения для экстенсивно растущего производящего хозяйства свидетельствуют о том, что глобальные проблемы современности могут быть разрешены на пути глобализации как нового витка «планетарной интенсификации», который требует перехода к интенсивно-инновационному и одновременно ко-

эволюционному способу хозяйствования и социоприродного взаимодействия в глобальном масштабе.

Итак, на исторических примерах мы обнаруживаем в прошлом некоторые аналогии современной глобальной ситуации, когда определенные, прежде всего социоприродные, глобальные процессы развития ведут к возникновению глобальных противоречий и разного рода комплекса общечеловеческих проблем, а их решение генерирует новые глобальные процессы. Фундаментальные процессы становления новых способов социоприродного взаимодействия приводят, хотя и неоднозначно, к появлению глобальных противоречий, а их позитивное решение вновь дает начало разворачиванию новых глобальных феноменов, оказывающихся вместе с тем и процессами глобального развития. Важно выявить этот эволюционный аспект глобальной динамики и от процессуального видения перейти к их эволюционному представлению.

Именно под влиянием эпохи производства саму человеческую деятельность стали осмысливать как активность людей, направленную на изменение и преобразование окружающего мира. Сейчас необходимо внести соответствующие коррективы в философскую категорию деятельности, которая должна пониматься не только в плане преобразования, но и в ракурсе адаптации, причем формирование адаптивного потенциала сейчас и в будущем оказывается не менее важным, чем адаптирующие действия. Следует согласиться с Н. Касимовым и его соавторами, что «потребление природных благ не должно превышать естественных ограничений, обусловленных параметрами природной среды нашей планеты». Сейчас все чаще употребляются понятия, в той или иной форме выражающие эти естественные ограничения (к которым надо адаптироваться), в частности понятия «несущая емкость экосистем», «хозяйственная емкость экосистем», «предел устойчивости экосистем» и др. Согласно К. Лосеву, каждое из этих понятий отображает предельно допустимое возмущение локальной или глобальной экосистемы (биосферы) хозяйственной деятельностью человека, после превышения которого она прекращает функционировать как регулятор и стабилизатор окружающей среды, переходит в неустойчивое состояние и со временем может полностью необратимо деградировать.

Несущая емкость экосистем связана с экологической и природоресурсной видами безопасности, поскольку первая характеризует степень обеспечения охраны биоты, а вторая - степень изъятия природных ресурсов из биосферы.

Устойчивость биосферы и ее экосистем - это способность поддерживать свое функционирование и возможность реализовать дальнейшие эволюционные процессы, восстанавливаться после нарушений и негативных воздействий. Это обеспечивается благодаря огромному биологическому разнообразию (число биологических видов на планете составляет более 30 миллионов). Именно это разнообразие сформировало компенсаторно-восстановительные и регулятивные механизмы, гарантирующие в определенном диапазоне гомеостазис системы «биота - планета». При этом стабильность планетарной экосистемы обеспечивается дублированием звеньев биогеохимических циклов и взаимозаменяемостью ее составляющих. Чем выше биоразнообразие, тем стабильнее экосистема, в то время как одно- либо двухвидовые сообщества (биоценозы) оказываются нестабильными.

Приоритетное место в понятии «несущая емкость экосистемы» занимает экологическая, а не природоресурсная составляющая, и именно она определяет естественные ограничения, хотя необходимо обе составляющие учитывать одновременно. Разрешение упомянутого социоприродного противоречия означает проведение хозяйственной и иной деятельности человека в пределах несущей емкости экосистем, а человечества в целом - в границах этой же емкости биосферы. Собственно, это и есть переход к УР в отдельно взятом «экосистемном масштабе», когда будут гармонично сочетаться адаптирующая и адаптивная виды деятельности, что должно привести к соразвитию (коэволюции) природы и общества.

Переход к УР носит глобальный характер и в перспективе будущей цивилизации требует необходимости планетарного управления процессом этого перехода. Это означает, что начавшаяся глобализация должна получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, становясь уже не стихийным, а социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом эволюционного движения единого человечества. При «вписывании» процесса глобализации в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, все больше вырываясь из старой модели развития, т.е. вместо стихийного процесса становились бы процессом управляемым.

Это также означает, что все основные акторы современного, а тем более будущего процесса глобализации, также должны работать на переход

к УР. Особенно это относится к транснациональным акторам - международным организациям, деловым кругам, прежде всего к ТНК и ТНБ, многие из которых уже приняли соответствующие заявления о приверженности политике УР, например, в рамках Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию (о чем более подробно пойдет речь в последней главе этой работы). Однако наиболее масштабное содействие бизнес-структур глобализации через УР стало разворачиваться благодаря появлению и реализации Глобального договора ООН.

Глобальный договор ООН - международная добровольная инициатива, направленная на распространение принципов социальноответственного ведения бизнеса, - является политической платформой и практической основой для деятельности компаний, приверженных идее перехода к устойчивому развитию. Глобальный договор ставит задачу развития принципов социальной ответственности бизнеса, обеспечения его участия в решении наиболее острых проблем глобализационных процессов. Сейчас важно активизировать и расширить участие гражданского общества, прежде всего деловых кругов, неправительственных и других организаций, местных общин и органов самоуправления в подготовке и принятии решений по переходу к УР, интенсифицировать процессы обмена информацией в области экологии и других сфер упомянутого перехода. Это в какой-то степени уже достигается через Глобальный договор ООН, который реализуется уже в течение более десяти лет. Важная роль в этом процессе отводится и государству, которое должно взять под свой контроль процессы перехода к УР и представить такой переход как свою основную стратегическую цель, задействовав политические механизмы и создавая для этого законодательно-правовую базу как часть формирующегося глобального управления.

Человечество столкнулось в последние десятилетия не просто с естественными ограничениями, а с глобальными природными, прежде всего биосферными ограничениями. Поэтому переход к УР в силу целостности и сильной взаимосвязи компонентов биосферы (как фундамента жизни и регулятора окружающей среды) и формирования единства цивилизации через глобализацию должен оказаться управленческим процессом, в тех или иных аспектах ограничивающим стихийное продолжение рыночно-экономической модели неустойчивого развития (НУР). И хотя только к ограничениям, разумеется, нельзя свести переход к УР, однако, как уже было показано, они приобретают сейчас приоритетное значение, и в зависимости от степени осознания этих биосферных и иных пределов

и границ можно будет в будущем судить об эффективности перехода к УР на глобальном, региональном, национальном и локальном уровнях.

Стратегическая цель перехода к устойчивому развитию - сформировать совершенно новую цивилизационную модель развития, которая, обеспечивая выживание и продолжая дальнейшее поступательное движение цивилизации, не разрушала бы окружающую природную среду, находилась бы в гармоничных (коэволюционных) отношениях с биосферой. Если в результате общечеловеческих скоординированных действий удастся сохранить биосферу, то тем самым появится возможность выживания цивилизации и ее непрекращающегося развития не только в течение ближайших веков, но и на последующие неопределенно долгие времена.

Неизбежность перехода любой страны на планете к устойчивому развитию вытекает из необходимости решения общих для мирового сообщества глобальных проблем. В этом смысле переход к устойчивому развитию - это реальный путь решения пока обостряющихся глобальных проблем, каждая из которых чревата реальной опасностью планетарной антропоэкологической катастрофы.

Новая цивилизационная модель возникла как попытка найти общую концептуальную платформу совместного выживания народонаселения планеты, выхода из глобального (и особенно экологического) кризисного состояния, недопущения мировой катастрофы - омницида (гибели всего живого). Устранение какого-либо государства из «процесса Рио» (как еще называют переход к устойчивому развитию) или недостаточно активное ее участие в этом процессе объективно отодвинет ее еще дальше на периферию глобального развития, переходящего к своему устойчивому процессу и «состоянию», превратит такую страну в резервацию архаичной модели неустойчивого развития, сырьевой или иной «придачок» «золотого миллиарда».

Вот почему нельзя согласиться с мнением, что, например, Россия не может полагаться на концепцию устойчивого развития. Вот почему оправдано формирование как основных направлений, так и целостных концепций и государственной Стратегии перехода России к устойчивому развитию. Ответ на вопрос: должна ли Россия двигаться в том же направлении, что и мировое сообщество, реализуя «процесс Рио»?, уже очевиден, несмотря на трудности реализации стратегии УР.

Согласно принятым официальным документам, Россия должна участвовать по мере своих возможностей и международных обязательств в

решении глобальных проблем связанных с взаимодействием общества и природы, способствуя защите и восстановлению экосистемы Земли. Ведь биосфера как регулятор окружающей среды представляет собой единую систему, и переход к устойчивому развитию может быть реализован только усилиями всего объединенного человечества. Речь прежде всего идет о сохранении биосферы планеты, ее биоразнообразия и устойчивости, предотвращения антропогенного изменения климата, защите озонового слоя от истощения, охране лесов и их восстановлению, борьбе с опустыниванием, обеспечении безопасного уничтожения ядерного, химического и биологического оружия, решении проблем Мирового океана и межгосударственных региональных экологических проблем, развитии и совершенствовании системы особо охраняемых природных территорий и существенном расширении их пространства в Российской Федерации и т.д.

Решение глобально-экологических проблем, определяющих специфику перехода к устойчивому развитию, его отличие от всех иных путей неустойчивого развития в России должно быть сопряжено с развертыванием политических, социально-экономических, геоэкологических, финансовых, налоговых, правовых и иных механизмов на фоне перехода к рыночным отношениям. Одна из особенностей перехода России к устойчивому развитию - это совпадение по историческим масштабам времени с переходом к рыночным отношениям и демократическим преобразованиям, что характерно ещё для старой (современной) модели развития. А это означает, что хозяйственная деятельность должна ориентироваться не просто на достижение высокой экономической эффективности, но и на социальную справедливость и экологическую безопасность (и безопасность в других отношениях), которые в своем триединстве должны стать главным системным критерием развития.

Россия играет и в будущем будет играть определяющую роль в поддержании глобального экологического равновесия. В РФ находится четверть мировых лесных ресурсов, не тронутых хозяйственным освоением, что в значительной степени обеспечивает глобальную стабилизацию биосферы (наряду с тропическими лесами). Кроме того, Россия обеспечивает сохранность 20% мировых запасов жидкой пресной воды. Есть и другие аргументы в пользу особой роли нашей страны в социоприродном по своему существу переходе к УР, о чем ещё пойдет речь в последнем параграфе четвертой главы.

Модель этого «устойчивого будущего» еще достаточно четко не определена, и пока мировое сообщество придерживается тезиса о многообра-

зии моделей устойчивого развития (но при наличии общих целей и принципов), одна из которых может реализоваться в каждой стране. Однако, в отличие от ныне действующей модели развития, которая также характеризуется «странным разнообразием», устойчивое будущее мирового сообщества, каждого региона и государства вначале необходимо создать на концептуально-теоретическом, виртуальном уровне. И лишь затем необходимо реализовывать это виртуальное будущее, прокладывая в него оптимальную траекторию от модели неустойчивого развития. И такая траектория для каждой страны будет обладать своей спецификой.

Пока еще рано говорить о теории устойчивого развития, но научные концепции уже существуют и излагаются в ряде публикаций, основные из которых приведены в списке литературы в конце книги и постраничных ссылках. Концепции (или их спектр) предваряют создание теории, которая может носить только междисциплинарный, комплексный характер, затрагивая все основные группы современной науки, в чем можно убедиться по ходу последующего изложения материала.

1.2. Социоприродное направление глобализации

В том, что создание нормативной базы и особенно правовых норм выступает в качестве важнейшего инструмента перехода цивилизации к устойчивому развитию свидетельствуют документы ЮНСЕД, в частности «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию». Декларация, содержащая 27 принципов, большинство из которых адресованы государствам, входящим в ООН, рекомендует использовать законодательные механизмы для перехода к устойчивому развитию. Так, принцип 11 акцентирует внимание на необходимости принятия государствами эффективных законодательных актов в области окружающей среды, причем экологические стандарты, цели регламентации и приоритеты должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются. Принцип 13 гласит: «Государства должны разработать национальные законы, касающиеся ответственности и компенсаций жертвам загрязнения и другого экологического ущерба. Государства оперативным и более решительным образом сотрудничают также в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикции».

Но, если упомянутые принципы относятся в основном к области экологического права (национального и международного), то последний 27 принцип уже непосредственно касается разработки проблем права устойчивого развития: «Государства и народы сотрудничают в духе доброй воли и партнерства в выполнении принципов, воплощенных в настоящей Декларации, и в дальнейшем развитии международного права в области устойчивого развития».

Эта ориентация на необходимость разработки правовых проблем устойчивого развития была продолжена и в документах ВСУР в Йоханнесбурге. Согласно решениям Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в 2002 г., было установлено, что с декабря 2005 г. до 2014 г. включительно начинается переход мирового сообщества к устойчивому развитию. Каждая страна, в соответствии с Планом выполнения решений этого саммита, должна на национальном уровне содействовать достижению устойчивого развития «посредством, в частности, принятия и обеспечения соблюдения четких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития», а также осуществить другие меры по укреплению институциональной базы устойчивого развития.

Такой переход возможен только в том случае, если он обретет международно-глобальный характер, ибо переход, как упоминалось, в принципе невозможен в одной отдельно взятой стране либо какой-то их группе. Глобальный характер перехода к новой цивилизационной парадигме требует формирования новых международных отношений, которые руководствовались бы новыми стандартами, нормами и принципами, составляющими новую систему (форму) права - право устойчивого развития. Именно глобальный характер новой цивилизационной стратегии свидетельствует о приоритетности международно-правового регулирования по сравнению с регулированием национального (государственного) права (хотя приоритет международного права признается и в модели неустойчивого развития). Эта достаточно очевидная особенность права устойчивого развития проявляется в том, что основные рекомендательные акты, составляющие в настоящее время концептуально-ориентационную основу качественно нового права развития, были приняты в рамках ООН на ее различных форумах.

В связи с указанными рекомендациями ЮНСЕД и ВСУР представляется актуальным и перспективным исследование правовых аспектов перехода к устойчивому развитию, причем в более широком плане, чем это обычно делалось в рамках экологического права. В ходе работы в

Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации над законопроектами по проблемам устойчивого развития была сформулирована идея о выделении нового направления юридической науки и правовой деятельности - права устойчивого развития. Рассмотрим далее некоторые проблемы, связанные с возможной реализацией этой новой для современного права идеи.

Законотворчество в любой области, как известно, начинается с определения понятий, и таким понятием, конечно, является понятие устойчивого развития. Но оно должно быть приспособлено для юридических целей (юридическая экспликация). И если с этой точки зрения мы рассмотрим уже имеющиеся понятия устойчивого развития, то увидим, что они фактически не могут быть приспособлены под законотворческие потребности.

Среди понятий устойчивого развития, которые уже использовались для концептуальной разработки проблем качественно нового права, было понимание этого типа развития с проблемами экологии, например, то, которое содержится в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». Так или иначе, многие авторы акцентируют внимание на связи социально-экономического развития с вопросами экологии, прежде всего с охраной окружающей среды, или несколько шире - с обеспечением экологической безопасности. С этой точки зрения, устойчивое развитие - форма социоприродного развития, которая обеспечивает выживание и непрерывный прогресс общества и не разрушает окружающую природную среду (особенно биосферу). Подобная «традиция» связи устойчивого развития с экологией (главным образом с экологической безопасностью) имеет свои основания, и пока очень редко можно встретить иную точку зрения.

В этом ключе были написаны первые статьи по становлению права устойчивого развития и первая книга по этой проблематике - «Правовые аспекты устойчивого развития». Однако ясно, что экологическая трактовка права устойчивого развития должна быть расширена за счет других системных составляющих будущего права устойчивого развития.

Сейчас стало понятным, что будущее устойчивое развитие будет состоять как минимум из нескольких составляющих: социальнополитическое устойчивое развитие, экономическое устойчивое развитие, демографическое устойчивое развитие и экологически устойчивое развитие. Все эти и другие составляющие единого устойчивого социоприродного развития становятся именно устойчивыми типами развития, если на них накладываются определенные ограничения и все они увязываются в единую систему, которая отличается от одномерно-экономическоцентрического неустойчивого развития, характеризуемого в основном экономической эффективностью.

Наряду с таким, назовем его «системно-концептуальным» пониманием этого типа развития, в последнее время, как отмечалось, стало развиваться представление о более безопасном развитии, чем современное. В самом деле, выявление связи устойчивого развития с проблемой экологической безопасности, как оказалось, свелось к определению тех ограничений и, соответственно, новых норм, которые выражают предельно допустимую (несущую) емкость экосистем и биосферы в целом. Устойчивое развитие оказывается таким нормативным типом развития, которое происходит в пределах несущей емкости экосистем, т.е. нормативность здесь имеет естественно-природный характер. Впрочем, подобное понимание выражает в основном его экологический аспект и позиционируется как экологобезопасное развитие с последующими из этого нормами и стандартами.

Однако, если рассматривать не только экологически безопасное, но и другие формы и виды безопасного развития, то можно определить определенные границы (пределы) и нормы безопасного в том или ином отношении развития. Это касается экономически безопасного развития, социального, информационного, технического и других форм и видов развития и соответствующих им форм обеспечения безопасности. Развитие в рамках конкретной экосистемы в целом оказывается устойчивым, если оно происходит в рамках соответствующего «нормативного коридора безопасности», т.е. той или иной «несущей емкости» антропогенной деятельности.

В этом смысле экологическая безопасность не отличается от других видов безопасности, но важно то, что понятие устойчивого развития впервые было сформулировано лишь в связи с экологией. И до осознания связи понятий «развитие и окружающая среда» изучались и другие виды безопасности наряду с экологической, но концепция устойчивого развития была создана на пути экологического осмысления развития. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие характеристики реального процесса развития - т.е. экономическое его измерение, политическое, социальное, демографическое и т.д. Правда, при таком системном синтезе не очень понятно, почему мы должны включать лишь те характеристики, которые связаны с соответствующим видом безопасности - экономической, демографической, социальной и т.д.

В том, что необходимо обеспечивать все виды безопасности и прежде всего экономическую, социальную, демографическую и т.д. достаточно

очевидно, ибо развитие как целостная характеристика систем не обретет необходимую системную устойчивость. Однако обеспечение безопасности во всех необходимых аспектах еще не гарантирует, что развитие будет сбалансированно-устойчивым. Для этого типа развития важно, чтобы наряду с обеспечением безопасности, т.е. возможностью развития в определенном «нормативном коридоре», происходило бы не просто развитие, а именно наиболее желательное - прогрессивное развитие, что создает возможность непрерывного продолжения этого типа развития на главной его магистрали, т.е. супермагистрали универсальной эволюции.

При обеспечении безопасности прогрессивно эволюционирующих, т.е. самоорганизующихся систем, реализуется тот тип развития, к которому мы сейчас стремимся, потому что он дает возможность выживания и дальнейшего неопределенно долгого (перманентного) прогрессивного развития человеческого рода. Таким образом, устойчивое развитие состоит из двух взаимосвязанных форм социальной деятельности: прогрессивного развития субъекта (цивилизации) социоприродной системы и обеспечения ее безопасности во всех возможных направлениях. Эта взаимосвязь прогресса и безопасности «работает» на будущее, позволяя удовлетворять жизненно важные интересы и потребности не только нынешним, но и будущим поколениям в условиях сохранения природных условий как естественного фундамента существования человечества.

Концепция УР могла появиться и не в «экологоцентрической» форме, если бы было осознано, что в принципе необходимо менять курс развития всего мирового сообщества в силу иных достаточно очевидных факторов и обстоятельств. И хотя исторически это впервые получилось благодаря экологии, все же нельзя новый тип развития связывать только с реализацией экологических императивов. УР - это все-таки безопасно-инновационный тип развития во всех отношениях, который реализуется в достаточно узком эволюционном коридоре (в рамках несущей емкости экосистем). Поэтому на определенном уровне «нормативного» осознания сути УР важно констатировать, что этот тип социоприродного развития характеризуется глобальностью, системностью, непрерывностью, безопасностью и принятием опережающих решений.

И поэтому правовое осмысление УР не обязательно должно идти только через экологические нормы, хотя сейчас идет в основном именно через них. Можно интерпретировать этот тип развития и через нормы безопасности, и через другие нормы и ограничения, входящие в его систему направления развития (и обеспечения безопасности), ранее изучающиеся как относительно автономные формы человеческой деятельности.

В широком смысле, устойчивое развитие трактуется как процесс, обозначающий новый тип существования и развития мировой цивилизации, основанный на радикальных инновациях исторически сложившихся ориентиров и норм во всех, практически, параметрах бытия: экономических, социальных, демографических, экологических, культурологических и др. При таком понимании речь идет об оптимальном управлении не только природно-ресурсным потенциалом, но и всей социокультурной сферой (экономикой, культурой, государственно-правовыми институтами и т.д.).

Переход к новому типу развития невозможен без использования государственно-правовых институтов, которые при этом сами должны претерпеть существенные изменения. Принципы, императивы и нормы устойчивого развития требуют новых форм правосознания, новых правовых норм, новой системы управления. Индивидуальное, корпоративное, общественное правосознание должны отойти от стандартов узко-индивидуального, группового и даже национального эгоизма. Большинство людей не осознает, что при существующих методах хозяйствования и построения межгосударственных отношений их потомков ожидает экологическая катастрофа (или иные глобальные катаклизмы), предотвратить которую невозможно иначе, чем объединенными усилиями всего человечества. Объединение таких усилий требует новой концепции государственной власти и государственного суверенитета, которая выходит за пределы корпоративных и классовых интересов и в ряде случаев даже собственно государственных интересов. Из основных форм властных отношений на первый план во всем мире выходят ныне наиболее разумные формы демократии и управления, особенно ненасильственно-консенсусные, информационно-коэволюционные.

Смысл перехода к новой стратегии мирового сообщества, таким образом, состоит в существенном уменьшении негативных явлений и опасностей, угрожающих цивилизации. Причем такой переход неизбежно влечет за собой необходимость повышения качества жизни, прежде всего в бедных странах, совершенствования форм хозяйствования, управления, демократии. Важно отметить также, что в модели устойчивого развития безопасность личности, общества и государства обеспечивается не только через защиту и противодействие возникающим угрозам, а в основном - путем их предотвращения.

Государство окажется эффективным в плане реализации стратегии устойчивого развития если оно превратит эту стратегию в реальную го-

сударственную политику и разработает для применения национальные законы как в области экологического права, так и в других областях права. На это ориентируют политические рекомендации всех форумов ООН, где рассматривались проблемы устойчивого развития.

Право УР будет развиваться на национально-государственном уровне, используя в качестве своего источника политические рекомендации ООН, которые выступают в качестве производного источника этого права. На определенном этапе национального пути развития права устойчивого развития появится потребность формирования международного, в перспективе - глобального права устойчивого развития.

На наш взгляд, право устойчивого развития на национально-государственном уровне будет продолжать идею господства права и правового государства, но уже ориентируясь на новую нормативно-цивилизационную парадигму. Именно через процесс реализации политики УР произойдет утверждение господства права (как и прав человека) на глобальном уровне, что имело бы далеко идущие позитивные последствия для выживания и прогрессивного развития всего мирового сообщества.

Процессы развития права УР уже начались с «расширения» экологического права на другие процессы. Однако мы прогнозируем и другие возможные пути развития этого права, например, на базе правовых проблем обеспечения безопасности других направлений и отраслей права. Причем этот процесс будет идти одновременно как на национальном, так и на международном уровнях, усиливая и стимулируя друг друга.

На первом этапе формирования этого соционормативного феномена основное внимание важно уделить исследованию возможного концептуального аппарата права УР, который должен в дальнейшем получить свою юридическую экспликацию. Но для этого необходимо признать, что нынешняя модель развития уже оказывается «ненормальной», а «нормальной» является модель безопасно-устойчивого развития, и перейти от запоздалой фиксации правовых норм модели неустойчивого развития к новым, пока виртуально-гипотетическим, опережающим нормам будущего желаемого типа развития. Но это возможно только в ходе изменения существующих форм правосознания, которое, в частности, должно стать опережающим, в отличие от «отстающего» правосознания модели неустойчивого развития. По сути дела, уже существует первоначальная модель права устойчивого развития в своем «мягком», как говорят юристы, варианте. Это – международно-рекомендательные акты, принятые на форумах ООН, которые достигнуты в ходе согласительных проце-

дур и предложений, причем в процессе консенсуса. Рекомендательно-политические акты выполняют ряд важных функций, моделируя право устойчивого развития. Среди этих функций, кроме опережающего моделирования, координирующая, объяснительно-ориентационная, регулирующая, информационно-коммуникативная, упреждающе-прогностическая функции и ряд других.

Мягкое право (к которому мы относим право устойчивого развития) - это понятие, обозначающее нормы, в основном обусловленные принятием ООН большого количества резолюций, носящих рекомендательный характер. Мягкое право также выступает в качестве выдвинутыми учеными и политиками нормами для дальнейшей их трансформации в «твердое право» как обязательные нормы международного права. Этот вид права имеет в виду те механизмы регулирования, которые хотя и содержат некоторую нормативную составляющую, тем не менее, не основываются на обязательных требованиях, правилах или санкциях, однако имеющие определенное практическое значение для международных отношений. Право устойчивого развития как некая пока лишь концептуальная модель имеет лишь опережающе-деонтологический статус и не отражает реальной жизни, которая, вполне понятно, протекает в модели НУР. Но этот отход от реальной «правовой жизни» неизбежен, поскольку пока создается юридическая модель должного и желаемого будущего. Современное же право оказывается моделью сущего и должного, но в основном прошлого и настоящего. Продолжение же «неустойчивого правового процесса» в будущее чревато теми же негативными последствиями, которые сопряжены с нынешней формой цивилизационного развития. Поэтому для обеспечения устойчивого развития необходимо введение новых «устойчивых» норм, которые отходили бы от прежнего «нормального» развития общества к обеспечению его безопасности с помощью нового типа развития, продолжающего позитивные черты прошлого и элиминирующие его негативы.

Несколько по-иному, учитывая глобальный характер перехода к устойчивому будущему, придется трактовать такую характеристику нормы (закона) как общеобязательность. От обязательности, распространяемой обычно лишь на территории государства в ходе становления нового качества прав, придется перейти к общеобязательности в ее пространственно-планетарном ракурсе, а также распространить эту «устойчивую нормативность» на все обозримые поколения народонаселения Земли и их государственно-территориальные образования.

Происходят трансформации и других характеристик правовых норм и социальных императивов, ориентируясь на выживание и дальнейшее перманентное прогрессивное развитие человеческого рода. Так, и в «праве неустойчивого развития» предполагалось, что оно в той или иной степени распространяется как на нынешние, так и на будущие поколения людей. Однако ранее не замечалось, что подобное формальное равенство вовсе не защищает от ухудшения жизни будущие поколения в силу уже неправовых и неформальных обстоятельств. Потому в наиболее широко распространенном определении понятия устойчивого развития нормативному принципу равенства возможностей поколений (нынешних и будущих) уделяется первостепенное значение как признаку желаемой демографической устойчивости. Изменения затронут и нормы, отражающие принцип справедливости, который мыслится распространенным не только на ныне живущих землян (четыре-пять поколений), не только на их будущие поколения, но и в определенной части на другие живые существа.

В ряде стран уже начали принимать законы, которые включают в себя идеи, принципы и даже понятие УР. Но это, как правило, законы, специально посвященные не УР, а отдельным сферам деятельности людей и чаще всего в области природопользования и охраны окружающей среды. Законодательная инициатива по принятию специального закона об устойчивом развитии, по-видимому, принадлежит Эстонии, где в 1995 г. был принят такой закон. Однако его содержание оказалось целиком в русле экологического права и не выходило в другие «неэкологические» сферы. Между тем, выходя из экологического законодательства, проблема перехода к устойчивому развитию может обрести свою «территорию» и свое специальное направление уже в современном законодательстве и стать отраслью законодательства. Так, в планах руководства Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации некоторое время числился законопроект «О государственной политике по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации» и проводилась соответствующая работа по его подготовке, а также парламентские слушания. Не удалось пока выработать даже концептуальные основы такого закона, хотя уже возникла идея о создании проекта «Кодекса перехода к устойчивому развитию Российской Федерации», который должен стать законодательной основой для дальнейшего развертывания работ в новой области как отрасли законодательства.

Однако вряд ли можно говорить о праве УР как отрасли современного права, причем не только потому, что оно в основном принадлежит к об-

ласти мягкого права. И понятно почему: право УР в принципе не может быть частью «права неустойчивого развития». Хотя на определенном переходном этапе они могут и будут сосуществовать, так как одновременно невозможно перейти к новому качеству права, для этого должен быть отведен некоторый период времени. Речь должна идти не об «отраслевом видении» права УР, а об этом праве как качественно новой характеристике всей будущей системы права (национального и международного).

Становящееся право УР как новое системное качество права уже с настоящего времени будет влиять на ныне существующее право в силу уже принятого юридического механизма функционирования правовых законов и норм, поэтому появившиеся законы об устойчивом развитии будут ориентировать всю правовую систему (национальную и международную) на цели и принципы новой цивилизационной парадигмы. При этом новое качество права должно будет реализовать УР-функции государства и даже всего мирового сообщества. Причем развитие нового качества права одновременно могло бы как реализовывать новые социоприродные функции государства, так и способствовать «устойчивой» эволюции государства, продвигать господство права в глобальном измерении, а, может быть, и способствовать формированию планетарной формы государства с устойчивым развитием.

Одной из важных проблем правового аспекта перехода к устойчивому развитию является изменение темпорального характера становления правовых норм. До сих пор, как правило, появление правовых норм происходило с существенным отставанием от жизни, и в них фактически фиксировалось уже прошедшее. Это прошлое, закрепленное в законах, должно было определять будущее, что уже явно неприемлемо в условиях перехода к устойчивому развитию. Здесь необходимо прервать этот линейно-правовой процесс и начать переходить к формированию опережающих правовых норм, соответствующей должной модели устойчивого будущего (как это имеет место в международном космическом праве). Речь идет о правовых аспектах нормативного прогнозирования и особенно такой его формы, как нормы, которые мы приписываем устойчивому развитию, что мы предпочитаем называть процессом футуризации права.

Если ранее и сейчас юридическому мышлению присущ явный консерватизм, поскольку главная задача государства и права виделась в поддержании существующего порядка, то сейчас ситуация кардинальным образом меняется. Однако на такой традиции и инерции невозможно будет построить «правовой фундамент» УР. Поэтому с идеей правового госу-

дарства и глобализации господства права в юридическую науку должна войти футурологическая идея «правового будущего». Это будет означать, что право из «отстающего» феномена должно стать опережающим, но не только по темпам своего развития, но и по-своему «нормативному содержанию», черпающим информацию о будущем и из будущего.

Футуризация права, в особенности в ее «нормативно-устойчивой» версии, призвана создать один из самых мощных рычагов перехода к устойчивому будущему. В общем государственно-правовом процессе правовая составляющая оказывается более приоритетной, и это связано с глобализацией господства права и возможностями его футуризации, т.е. с новыми пространственно-временными характеристиками. Футуризация права, на наш взгляд, - это неотъемлемая часть формирования права УР как инновационно-опережающего правосознания и правоприменения.

И хотя сейчас цивилизация находится в нестабильном и взрывоопасном состоянии, переживает глобальный кризис, - это не повод для отрицания самой идеи перехода мирового сообщества на новый путь, по которому сообщество решило идти большинство стран планеты. Однако российский путь вхождения в ноосферу, как, впрочем, и все предшествующее развитие России, по-прежнему окажется отмеченным своеобразием. Выявятся свои приоритеты, отличные от тех, которые будут характерны для развитых стран Запада и Востока. Возможно, Россия свернет на магистраль устойчивого развития несколько позже этих стран. Они уже имеют возможность сосредоточить свое внимание, например, на экологических проблемах УР, а России еще необходимо заниматься переходом к экологически справедливому и безопасному рынку, создавать правовое государство, проводить дальнейшие демократические преобразования, обеспечивать социальную справедливость и т.д. Но в свете развиваемых здесь идей ясно, что такие преобразования не должны проводиться без продуманной теоретической концепции, в которой приоритетное место получают задачи УР и в которой должное внимание будет уделено государственно-правовому процессу. Но может случиться и так, что удачно разработанная более широкая и содержательная стратегия перехода России к УР и адекватные ей государственные программы, нормативно-правовая база, прогнозные документы позволят России за счет этого интеллектуального фактора достаточно быстро войти в число лидеров планетарного ноосферного движения (тем более, как было отмечено, у страны есть и иные предпосылки для этого).

Реформирование в стране должно вступить в свою новую фазу и обрести новую стратегию - ноосферно-опережающую. Только на пути ста-

новления сферы разума можно обеспечить россиянам устойчивое будущее. Весь мир и Россия находятся на пороге новой эры, знаменующей кардинальный поворот в истории человечества, которая теперь может обрести свое неопределенно долгое продолжение благодаря перспективе устранения возникновения самих угроз.

Становление понятия национальной безопасности как политологической категории относят к послевоенному периоду, когда США выдвинули ее в качестве базового принципа государственной внешней политики, направленной на устранение внешних и внутренних угроз. С тех пор, преимущественно на Западе, стали появляться публикации, ставившие целью хоть как-то формализовать содержание понятия «национальная безопасность», вывести её универсальную концепцию или же, напротив, доказать принципиальную невозможность выведения таковой. В годы «холодной войны» это понятие, еще достаточно абстрактное, но уже вошедшее в политический лексикон на Западе, использовалось в качестве синонима обороноспособности государства, под которой понимались исключительно военная и политическая безопасность, что было в духе доминировавшей в этот период парадигмы реализма/неореализма. Однако очевидный рост взаимозависимости глобальных акторов, глобализационные процессы, осознание их реальности и угроз, которые они за собой влекут, неизбежно привели к трансформации традиционной концепции безопасности, в том числе - национальной, способствуя возникновению новых подходов к определению ее содержания.

Между тем, и по сей день не существует консенсуса по поводу факторов «национальной безопасности». Не углубляясь особенно в суть споров сторонников традиционной и «новых» концепций национальной безопасности, отметим, что основная дискуссия разворачивается вокруг вопросов об объекте безопасности, то есть о том, что должно быть защищено, и о характере угроз, направленных против данного объекта. Некоторые исследователи (в основном - представители реалистического «крыла») расширяют этот список, добавляя в него «ценности», которые подлежат защите, искомую «степень» безопасности, «средства» ее достижения, так называемые «издержки» ее поддержания и нормативный временной период. Здесь следует отдать должное политическим реалистам, которые настаивают на уточнении содержания понятия «национальная безопасность», которое, по замечанию А. Уолферса, может нести в себе опасную двусмысленность и служить инструментом политического манипулирования.

Между тем, в связи с постепенным переходом всех государств мира к устойчивому развитию появляется новая общая основа для формирования национальной безопасности каждой страны. В чем же суть подхода к содержанию национальной безопасности через устойчивое развитие и каковы основные недостатки современного её видения, которые необходимо преодолеть?

Под новой УР-стратегией безопасности следует понимать комплекс мер, основанный на интегральной концепции постепенного соединения в единую самоорганизующую систему, как минимум, экономической, экологической и социальной сфер деятельности. Это ведет к тому, что устойчивое развитие объединяется с обеспечением безопасности и такой тип развития становится наиболее безопасным из всех существующих. Устойчивое развитие при его реализации должно характеризоваться (опять-таки как минимум) экономической эффективностью, социальной справедливостью и биосферосовместимостью при общем снижении антропогенного пресса на биосферу. Принципиально важным условием обеспечения безопасности через УР является последовательная и системная реализация двух взаимосвязанных установок-функций - прогрессивного развития и собственно безопасности, понимаемой как состояние сохранности объекта, его природы и целостности. В терминах государственного управления данная «формула» будет, очевидно, соответствовать взаимосвязанному и единовременному обеспечению социально-экономического развития и защиты от внешних и внутренних угроз. В этом принципиальное отличие данного подхода от реалистичного, для которого безопасность носит, прежде всего, охранительный характер и рассматривается как неугрожаемое состояние.

Возвращаясь к проблеме спецификации содержания понятия «национальная безопасность» как необходимого условия претворения его в рациональную политическую стратегию, попробуем (в самых общих чертах) ответить на упомянутые вопросы с позиций концепции устойчивого развития, или концепции «национальной безопасности через устойчивое развитие». Что в данном ракурсе предстает объектом обеспечения безопасности? Коль скоро речь о национальной безопасности, то с формальной точки зрения этим объектом является, в первую очередь, то или иное национальное государство. Однако, как справедливо отмечает один из видных западных ученых в области безопасности Б. Бузан, поиск объекта обеспечения безопасности только тогда имеет смысл, когда осуществляется в привязке к определению необходимых условий достижения без-

опасности. Коль скоро безопасность через УР реализуется не иначе, как в условиях коэволюции систем «человек- общество» и «человек-общество-природа». то в данном случае объектом обеспечения национальной безопасности можно считать целостную систему «индивид-государство-природа». Причем стоит отметить, что признание «природы», или «экологии», в качестве объекта обеспечения национальной безопасности, а не просто одного из факторов угроз (как это имеет место быть даже в так называемых «новых» концепциях безопасности), имеет принципиальное концептуальное и операциональное значение, так как, с одной стороны, лишает почвы пресловутый конфликт между так называемыми геополитическими интересами и природоохранными установками, с другой - делает акцент на системной целостности человеческой общности и единосущной ему биосферы.

Другим ключевым вопросом для определения содержания национальной безопасности является характер самих угроз. Он традиционно является предметом наиболее острых дискуссий в политологической науке. Так, например, Д. Додни, выступая против расширения списка потенциальных угроз, пишет: «Если мы начнем говорить обо всех силах и событиях, угрожающих жизни, собственности или благосостоянию...мы скоро потеряем саму суть понятия. Все большие проблемы станут представлять угрозы национальной безопасности». Между тем сегодня все больше ученых из разных областей знания все же принимают как минимум многоуровневость и многоаспектность современного характера угроз. Концепция устойчивого развития в принятой интерпретации исходит из предпосылки об общепланетарном характере и масштабе современных угроз человечеству, которые должно предотвратить, в связи с чем, хотя речь и идет о национальной безопасности, бессмысленно говорить о ней в отрыве от глобальной. В итоге возникает следующий как бы оксюморон: угрозы национальной безопасности стали глобальными, то есть актуальными для всей человеческой цивилизации как единого целого. При всей противоречивости этого утверждения, оно в той или иной формулировке является с некоторых пор предметом осмысления политиками и учеными разных стран. Так, например, в 2008 году индийский ученый и глава Береговой охраны Индии Прабхакаран Палери в своей книге «Национальная безопасность: императивы и вызовы» дает следующее определение понятию «национальная безопасность»: «Измеримая степень способности государства преодолевать многомерные угрозы благополучию своего народа и его выживанию как государства-нации в

любой данный момент времени путем оптимального сочетания всех политических инструментов государственного управления, которая может быть просчитана, эмпирически или иным способом, и «экстраполирована» на глобальную безопасность». Уже упоминавшийся нами выше Б. Бузан настаивал на неразрывной взаимосвязанности между индивидуальным, национальным и международном уровнях безопасности.

Речь, конечно, идет не только и не столько о «классических» геополитических угрозах, которые существуют столько же, сколько существуют международные отношения, а о новых типах угроз, которые могли возникнуть только в глобализированном мире. К глобальным угрозам относятся такие вызовы, как нехватка пресной воды, загрязнение океанов, распространение инфекционных заболеваний, рост социально-экономического расслоения и т.д.; они являются объектом внимания политиков и академического сообщества еще со времен первых докладов созданного в 1968 г. Римского клуба. Фактически глобальные угрозы - это и есть тот самый новый, «нетрадиционный» тип угроз, который привел к ослаблению разделительной линии между внутренней и внешней безопасностью государства. Здесь уместно будет привести довольно удачное, на наш взгляд, определение угрозы национальной безопасности, предложенное Р. Ульманом, который как раз попытался учесть в нем изменившийся глобально-мирополитический контекст: «Действие или последовательность событий, которые за относительно короткий период времени угрожают нанести серьезный ущерб качеству жизни населения государства, или способны существенно сузить выбор между возможными средствами защиты, находящимися в распоряжении правительства, или неправительственных субъектов (индивидов, групп, корпораций) на территории данного государства». Концепция устойчивого развития нацелена, в первую очередь, на оперирование на глобальном уровне, так как её основные нормативные установки связаны с предотвращением глобальной антропо-экологической катастрофы, однако было бы странно, если бы она игнорировала уровень национального государства в этом переходе. Неслучайно создание так называемых Национальных советов по устойчивому развитию и разработка Национальных Повесток дня на XXI век было определено как одно из основных обязательств стран по переходу к УР на Всемирной Конференции ООН по вопросам охраны окружающей среды и развития в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Однако, к сожалению, следует констатировать, что принятые с тех пор нормативные документы (планы, стратегии и концепции) даже в самых продвинутых в этом отношении

странах либо вообще не коррелируют с основными государственными документами в области национальной безопасности, либо частично и весьма опосредованно. Существенное значение в этом процессе переосмысления природы безопасности (по крайней мере, в России) сыграло принятие такого основополагающего государственного документа как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, которая положила в свою концептуальную основу взаимосвязь безопасности и устойчивого развития, а также обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития.

Переходя к вопросу о «ценностях», подлежащих защите, позволим себе некоторое упрощение. А именно, дабы избежать излишнего философствования и придерживаться политической проблематики, заменим понятие «ценности» понятием «национальные интересы». Это понятие в данном случае удобно тем, что независимо от выбранной его трактовки (либеральной или консервативной/ государственнической), оно представляет собой некую равнодействующую различных групп интересов, так или иначе воздействующих на государственные структуры и институты. Как известно, интерес - это осознанная потребность, а по мере того, как социальные потребности всё дальше удаляются от биологически детерминированных, возрастает опасность их неадекватного осознания. Объективной потребностью государства, с точки зрения концепции устойчивого развития, является не что иное, как само это устойчивое, темпорально-перманентное и прогрессивное развитие социума, который проживает на территории данного государства.

Другой характерной чертой этой Стратегии, согласно её тексту, является разделение категорий «государственный суверенитет» и «национальные интересы», понимаемые в духе «этической теории» УР. Спор о месте защиты суверенитета и территориальной целостности в ряду приоритетов внешней и внутренней политики государства лежит в плоскости дискуссий о перспективах государства как организационной формы в глобализированном мире. Здесь мы его касаться не будем. Подчеркнем лишь тот факт, что само понятие суверенитета является порождением Вестфальской системы международных отношений и в своем нынешнем виде часто служит камнем преткновения при попытках налаживания глобального диалога в интересах УР. В качестве иллюстрации приведем цитату из выступления генерального секретаря ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро М. Стронга: «Необходимо уважать суверенитет государств, но надо уважать и целостность биосферы, её неделимость». Итак, Стратегия нацио-

нальной безопасности РФ «разводит» «геополитический» суверенитет и национальные интересы «через УР». Примечательно, что нечто подобное присутствует и в Стратегии национальной безопасности США, принятой в мае 2010 г. Только там фигурирует гораздо более опасный «геополитический пережиток», а именно - безапелляционная установка на мировое лидерство, которая красной нитью проходит через весь документ. Хотя, отдавая должное США, следует констатировать, что глобальная повестка и проблематика УР в их Стратегии артикулированы существенно шире и глубже, чем в российской (скорее всего, это связано с тем, что и свои национальные интересы США фактически распространяет на весь мир). Таким образом, подводя итог этой части наших рассуждений, отметим, что сочетание элементов политических моделей «устойчивого» и «неустойчивого» развития в нормативных документах по безопасности, с одной стороны, является позитивным признаком перемен в политическом сознании отдельных государств, но с другой - несет в себе зерно опасного конфликта (в том числе - когнитивного) и требует дополнительных усилий по гармонизации этих элементов, если таковая вообще возможна.

Достаточно спорным, даже с точки зрения УР, предстает вопрос о так называемой искомой «степени» безопасности. Так, например, согласно реалисту Уолферсу, «безопасность является той ценностью, которой государство не может обладать или стремиться обладать в большей или меньшей степени» Б. Броуди также настаивал на том, что «состояние безопасности либо есть, либо его нет. Если нечто безопасно лишь наполовину, то оно не безопасно в принципе». Между тем, глобализационные процессы и возникновение глобальных проблем формируют иной контекст, где данная логика рассуждений оказывается недостаточной. Нельзя, например, не согласиться с А. Чумаковым, по словам которого, «проблемы человечества - категория подвижная и динамичная», и «решать их придется постоянно». Однако коль скоро мы определяем УР как безопасное развитие, мы должны пояснить, в какой степени именно такой путь развития является безопасным и почему. Дело в том, что УР - это, в первую очередь, коэволюционное биосферосовместимое развитие, встав на рельсы которого, человечество обретет шансы избежать глобальной антропо-экологической катастрофы. Каково условие этой биосферосовместимости? «Освоение природных ресурсов не должно превышать естественных пределов, обусловленных характеристиками и параметрами нашей планеты или естественными ограничениями (к которым надо адаптироваться), и в этой связи вводится, в частности, понятие «несущая

емкость экосисте. В осознании этих ограничений и успешной адаптации к ним и состоит фундаментальное условие выживания человеческой цивилизации. И в этом смысле концепция безопасности через УР оказывается близка к реалистической. Однако отдельные глобальные проблемы, как справедливо замечает Чумаков, вряд ли оставят глобализированное человечество, и каждое отдельное национальное государство всегда будет уязвимо по отношению к ним. В данном случае наилучшим способом достичь удовлетворительной степени безопасности в глобальном мире является максимальная адаптация национальных стратегических императивов к глобальной нормативной концепции УР.

Последним вопросом, которому хотелось бы уделить внимание в рамках этого параграфа, это так называемая проблема «средств» обеспечения национальной безопасности с позиций концепции УР. Здесь следует заметить, что это достаточно сложный и обширный вопрос (пожалуй, самый обширный), поэтому, не вдаваясь в частности, попытаемся изложить самую суть отстаиваемого нами подхода. Даже в современных исследованиях по проблемам безопасности существует ошибочная и пагубная тенденция «решать» проблемы национальной безопасности в узких рамках классической теории международных отношений и международной безопасности, где ее краеугольным камнем является защита государственного суверенитета. Между тем, в современных реалиях национальная безопасность отдает предпочтение тому, что А. Косолапов называет «жизнеобеспечивающим» аспектом безопасности или, по крайней мере, должна отдавать. Те средства, которые предлагает для ее достижения и поддержания концепция безопасности через УР, лежат большей частью в экономической и социокультурной плоскостях. Это достаточно явно просматривается в российской Стратегии национальной безопасности, в которой нашли отражение следующие приоритеты УР: повышение качества жизни населения; экономический рост; наука, технологии, образование, здравоохранение и культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство. Следует, однако, выделить отдельные «средства», которые являются специфическими именно для УР- подхода. Во-первых, это исключительный приоритет несилового, консенсусного подхода к урегулированию возникающих конфликтов. Сведение задач национальной безопасности к укреплению обороноспособности и наращиванию вооруженных сил свойственно архаичному и редуccionистскому видению этой проблемы, и недавняя история уже продемонстрировала

то, какой исход может ожидать такие политические системы. Не говоря уже о том, что оно ни коем образом не коррелирует с ценностями УР. Во-вторых, это опережающий характер принимаемых мер во всех сферах деятельности, нацеленных на недопущение чрезвычайных ситуаций и кризисов, а не устранение их негативных последствий, как это имеет место в модели неустойчивого развития. В-третьих, это системность и многовекторность, под которыми подразумевается включение нормативных установок устойчивого развития в весь комплекс социально-экономических, культурных и политических подсистем государства. Развитые страны уже начали переход к подобной практике в сфере экологической политики, осознав комплексный и динамичный характер экологических проблем. Это, не в последнюю очередь, означает вовлеченность гражданского общества, разных типов акторов (чиновников, бизнес и НПО) в процесс построения устойчивого будущего. Этому фактору национальной безопасности, на наш взгляд, не уделено должного внимания в Стратегии национальной безопасности РФ. В ней гражданское общество хоть и присутствует, но предстает неким пассивным элементом, который может и должен претендовать на ненарушение своих основных прав, но при этом является скорее объектом обеспечения национальной безопасности, чем ее субъектом. А ведь переход к УР предполагает наличие мощного инновационно-деятельностного импульса от всех его сознательных участников. Четвертым «столпом» национальной безопасности через УР является формирование интеллектуального, «ноосферного» общества, способного совершить мировоззренческий прорыв масштаба неолитической революции. Население с низким уровнем образования и культуры даже под руководством самой просвещенной элиты способно лишь воспроизводить кризисные явления, приближая свой «конец истории». В связи с этим сложно переоценить ту роль, которую концепция УР отводит образованию и воспитанию. Между тем реальный переход к устойчивому развитию начнется только тогда, когда эта должная форма развития начнет постепенно и опережающе включаться (и все больше заменять ее) в реальную нормативно-правовую, политическую и другие социокультурные нормативные системы, включая мораль и даже религию, несмотря на ее консервативность и большую приверженность нынешней модели развития.

Подводя итог, отметим, что изложенное выше - это лишь отдельные и в достаточно грубые штрихи того, что мы подразумеваем под инновационной концепцией национальной безопасности через устойчивое

развитие. Многие вопросы остались неохваченными. Мы ставили целью продемонстрировать, что конвергенция концепции УР и вопросов глобальной безопасности способна создать то концептуальное ядро, которое способно стать основой реального изменения содержания принципа национальной безопасности, который пока что служит барьером на пути УР-кооперации и является анахронизмом. Ведь глобальная стратегия УР, сближая интересы в области национальной безопасности у государств, уже сегодня может дать тот «общий знаменатель», в котором нуждается современная мирополитическая система, движущаяся пока по пути стихийного неустойчивого развития. Формирование единой глобальной безопасности как системы гармонизированных национальных безопасностей, единых не общей настороженностью по отношению друг к другу, а общим концептуальным фундаментом, решит реалистские «головоломки» о том, как выигравшему в международно-политическом состязании лидеру выжить в окружении проигравших неустойчивых соседей, и как «игра с нулевой суммой» коррелирует с необходимостью решения глобальных проблем стоящих перед человечеством.

Глава 2. КОНЦЕПЦИЯ И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Глобализация и устойчивое развитие как социоприродные процессы

Основная идея перехода к устойчивому развитию заключается в том, что необходимо сформировать новую форму цивилизационного процесса, которая могла бы обеспечить выживание человечества и сохранение его естественного фундамента – биосферы (что часто формулируется как спасение планеты). Нынешнее стихийное развитие человечества ввергло в глубокий антропоэкологический кризис, который может уже в XXI веке привести к планетарной катастрофе и, возможно, к гибели большей части всего живого.

Важно подчеркнуть, что в отличие от предыдущих проектов «светлого будущего», которые также претендовали на глобальный масштаб, речь идет не только о внутричеловеческих проблемах, но и о взаимоотношении общества с природой, т.е. о более широкой системе развития «человечество – биосфера». Устойчивое развитие выступает как стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы т.е. как безопасное социоприродное развитие. Концепция устойчивого развития, по мнению Н. Касимова, Ю. Мазурова и В. Тикунова, – это идеология баланса интересов поколений в рамках экологической парадигмы, предписывающей справедливое распределение ограниченных природных благ. Здесь появляется одно из ключевых слов понятийного «куста» концепции устойчивого развития – понятие справедливости, которое имеет не только социальное, но и социоприродное значение.

Существует достаточно много отличий модели неустойчивого (т.е. современного) развития (НУР) и модели устойчивого развития (УР). Основное отличие заключается в том, что новая модель дает возможность человечеству выжить, а биосфере сохраниться как естественному фундаменту любой жизни на нашей планете. Это основное отличие связано с разрешением основного социоприродного противоречия и проявляется более конкретно в особенностях функционирования обеих моделей.

Модель НУР справедливо именуется экономоцентрической моделью, поскольку главное предпочтение здесь отдается именно экономике, по-

строенной на рыночных принципах, которые институционально узаконены в глобальном масштабе. С этой точки зрения все действия людей подчинены максимизации прибыли, росту экономической эффективности (производительности, рентабельности, выгоды, дохода и т.д.).

Результатом хозяйственной деятельности по принципу максимизации прибыли (рост экономической эффективности) является как рост экономики (что можно считать позитивной чертой этой модели), так и негативные последствия в социальном плане (нищета, бедность, неграмотность и т.д.), а также в экологическом аспекте (загрязнение, потеря биоразнообразия, истощение природных ресурсов и т.п.). Существуют и другие позитивные и усиливающиеся негативные последствия экономоцентрической модели, которые, проявляясь в той или иной форме в процессах глобализации и обострении глобальных проблем, привели к планетарному социоприродному (социально-экологическому) кризису с перспективой перерастания в планетарную катастрофу.

Именно поэтому возникла идея создать новую цивилизационную модель, которая должна разрешить противоречия и существенно ослабить негативные последствия нынешней модели. Модель социоприродного УР должна быть более системной, поскольку включит в себя ограничения на экономоцентрическую модель. Прежде всего должен реализоваться принцип социальной справедливости, который проявляется в различных направлениях, в частности в уменьшении имущественного разрыва, роста образовательного уровня, доходов и благополучия населения и т.д.

Экологические (природные, биосферные) ограничения на стихийный процесс развития, которое квалифицируется как «развитие за счет разрушения», состоит в общем случае в обеспечении главным образом экологической безопасности цивилизационного процесса и оптимизации природопользования благодаря замене невозпроизводимых ресурсов на воспроизводимые. Надо сказать, хотя социальные факторы в форме реализации справедливости (в разных видах) были осознаны гораздо раньше экологических, тем не менее именно проблемы экологии привели к созданию концепции устойчивого развития, принятой благодаря усилиям ООН всем мировым сообществом.

С позиций взаимоотношения общества и природы смена стихийно протекающего неустойчивого развития на глобально управляемое устойчивое развитие обусловлено появлением основного противоречия современной эпохи в системе «человек – общество – природа». Как справедливо сказано в «Концепции перехода Российской Федерации»: «Человечество

столкнулось с противоречиями между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности». Это противоречие появилось на определенном этапе, когда цивилизация превратилась в планетарно-геологическую силу, и проявились ограниченные возможности биосферы в области удовлетворения растущих потребностей людей в природных ресурсах и экологических условиях. Такого рода противоречия сопровождали всю историю человечества в локальных и региональных масштабах, но это мало влияло на цивилизационный процесс. Превращение упомянутого противоречия в глобальное потребовало изменения формы цивилизационного процесса, смены конкурентно-конфронтационных эконоцентрических ценностей на более системные и гуманные ценности, ориентированные на выживание не какой-нибудь части («золотого миллиарда»), а всего человечества. Будущее «устойчивое общество» должно стать единой глобальной цивилизацией, преодолевшей конфронтационные тенденции, ставшей на путь общемирового консенсуса, взаимопонимания, толерантности, ненасилия, способной решить глобальные проблемы и элиминировать негативы глобализации в процессе планетарного перехода к устойчивому развитию. Это глобальное общество вместе с тем должно выступать неким интегративным социоестественным образованием, реализующим в известной степени те футурологические и социологические представления и концептуальные модели, которые совместимы с «коридором возможностей» и аттрактором траектории устойчивого развития.

Следуя рекомендациям и принципам, изложенным в документах ЮНЕСКО - Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и ВСУР - Всемирного Саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.) и руководствуясь ими, страны входящие в ООН намерены осуществлять последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающему сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколения людей.

Цели и принципы устойчивого развития как модели социоприродного коэволюционного развития пока еще не существующего, но желаемого (прескриптивного типа прогноза) типа развития, предполагают трансформацию способа природопользования (взаимодействия природы и общества), поскольку современные методы освоения природных ресурсов как в России, так и во всем мире не обеспечивают оптимального и

устойчивого использования природно-ресурсного потенциала, приводя к его истощению и деградации. Оптимальное использование природных ресурсов должно исходить из необходимого равенства в потреблении ресурсов как нынешними, так и будущими поколениями людей. А это означает, что для обеспечения устойчивого развития цивилизации необходимо использовать воспроизводимые и тем самым неограниченные во времени источники энергии и ресурсов, при одновременном сохранении и даже улучшении экологических условий проживания людей.

Решение глобальных проблем цивилизации в принципе невозможно, если будет игнорироваться сущностное единство социального и естественного процессов, видение грядущего как целостной социоприродной эволюции. Это относится, кстати, к решению глобальных проблем и процессов, в которых отношения «природа-общество», «человек-биосфера» оказываются базисными. Любое грядущее «устойчивое» состояние общества должно гармонизировать социоприродные взаимосвязи и отношения, однако разрешение экологических или шире – социоприродных противоречий, по крайней мере, тех, которые могут привести к гибели цивилизации, должно быть в полной мере произойти именно на ступени устойчивого общества, как экологобезопасной цивилизации.

Устойчивое развитие представляет собой переход к новому состоянию социоприродной системы, в которой должны быть исключены широкомасштабные деградиционные глобальные процессы, когда цивилизационное развитие разрушает окружающую природную среду. Устойчивость есть характеристика целостной системы «общество – природа», отделенной, но незначительной, в которую могут входить части, характеризующиеся неустойчивостью. Поэтому глобальное устойчивое развитие может появиться еще на стадии когда некоторые регионы (или иные компоненты) не будут «устойчивыми» как и целостная (биосферная) экосистема.

В отличие от общепринятой точки зрения, здесь мы высказываем иное мнение по поводу достижения состояния устойчивости глобального социоприродного развития. И хотя движение к «устойчивости» должно идти в направлении от локального к региональному и глобальному, тем не менее приоритетным оказывается именно обратное направление (от глобального и далее). И это понятно почему: глобальные императивы приоритетны как для биосферы (в силу ее целостности), так и для человечества (в ходе обретения целостности на пути позитивной глобализации). Поэтому основные усилия по переходу к устойчивому развитию

должны носить не локальный, а глобальный характер, что невозможно без изменения ценностных ориентаций и стиля мышления большинства народонаселения планеты.

Вопрос об отношении к проблеме устойчивого развития связан с пониманием того, как видится образ человечества в будущем. Ведь нынешняя модель неустойчивого развития может привести человечество вначале к резкому ухудшению условий существования, а в последствии и к самоуничтожению. И если мы не прекратим «опережающий» экоцид в отношении будущих поколений и сейчас примем меры, чтобы не допустить такой участи, то тем самими мы окажем огромную услугу будущим поколениям, которым придется меньше платить за наше нынешнее поведение, что в перспективе позволит избежать многих жертв и потерь. Если будут приняты эффективные и превентивные действия, то упомянутые негативные последствия могут оказаться минимальными и не столь масштабными как в случае запоздалых и вынужденных мер (хотя в принципе их не избежать). Оптимизация перехода к устойчивому будущему возможна только с помощью рационализации действий, разработки эффективной стратегии, планов, программ и других работ и их реализации в глобальном масштабе.

Говоря о глобальных процессах, мы усматриваем серьезное противоречие (а по существу, теоретическое упущение большинства исследователей) в том, что глобализацию сводят в основном к социально-экономическому процессу. С точки зрения «социально-экономической» трактовки глобализации, что искомая целостность человечества обретается лишь для того, чтобы в эти же исторические сроки единая цивилизация могла погибнуть в антропоэкологической катастрофе. Таким образом, социо-природное противоречие является одновременно главным противоречием глобализационных процессов.

Ведь «социально-экономическая» трактовка глобализационных процессов (даже если сюда в качестве одного из направлений включается экологическая глобализация) фактически не приводит к выходу из основного социо-природного противоречия, когда растущие социально-экономические потребности уже не может обеспечить биосфера в силу ее антропогенной деградации и ограниченности своих природных ресурсов и условий. Такой выход может быть получен лишь на пути социального проектирования и конструирования новой – уже принципиально социоестественной модели дальнейшего развития в форме нормативного прогноза нашего общего устойчивого будущего. А по-

скольку именно социоприродные факторы являются приоритетными (они-то оказались решающими для формирования модели УР), то в глобальных процессах важно выделить именно социоприродные механизмы и факторы, способные решать основное противоречие в системе «цивилизация-биосфера» и не дать в перспективе единому в социально-экономическом плане человечеству погибнуть в пучине социально-экологической катастрофы. Без этого даже стихийно-позитивные последствия глобализации оказываются лишенными исторического смысла, если они не приведут к спасению планеты.

Глобализацию необходимо видеть не просто как стихийный или направляемый процесс, умножающий угрозы и опасности и ведущий цивилизацию к вселенской катастрофе, а как процесс который уже сейчас можно повернуть в сторону выживания цивилизации и сохранения биосферы. И для этого ей в принципе надо придать не только социальную, но и социоприродную ориентацию и задействовать социоестественные механизмы и способы развертывания в направлении разрешения упомянутого противоречия между природой и обществом. Такую возможность глобализация обретает на пути дальнейшего ее развертывания через устойчивое развитие, которое как глобальный процесс имеет принципиально социоприродную сущность и подлинно гуманистические цели – спасение жизни и разума на планете.

Глобальные процессы включают в себя не только глобализацию и глобальные проблемы, но и ряд других феноменов и тенденций которые обычно не ассоциируют с термином «глобальный». Среди глобальных процессов – научно-технический прогресс, информатизация, становление постиндустриального общества, ноосферогенез, устойчивое развитие и т.д. В этой связи уместно обратить внимание на проблему классификации (таксономии) глобальных процессов, которой, к сожалению, почти не занимались последнее время. Между тем, на наш взгляд, глобальные процессы можно разделить на три основных класса: социальные, социоприродные и природные.

Глобализация до недавнего времени рассматривалась в основном с социальных (антропоцентрических) позиций как новый этап человеческой истории, в котором ранее разобщенное человечество обретает некоторую системно-планетарную целостность. Один из главных и уже выявленных учеными позитивных результатов глобализации – обретение человечеством своего единства, т.е. глобализация в основном – это соци-

ально-экономический феномен. Однако достижение системно-социальной целостности должно в конечном счете оказаться социоприродным единством, реализующим цель на пути разрешения основного социоприродного противоречия выживания и непрерывного развития цивилизации, решения глобальных проблем и ликвидации угроз и опасностей дальнейшему существованию человеческого рода. Поэтому обретение цивилизацией своего «социального» единства может рассматриваться как конец истории разобщенности и разрозненности народов, стихийно-сложившейся дезинтеграции и раздробленности фрагментов будущего мирового социума – мегаобщества, которое сможет более эффективно (рационально) взаимодействовать с природой, формируя коэволюционный эффект в системе «человек – биосфера».

В последние десятилетия XX века к глобализации как естественно-историческому стихийному процессу добавился процесс, в котором заинтересованы развитые страны, транснациональные компании и другие агенты международного и глобального уровня, и который можно охарактеризовать как направляемая или управляемая глобализация. Развертываясь пока в модели НУР, глобализация в обоих своих направлениях оказалась сопряженной как с позитивными, так и с негативными последствиями. Вот почему ВСУР в Йоханнесбурге в 2002 году поставил задачу переориентировать процессы глобализации на цели устойчивого развития, то есть на сохранение цивилизации и биосферы.

Глобализацию вряд ли стоит рассматривать лишь как процесс – это одновременно и закономерность фактически всей человеческой истории, поскольку она выражает объективно реальную устойчивую, необходимую и существенную связь в системе «человек – общество – природа», связь, выражающуюся в обретении этой системой глобальной (а не просто социальной) социоприродной целостности. Глобализация развертываясь в будущем через устойчивое развитие должна внести свой вклад в разрешение основного планетарного социоприродного противоречия. Представляет интерес акцентировать внимание именно на этом – социоприродном видении глобализации, которое позволяет более глубоко понять сущностные черты этого цивилизационного и вместе с тем планетарного эволюционного процесса. На наш взгляд, глобализация на новом этапе своего развития будет развертываться именно как социоестественный процесс, который мы связываем с реализацией цивилизационной стратегии устойчивого развития.

Еще В.И. Вернадский обратил внимание на то, что человечество стало геологической силой, которая весьма активно участвует в планетарно-геологических процессах. И хотя он не говорил о глобализации, тем не менее сейчас ясно, что это было одно из первых основных положений, из которого мы исходим в дальнейшем развертывании концепции глобализации как одного из важных направлений глобального (в смысле планетарного) эволюционизма.

Именно в ходе глобальных процессов проявилось и достигло планетарных масштабов основное социоприродное противоречие. Оно в той или иной форме существовало всегда, но лишь второй раз проявилось на глобально-общечеловеческом уровне. Первый раз, когда охотничье-собирательское хозяйство разрозненного по племенам человечества уступило место производящему хозяйству и второй раз – уже во второй половине XX – начале XXI веков, когда также приходится изменять сам тип развития уже относительно единого мирового сообщества опять-таки в глобальном масштабе.

В период перехода к неолитической революции речь шла в основном о недостатке природных (пищевых) ресурсов, которые нельзя было освоить с помощью палеолитических способов и экстенсивных технологий. Поэтому агрিকультурная революция состояла в формировании нового способа природопользования в производстве продуктов (в основном биологической природы), ранее не существующих в естественном виде и могущих удовлетворять потребности людей, что создало условия для демографического взрыва.

Переход же к устойчивому развитию, который в принципе не должен и не может растянуться на несколько тысячелетий (как переход к производящему хозяйству) свершиться, видимо, в считанные десятилетия (максимум одно-два столетия). Это вызвано тем, что к недостатку уже не только продовольственных ресурсов (в основном невозобновимых) добавился глобальный социально-экологический кризис, разрушение биосферы как естественного фундамента жизни цивилизации и любых иных форм жизни на планете. Причем деградация природной среды в ходе глобализации оказалась более “слабым звеном” в упомянутом кризисе, чем нехватка природных ресурсов, которые в принципе могут быть заменены путем создания новых высоких технологий и экологобезопасных видов хозяйственной деятельности. В этом отличие нынешнего глобального противоречия в системе “общество-природа” от верхнепалеолитического, приведшего к смене способа хозяйственной деятельности и шире –

ГЛАВА 2. Концепция и стратегия устойчивого развития

взаимодействия основных компонентов в упомянутой системе, дающих иное направление социоприродной эволюции.

Именно под влиянием эпохи производства саму человеческую деятельность стали мыслить как активность людей, направленную на изменение и преобразование окружающего мира. Сейчас необходимо внести соответствующие коррективы в понимание философской категории деятельности, которая должна представляться не только в плане преобразования, но и в аспекте адаптации, причем формирование адаптивного потенциала сейчас и в будущем оказывается не менее важным, чем адаптирующие действия. В результате потребление природных благ не должно превышать естественных ограничений, обусловленных параметрами природной среды нашей планеты. Сейчас все чаще употребляются понятия, в той или иной форме выражающие эти естественные ограничения (к которым надо адаптироваться), в частности понятия «несущая емкость экосистем», «хозяйственная емкость экосистем», «предел устойчивости экосистем» и др. Согласно К.С. Лосеву, каждое из этих понятий отображает предельно допустимое возмущение локальной или глобальной экосистемы (биосферы) хозяйственной деятельностью человека, после превышения которого она прекращает функционировать как регулятор и стабилизатор окружающей среды, переходит в неустойчивое состояние и со временем может полностью необратимо деградировать.

Несущая емкость экосистем связана с экологической и природоресурсной видами безопасности, поскольку первая характеризует степень обеспечения охраны биоты, а вторая – степень изъятия природных ресурсов из биосферы.

Приоритетное место в понятии «несущая емкость экосистемы» занимает экологическая, а не природоресурсная составляющая, и именно она определяет естественные пределы и ограничения, хотя необходимо обе составляющие учитывать одновременно в ходе дальнейшей направляемой глобализации. Разрешение упомянутого выше социоприродного противоречия означает проведение хозяйственной и иной деятельности человека в пределах несущей емкости экосистем, а человечества в целом – в границах этой же емкости биосферы. Собственно это и есть переход к устойчивому развитию в отдельно взятом «экосистемном масштабе», когда будут гармонично сочетаться адаптирующая и адаптивная виды деятельности, что должно привести к планетарному соразвитию (коэволюции) природы и общества.

На пути «поворота» процесса глобализации на нормативную траекторию планетарного устойчивого развития процесс глобализации обретет

свою коэволюционно-социоприродную целостность и будет направлен на выживание цивилизации и сохранение биосферы, т.е. на основные цели перехода к устойчивому развитию. Вот почему с учетом уже наметившихся тенденций и наиболее вероятных путей развития цивилизации мы будем трактовать глобализацию как формирование единой (целостной) глобальной системы «человек – общество – биосфера» в самых различных ее аспектах, формах и направлениях. Глобализация через устойчивое развитие – это коэволюционный поворот в социоестественной системе в планетарном масштабе.

Устойчивое развитие представляется не только как новый курс (форма) мирового развития, дающий равные возможности нынешним и будущим поколениям по удовлетворению своих потребностей, но и новая форма (способ) взаимодействия общества и природы, максимально сохраняющая оба компонента социоприродной системы. Это не стихийное развитие государств и народов, а направляемый всем мировым сообществом процесс развития, но уже не только для блага «золотого миллиарда», а всего человечества как целого, требующий формирования глобального уровня управления для реализации целей и принципов поступательного движения к нашему общему устойчивому будущему. В отличие от «модели НУР», имеющей преимущественно эконоцентрическую ориентацию и умножающую угрозы и негативные последствия, новая модель будет носить более сбалансированно-системный характер, ориентируя на усиление позитивных эффектов и на рационально-консенсусный способ разрешения возникающих противоречий цивилизационного процесса и усиление гармонии взаимодействия общества с природой Земли и космоса.

Устойчивое развитие по самой своей сути это развитие, которое должно обеспечить сохранение биосферы как фундамента всей жизни, так и дальнейшее существование человеческого рода. Это «сохраняющий», безопасный тип развития, в какой-то степени «консервирующей» и идентифицирующей нынешнее человечество с его последующими состояниями. Именно акцент на сохранении биосферы и цивилизации давал повод некоторым авторам отказывать словосочетанию «устойчивое развитие» в праве считаться развитием, поскольку это последнее ими связывалось только с изменениями. Это, конечно, концептуальное недоразумение, поскольку каждый развивающийся объект в какой-то степени сохраняется, а в какой-то изменяется. Устойчивое развитие – это определенная взаимосвязь изменения и сохранения объекта, когда преобразования до-

пускаются лишь в определенном диапазоне, что не сопряжено с разрушением объекта. Устойчивое развитие – это своего рода эволюционный процесс, который «избегает» катастрофических изменений (когда развивающийся объект будет деградировать), т.е. с позиций синергетики речь идет об «устойчивом неравновесии». Поэтому устойчиво развивающийся объект изменяет свое состояние лишь под влиянием угроз и опасностей, но в таких границах, что он остается таким же объектом в пределах определенного качества (меры).

Если иметь в виду стихийную и «вестернизационную» формы глобализации, то они чреватые негативами, о которых говорят многие авторы. Глобализация – это тоже форма развития, причем наиболее современная, однако ее отрицательные эффекты, на наш взгляд, пока превышают позитивные результаты, поскольку прогнозируется антропоэкологическая катастрофа, если сохранятся нынешние тенденции стихийного цивилизационного развития. Смысл перехода, или лучше сказать, «поворота» глобализации на путь устойчивого развития заключается в уменьшении, а в отдельных случаях и элиминации негативных эффектов «модели НУР» во имя выживания цивилизации в сохраняющейся биосфере. Именно поэтому речь идет уже не просто о стихийном либо частично управляемом сверхдержавой процессами глобализации, как управляемом глобальном процессе в мировом сообществе, имеющей уже общие цели на пути перехода к устойчивому будущему.

2.2. Глобализация через устойчивое развитие

Цивилизационный процесс в настоящее время в своей естественной (стихийной) форме чаще всего характеризуют тенденцией глобализации и переходом к новому качеству – становлению постиндустриального общества в основном как информационной цивилизации. Глобализация предстает как прежде всего стабильная цивилизационная тенденция формирования единого человечества как глубоко взаимосвязанного мирового сообщества, как ведущая закономерность современного развития. Глобализация видится в основном как усиление взаимосвязей между отдельными фрагментами и социумами человеческого рода (прежде всего –экономических, финансовых, политических, социально-культурных, информационных, экологических и других взаимосвязей) и универсализация и транснационализация ряда систем и структур человеческой жизнедеятельности и культуры. По мнению А.Чумакова, «глобализация – это многоаспектный естественноисторический процесс становления в мас-

штабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития». Хотя предпосылки и отдельные характерные черты глобализации существовали фактически на всем протяжении человеческой истории, сознание этой закономерности и процесса стало реальностью в последние два - три десятилетия, когда достаточно четко обнаружилась тенденция перехода от национально-государственных форм социального бытия к глобальному демократическому гражданскому обществу как единому человечеству, у которого в будущем появится интегральный коллективный интеллект и возможность эффективного планетарного управления своим социоэкоразвитием.

Аналитические исследования проблем глобализации строились в основном на концептуально-теоретическом фундаменте постиндустриального и информационного общества, которые, как, впрочем, и все мировое обществоведение отображает модель неустойчивого развития, хотя и в новой фазе (последней) ее бытия. Постиндустриальная (информационная) цивилизация, на наш взгляд, является конечной социально-технологической формой развития человечества в ходе его стихийного развития, поскольку она ведет либо к антропоэкологической катастрофе (пессимистический сценарий), либо к переходу мирового сообщества на путь устойчивого развития, где стратегическое целеполагание связано с сохранением цивилизации и биосферы, их коэволюцией. Как видим, традиционное понимание процесса уходит в прошлое вместе с современной моделью развития цивилизации, что позволяет говорить о кризисе идеи прогресса.

Глобализация должна получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от устойчивого развития, становясь не стихийным, а социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом поступательного движения единого человечества. При «вписывании» процесса глобализации в стратегию устойчивого развития необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего экономическая, социальная, экологическая и другие компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, «вырываясь» из старой модели развития, т.е. вместо стихийного процесса становились бы процессом управляемым. Подобного рода управление на всех уровнях будет связано с уменьшением (и

в перспективе с элиминацией) негативных (социопатологических черт) современного цивилизационного процесса и поддержкой позитивных с точки зрения стратегии устойчивого развития тенденций. В ходе такого управления сформируется «направленный процесс» глобализации (отличающийся от современной модернизационно-вестернизационной ориентации) через переход к устойчивому развитию цивилизации, так и взаимодействия с окружающей средой.

Далее мы проанализируем процесс глобализации, его связь с глобальными проблемами, возможность их решения на пути перехода на путь устойчивого развития. В свое время была высказана мысль о том, что концепция устойчивого развития и становления сферы разума является собой то возможное направление развития человечества, которое позитивно повлияет на глобальные процессы и особенно на решение глобальных проблем. Сейчас можно продолжить ряд новых идей в этом плане (используя социально-экологический, ноосферный, синергетический и футурологический подходы), которые существенно могут повлиять на концептуализацию глобальных процессов в перспективе устойчивого будущего.

Глобальные процессы и информатизация общества

Процесс установления связей между различными народами (племенами, расами, странами и т.д.) присущ всей обозримой истории человеческого рода и этот период еще не мог быть назван глобализацией, - это была ее предыстория. Эволюции человечества присущи разного рода глобальные процессы, которые определяли дальнейшее развитие человечества. Например, несколько сотен лет тому назад человек начал использовать огонь, а около 10 тысяч лет назад начал переходить к производящему хозяйству, пытаясь выйти из глобального кризиса, характеризующегося прежде всего недостатком продовольственных ресурсов для дальнейшего роста населения планеты. Эти и аналогичные глобальные процессы имеют в своей основе определенные всемирноисторические закономерности. Именно они на определенном этапе привели к развертыванию глобализации и к появлению глобальных проблем.

Отличие глобализации от глобальных процессов (и феноменов) имманентно присущих всей истории человечества, заключается в частности в том, что речь идет не просто о сближении тех или иных социумов, а о формировании той целостности, которая может именоваться глобальной системой.

Понимая, как и большинство ученых глобализацию как формирование единого человечества (планетарного мегаобщества), мы тем не менее полагаем, что имеет смысл говорить о формировании глобальной не только социальной (или социально-экономической), но и единой социоприродной системы. О тенденции к такому «социоприродному» пониманию процессе глобализации свидетельствует и позиция А.Чумакова, который в глобализации усматривает «объективную эволюцию геобиосистемы».

Вполне понятно, что при всей противоречивости и разнонаправленности векторов развития фрагментов мирового социума он в той или иной степени с самого начала представлял собой глобальную систему, поскольку все человечество «проживало» на одной и той же планете. Глобальность становящемуся человечеству с самого начала придавала биосфера, которая и явилась единственной основой и колыбелью жизни и разума. Эта природная определенность глобальности человечества как некоторой совокупности людей вначале означала лишь то, что естественно-биосферные связи доминировали над социальными взаимосвязями, что социоприродные зависимости оказывались сильнее внутрисоциальных.

Вглобалистике, представляющей междисциплинарное направление исследований глобальных процессов и проблем, пока еще мало каких-либо крупных результатов. Пока еще не создано достаточно обоснованных теоретических построений и разработка ведется в основном на концептуально-описательном уровне и не выявлены закономерности развития. Пока даже одно из основных понятий – «глобализация» не получила своего общепризнанного определения, не говоря уже о разработке «куста» понятий с ней связанных и раскрывающего ее содержание.

Неразработанность концептуального аппарата ведет к тому, что на ряд вопросов, например, о начале глобализации нет однозначного ответа. Одни ученые это начало датируют с эпохи великих географических открытий и последующей колонизации, другие - с начала индустриализации, распространения рыночных отношений, западной культуры, демократии и государственности, третьи – связывают «волны глобализации» с экспансией мировых религий, мировым масштабом военных действий, урбанизацией, информатизацией и т.д. Такое разнообразие мнений свидетельствует не просто о плюрализме мнений, но и о том, что глобалистика пока переживает свой начальный этап становления.

Можно понять тех ученых, которые исходят из экономоцентрической точки зрения, полагая, что основой человеческой жизнедеятельности является производство, обмен и другие формы, которые на определенном

этапе интернационализации ведут к усилению и такой самоорганизации хозяйственной деятельности, которая ведет к слиянию национальных экономик в единую систему. Для такого процесса существенно, что на рубеже двух последних столетий прошлого тысячелетия с помощью таких средств как пароходы, телефоны и конвейеры, свободная торговля (на базе Британской Империи) достигла поистине глобального масштаба и способствовала сближению населяющих планету народов.

И если только что упомянутая «волна глобализации» носила в основном (исключая телефонизацию) вещественный характер, то следующая волна приходится уже на последние десятилетия прошлого века и в своей основе имеет информационный характер, поскольку используются новые компьютерно-медиатизационные технологии. В принципе, если смотреть на процесс информатизации опять-таки с экономоцентрических позиций, то можно сказать, что это – одна из предпосылок глобализации. Однако, начавшись с материально-экономических процессов, глобализация представляет не только чисто экономический процесс, но и достижение в других аспектах системного единства человечества, поскольку существуют десятки направлений глобализации. Поэтому сам процесс информатизации представляет также одну из важнейших составляющих глобализации, причем можно даже считать, что без процесса медиатизации и компьютеризации вряд ли можно было бы говорить о современном этапе глобализации мирового сообщества.

Дальнейшее развертывание «информационной революции» в глобальном ракурсе – появление Интернета и глобальных средств связи (прежде всего глобального телевидения, сотовой связи и т.д.) привело к трансформации рыночных отношений с помощью новых агентов и факторов экономической глобализации – транснациональных компаний и надгосударственных международных и всемирных организаций. Именно к ним постепенно, наряду с реальными секторами экономики и виртуально-финансовыми капиталами (распространяющимися со скоростью передачи информации), переходит и власть, которая в первую очередь используется для захвата новых ресурсов (особенно энергетических) и рынков. Мы придаем кардинальное значение процессу информатизации в глобализационных процессах (как, например, и М. Делягин) и поэтому остановимся на этом вопросе.

Информатизация представляет собой научно-технический, организационный и социально-экономический процесс создания средств и условий для удовлетворения информационных потребностей личности,

общества, государства и других социальных субъектов на основе формирования и использования информационных ресурсов.

До недавнего времени довольно распространенным термином для объяснения взаимоотношений общества и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) был термин «компьютеризация». Однако в настоящее время он слабо отражает состояние понимания влияния ЭВМ на те или иные сферы общества. В обыденном сознании довольно часто компьютеризация и информатизация отождествляются, обозначая процесс, связанный с использованием ЭВМ в различных областях деятельности. Однако компьютеризация не тождественна информатизации и представляет собой лишь определенный этап и вместе с тем одну из сторон реально развертывающегося глобального процесса информатизации в различных сферах и измерениях от локального до планетарного масштаба.

В самом общем виде под информатизацией мы понимаем процесс все более полного овладения обществом информацией как ресурсом развития с помощью средств информатики с целью кардинального повышения интеллектуального потенциала и на этой основе – гуманистической перестройки всей жизнедеятельности человека, созидания информационной цивилизации и дальнейшего движения по пути устойчивого развития. Результатом глобального процесса информатизации станет информационное общество – качественно новое состояние как всей цивилизации, так и отдельно взятой страны (или группы стран), обеспечивающих доступ каждого человека либо групп (коллективов) людей к информационным ресурсам и безопасным новым информационным технологиям. Роль информационных процессов в обществе существенно возросла, сформировалась информационная сфера общества (инфосфера), представляющая комплекс информационных ресурсов, соответствующей инфраструктуры, системы и средств передачи, формирования и использования информации и регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Глобально-информационный процесс общества осуществляется с помощью средств информатики. Особое значение для процессов глобализации имеют медиатизационные технологии (в особенности Интернет). Интернет представляет собой глобальную информационную сеть, состоящую из множества взаимосвязанных компьютерных сетей и является собой современную цифровую основу всех процессов глобализации, включающую сейчас сотни млн. пользователей на планете. Уместно отметить, что и появление Интернета – это тоже процесс глобализации как формирование планетарно-космической инфраструктуры (сетевые ин-

формационные технологии, спутниковая связь, их интеграция с сотовой связью, использование интегративного взаимодействия пользователя с компьютером, виртуальные среды и т.д.).

Информатизация выступает как процесс разрешения противоречия, в наиболее острой форме развернувшегося во второй половине XX века, между ростом объемов информации (информационным взрывом) и разного рода ограничениями в восприятии, передаче и переработке информации (информационный голод). Разрешая это противоречие, информатизация создает возможности формирования новой информационной среды для социально-экономических и других процессов, в которой информация становится мировым приоритетным ресурсом развития. С одной стороны, рассматриваемый глобальный процесс выступает как социотехнологический процесс, а с другой – как устойчивая тенденция, закономерность цивилизационного развития, важная составляющая процесса глобализации и становления сферы разума (ноосферы). Причем в будущем информатизация, на наш взгляд, превратится в ведущую глобальную закономерность мирового социально-экономического развития, которое окажется устойчивым развитием, обеспечивая удовлетворение потребностей нынешних и будущих поколений в условиях сохранения окружающей среды.

Информатизация вначале удовлетворяла потребности того социума и конкретного государства, в которых этот процесс возникал и развертывался. Так, на первых этапах информатизация реализовала себя в основном в оборонном (военном) и научно-исследовательском направлениях. Эти пути информационных трансформаций сначала находились в ведении государства, способствуя более эффективной реализации соответствующих его функций и целей. И уже тогда в теории государства должна (могла) быть выделена новая функция государства – функция информатизации (которая затем перешла и ко всему обществу).

Вместе с тем, пока информатизация развивалась лишь как «государственный» процесс, о ней речь не шла – в лучшем случае говорилось о компьютеризации. В дальнейшем этот процесс вышел за рамки отдельного государства и в развитых индустриальных и особенно постиндустриальных странах стал развертываться как социально-экономический рыночный процесс. Информатизация тем самым обрела свою главную (на некоторый период) – экономическую функцию. В этот период компьютеризация, выйдя из жестких рамок государственного контроля в гражданское демократическое общество, стала важным рыночным экономическим меха-

низмом. Экономическая функция упомянутого процесса способствовала выживанию как отдельной фирмы или предприятия, как и конкретного государства и социума, демонстрируя свои социально-преобразующие возможности. Не случайно наиболее высокоразвитые страны одновременно оказались и лидерами информатизации, адекватно отреагировав на вызовы времени в рамках модели неустойчивого развития.

Превращение информации из сопутствующего фактора прогресса общества, его экономического роста в фактор, в существенной степени определяющий этот рост, его движение по пути глобализации – важная социальная закономерность, с которой связаны стоимостные параметры информации, ее роль в развитии товарно-денежных, рыночных отношений и т.д. Отсюда следует и появление особого – информационного производства, развитие комплекса индустрии информатики и т.п.

Рыночные механизмы и конкуренция оказалась более благоприятными для развития обсуждаемого глобального процесса, чем жесткое государственное регулирование, которое и затормозило компьютеризацию на уровне лишь оборонных и исследовательских программ в тех странах, где рыночные отношения отсутствовали. Достигнув определенных высот в реализации своей экономической функции в демократических развитых государствах, информатизация стала широко проникать в здравоохранение, образование и другие социальные сферы. Тем самым появилась социальная (в узком смысле) функция, а еще более узко – образовательная, культурная, политическая и иные подфункции информатизации.

Глобальный процесс информатизации оказался одной из наиболее существенных закономерностей прогресса, открывающей перед цивилизацией новые горизонты выживания и глобального развития. Речь идет о кардинальной трансформации качества и уровня жизнедеятельности человека, всех общественных структур и отношений, каждой страны и всего мирового сообщества. Информатика, как единство науки, техники и индустрии воздействует на общество, порождая глобальные информационные процессы компьютеризации, медиатизации, интеллектуализации и т.д., вызывая неоднозначные социальные последствия.

Планетарный процесс информатизации обретет свое эффективное развитие и гуманистическую ориентацию только в случае обеспечения безопасности своего развития и его позитивного влияния на общество.

Вот почему речь должна идти о формировании качественно новой социально-информационной среды, исключающей, либо сводящей к минимуму отрицательные эффекты процесса информатизации и других

направлений глобализации. Уже сейчас важно вкладывать в новые информационные технологии такое социальное содержание и реализовать такие цели, которые исключали бы их антигуманное использование и ориентировались бы на социальную и другие формы справедливости для нынешних и будущих поколений. Одной из важнейших задач развиваемой сейчас социальной (и ноосферной) информатики является разработка информационных технологий, которые, наполняясь социально-гуманистическим содержанием, обеспечивали бы безопасное поступательное развертывание информатизации. А это зависит не только от технологий, но и от трансформаций в самом мировом сообществе, в котором необходимо создать благоприятную социальную среду ноосферно-гуманистической направленности.

Информационная «подоплека» глобализации связана с изменением экономических отношений от вещественно-материальных к информационно-интеллектуальным уже в процессе перехода к постиндустриальному обществу. Именно новые информационные технологии оказались не только наиболее прибыльными в “экономическом центре системы координат”, но они существенно упростили процесс формирования сознания, на которое сейчас глобальные коммуникации воздействуют масштабнее и сильнее, нежели традиционные государственные механизмы. Наряду с традиционным разделением мирового сообщества на «золотой миллиард» и периферию, Север и Юг, Запад и Восток, появилось разделение на информационную элиту (все больше влияющую на сознание людей) и остальное население в каждом государстве планеты.

Стихийный процесс глобализации в перспективе может привести к формированию «всеединства человечества» как некоего планетарного сообщества и в этом заключается как констатация объективности и реальности этого процесса, так и его позитивная оценка. Ведь единое человечество при условии справедливой и эффективной его организации сможет встать на путь оптимальной стратегии выживания. Вот почему зачастую в глобализации, как отмечает А.Уткин, «видится источник грядущего процветания, умиротворения, поднятия жизненного уровня, социальной стабильности, политической значимости, ликвидации стимула в подчинении соседних государств». Итак, блага такой гиперболизированной интерпретации глобализации рассматриваются сквозь призму рыночных и демократических ценностей, позитивных эффектов, растущего процветания населения планеты и в действительности означает видение глобализации как вестернизации в планетарном масштабе.

Глобализация означает не только становление цивилизации, появление неких новых благ в мировом сообществе, но и появление негативов, становление исторически новых угроз и опасностей планетарного характера, о чем весьма красноречиво пишет Дж. Стиглиц. Будущее цивилизации в последние годы рядом ученых представляется обществом не только новых возможностей и горизонтов, но и обществом риска, опасностей, кризисов и катастроф. Это ощущение грозящих человечеству глобальных опасностей усилилось после действий в Америке международного терроризма 11 сентября 2002 г. и последующих террористических актов в различных точках земного шара, вызвавших благодаря глобальным СМИ большой психологический резонанс, ощущение страха и ужаса у сотен миллионов людей. Как реакция на западную стратегию развития глобализации, универсализацию и стандартизацию оживился национализм и сепаратизм, приобрел планетарный размах международный терроризм, становящийся одной из самых серьезных опасностей поступательному движению мирового сообщества. Имеет место не только антиглобализм, но и «теневая» или своего рода «альтернативная» глобализация, когда евроатлантическому захвату мира противопоставляется фундаменталистская идеология и стратегия «священной войны», отражающая безнадежность положения в современном мире миллиардов голодающих, нищих, больных, неграмотных, обреченных остаться без будущего, которое стремится приватизировать «золотой миллиард».

В Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию подчеркивается, что искоренение нищеты, изменение моделей потребления и производства, а также охрана и рациональное использование природной ресурсной базы в интересах социально-экономического развития являются главнейшими целями и основными потребностями устойчивого развития.

Вместе с тем постоянно растущий разрыв между бедными и богатыми (от людей до стран и регионов) создает серьезную угрозу для стабильности и безопасности мирового сообщества. К этому добавляется разрушение глобальной окружающей среды. Быстрыми темпами идет потеря биологического разнообразия и истощение рыбных запасов, опустынивание поглощает все больше плодородных земель, пагубные последствия изменения климата уже очевидны, стихийные бедствия становятся все более частыми и все более разрушительными, развивающиеся страны становятся все более уязвимыми, а загрязнение воздуха, воды и морской среды продолжает лишать миллионы людей достойной жизни.

ГЛАВА 2. Концепция и стратегия устойчивого развития

Глобальные проблемы – это комплекс взаимосвязанных общечеловеческих проблем современности, проявляющихся как на глобальном, так и на региональном и национальном уровнях (предотвращение мировой ядерной войны и разоружение; поиск путей и средств борьбы с экономической отсталостью и социальной несправедливостью, особенно нищетой, голодом и бедностью; решение экологических проблем и рациональное использование природных ресурсов; продовольственный кризис, демографическая проблема, урбанизация, мировой кризис образования, здравоохранения, использования информации, освоения космоса, Мирового океана, других научно-технических достижений и т.д.). Появляются и новые глобальные проблемы, так уже начало третьего тысячелетия ознаменовалось глобализацией международного терроризма, наркоугрозы, новых вирусных эпидемий и т.д.

Выделяют глобальные проблемы природного характера (например проблема природных катастроф); глобальные проблемы социоприродного характера (экологическая проблема и истощение природных ресурсов); глобальные проблемы социального характера (демографический взрыв, здравоохранения, образования); глобальные проблемы социально-экономического характера (проблемы бедности, продовольственной безопасности); глобальные проблемы социально-политического характера (проблемы войны и мира, разоружения, международного терроризма); глобальные проблемы социально-биологического характера (наркомания, СПИД и другие новые болезни, биологической безопасности); глобальные проблемы духовно-нравственной сферы (проблемы падения духовности, культуры населения, распространение культа насилия и т.п.). Можно глобальные проблемы разделить на три основных класса в зависимости от планетарных систем их проявления: 1) человек-общество, 2) социум-общество, 3) общество-природа. Мы привели здесь достаточно известные классификации глобальных проблем с целью показать, что среди их совокупности существенное место занимают проблемы социоприродного характера, на что многие ученые при изучении глобализации не стали обращать должного внимания.

Глобальные проблемы, обострившиеся во второй половине XX в., обладают рядом характерных черт: они, во-первых, затрагивают интересы всего человечества и каждого человека, во-вторых, приобрели системно-планетарный и даже (что менее заметно) социоприродный характер, в-третьих, требуют для своего решения широкого и активного международного сотрудничества, концентрации усилий всех стран мира, в

четвертых, почти каждая из них таит в себе угрозу выживанию всей цивилизации (причем часто это сопряжено с гибелью природных экосистем). В основе глобальных проблем лежат те или иные глобальные процессы (как мы далее увидим, социоприродного характера), которые характеризуются противоречиями, неразрешимыми в рамках модели неустойчивого развития.

Глобальные проблемы взаимосвязаны и представляют собой целостную систему, их решение (а значит, и выживание цивилизации), возможное лишь на пути перехода к устойчивому развитию, что потребует существенного усиления международного сотрудничества, единения человечества на базе ряда традиционных и ныне формируемых общечеловеческих ценностей гуманистической ориентации, и даже формирование единой глобальной системы «человек-общество-природа».

Каждая из глобальных проблем при ее неблагоприятном развитии представляет угрозу безопасности существования цивилизации, может привести к катастрофе – ядерной, экологической и т.д. Поэтому решение этих проблем означает одновременно формирование всеобщей безопасности мирового сообщества и создание возможностей планетарного управления социоприродными системами, т.е. устойчивым развитием цивилизации.

Возникновение и обострение глобальных проблем цивилизации свидетельствует о существовании единого мирового развития, наличии взаимосвязанного, во многом целостного цивилизационного причем не просто социального, а именно социоприродного процесса. Именно на изучение и решение глобальных проблем, сущности, причин и тенденций глобализации, утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов нацелена новая междисциплинарная область современной науки – глобалистика.

Как правило, развертывание глобальных проблем вскрывает противоречия социального и социоприродного развития, которые для своего разрешения требуют кардинального изменения традиционных форм и способов жизнедеятельности людей и их взаимодействия с природой. Сейчас стало понятным, что путь развития человечества, включая смену общественно-экономических формаций путем революционных изменений, вряд ли можно оценивать однозначно как прогресс. Когда человечеству угрожает мировая термоядерная либо экологическая катастрофы, а эсхатологический финал в виде омницида просматривается уже в ближайшие десятилетия, вряд ли можно считать, что такое развитие человечества – это триумфальное шествие по пути прогресса. Каждая из уже

ГЛАВА 2. Концепция и стратегия устойчивого развития

известных и исследованных глобальных проблем несет угрозу гибели человечества либо сама по себе, либо через всю взаимосвязанную систему этих проблем. Вот почему предотвращение угроз глобальных катастроф, выживание человечества мыслится как первостепенная общечеловеческая потребность, осознание которой составляет ядро ноосферного мышления.

Единство человечества необходимо для целей выживания цивилизации, чего невозможно достичь лишь на пути интерсоциального единства либо гармонизации отношений в системе «человек-общество». Необходима гармонизация отношений в более широкой и не просто в социальной, а именно в социоприродной системе, т.е. системе «человек-общество-природа». Такое единство отчасти также формируется в стихийно протекающих процессах глобализации особенно на этапе ее интенсивного развития, однако требует своего дальнейшего целенаправленного развития. Это целенаправленное развитие связано с тем, что в ходе глобализации необходимо усилить позитивные и одновременно снизить ее негативные последствия. Среди негативных последствий речь идет прежде всего об угрозе международного терроризма, который в ходе глобализации приобрел транснациональный характер и является примером наиболее негативных аспектов интегративных процессов в международном сообществе. Среди этих качественно новых угроз глобального характера, кроме терроризма – коррупция, отмывание «грязных» денег, наркомания, незаконная миграция и другие деструктивные для человека и общества явления. К сожалению, глобализация преступности, терроризма и других негативных феноменов зачастую носит опережающий и массовый характер, оттеняя позитивные эффекты стремления человечества к своему единству.

Борьба с международным терроризмом и обеспечение безопасности в плане противодействия другим негативным явлениям глобализации не может быть решена в рамках отдельного государства. В этом видится аналогия этих процессов с обеспечением экологической безопасности, которая также может быть обеспечена в глобальном масштабе в силу целостности биосферы планеты. Именно поэтому для обеспечения экологической безопасности и противодействию глобальному терроризму и другим аналогичным новым угрозам планетарного характера необходим переход к устойчивому развитию всего мирового сообщества, перевод глобализации на магистраль устойчивого развития. В силу системного характера перехода к устойчивому развитию в эту стратегию перехода

«вписываются» все возможные направления и области деятельности, появление новых опасностей и угроз, деструктивных тенденций и негативных последствий.

Если переход к устойчивому развитию оказывается решением глобальных проблем, то и «поворот» глобализации на цели этого развития также будет способствовать выживанию цивилизации и сохранению биосферы. «Глобализация выступает в качестве явления, имеющего как деструктивный, так и конструктивный характер, - отмечает Х. Барлыбаев. – Концепция устойчивого развития представляет собой инструмент, определенную программу или стратегию, нацеленную, с одной стороны, против деструктивных моментов глобализации и, с другой, - на усиление ее конструктивного характера, на преодоление нынешней неустойчивости в развитии социобиосферы Земли». Осмысление роли глобальных процессов, как справедливо заметил А.Н. Чумаков, - шло от глобальных проблем к глобализации. Причем исследование глобализации, по сути дела, «поглотило» дальнейшее изучение глобальных проблем и, как мы считаем, в некотором смысле привело к утере важных обобщений, которые уже были получены ранее. Это прежде всего относится к вопросу о классификации глобальных процессов, в которые входят и глобальные проблемы и тенденции глобализации, а также некоторые иные процессы.

Выше мы выделили три основных класса глобальных проблем и полагаем, что такие три класса составляют и процессы глобализации, хотя их выделено (как направлений глобализации гораздо больше, например, труды Х. Барлыбаева и А. Чумакова). И тем не менее все глобальные процессы также могут быть разделены на три большие области направления, выражающие отношения: 1) человек - общество; 2) социум – человечество; 3) общество – природа.

Изучение процессов глобализации сосредоточилось в основном на двух первых направлениях, причем даже здесь большинство авторов выделили прежде всего экономическую глобализацию, что находит свое оправдание в том, что модель неустойчивого развития в которой идет стихийный процесс глобализации носит рыночно-экономический характер. Во всяком случае основные определения понятия глобализации, как об этом свидетельствует недавно вышедшая энциклопедия «Глобалистика», носят социоцентрический характер, представляя глобализацию в основном как формирование единого человечества, целостного планетарного мира людей. А вопросы, связывающие этот целостно-единый мир

с природой, за счет которой живет будет продолжать жить этот мир в лучшем случае оставался на периферийном месте в осмыслении процессов глобализации, что давало, на наш взгляд, одностороннюю картину глобализации.

Однако, если мы будем считать, что глобализация, которая будет разворачиваться через реализацию стратегии устойчивого развития, будет оставаться социоцентрическим процессом, то это будет односторонним видением этого процесса. осмысление процессов глобализации должно будет не просто включить социоприродные процессы в предметную область исследований глобализации, но выдвинуть их на приоритетное место, что и придаст таким исследованиям целостный характер. Ведь концепция устойчивого развития кардинальным образом отличается от всех предыдущих идей развития цивилизации тем, что она выдвинула экологические императивы на приоритетное место (об этом речь пойдет в третьем параграфе главы). Все остальные концепции будущего переустройства мира не затрагивали коренным образом область взаимоотношений природы и общества.

Однако отличие нового этапа глобализации заключается не только в его социоприродном видении, но и, как отмечалось выше, в опережающем характере этого глобального процесса. Ведь процессы глобализации, уже давно развертывающиеся в модели неустойчивого развития, начали осознаваться с определенным отставанием, что А. Чумаков называет «эффектом позднего восприятия». Это характерная черта осознания подавляющего большинства процессов в модели неустойчивого развития, где сознание общества (прежде всего в лице ученых) отстает от социального и социоприродного бытия.

При реализации процессов глобализации через устойчивое развитие ситуация с осмыслением кардинальным образом меняется и из отстающего восприятие процессов глобализации постепенно превращается в опережающее. Причем насколько быстро это произойдет зависит сам переходный процесс к устойчивому развитию. А этот процесс имеет два основных направления – посредством глобализации (что мы рассматриваем в этой главе) и через механизм государственности (об этом – в четвертой главе работы). Опережающая глобализация – это социоприродный процесс формирования глобальной системы «человек – общество – природа» благодаря реализации стратегии устойчивого развития.

Перспективы становления глобальной системы «человек – общество - природа»

Будущее «устойчивое общество» видится единой глобальной цивилизацией, преодолевшей конфронтационные тенденции, ставшее на путь общемирового консенсуса, взаимопонимания, толерантности, ненасилия, способной решить глобальные проблемы и элиминировать негативы глобализации в процессе планетарного перехода к устойчивому развитию. Это глобальное общество вместе с тем должно выступать неким интегративным образованием, реализующим в известной степени те футурологические и социологические представления и концептуальные модели, которые совместимы с «коридором возможностей» траектории устойчивого развития.

В современной обществоведческой литературе, как отмечалось, существует ряд теоретических построений и среди них – концепции постиндустриального общества, информационного общества, общества риска, экологического общества, ноосферы и т.д. Характерной особенностью всех этих концептуальных образований является то, что они совместимы с процессами глобализации и каждая концепция претендует на то, чтобы видеть будущее в границах своего предметного поля и чаще всего подобное видение связано с той или иной тенденцией глобализации. Вместе с тем далеко не каждое из этих исследовательских направлений соответствует модели и стратегии устойчивого развития, поскольку они разработаны в рамках предыдущей модели, т.е. той модели, в которой сейчас существует цивилизация. Поэтому исторический и исследовательский выбор оказывается связанным с их отношением к упомянутому прескриптивному прогнозу социоприродного (устойчивого) развития как «желаемому» будущему.

Модель неустойчивого развития не обеспечивает выживания и длительного безопасного развития и потому не может избежать неконтролируемого негативного развития процессов глобализации и интегральной угрозы обострения глобальных проблем планетарной катастрофы. Вспомним, что самая первая обстоятельная публикация по проблеме устойчивого развития получила наименование «Наше общее будущее». Ведь в модели неустойчивого развития, где имеет место всемирное доминирование Запада и его ценностей, явно наблюдается попытка «приватизации будущего» в интересах «золотого миллиарда». А это приводит его не только к «столкновению с будущим» (футурошоку), но и к «столкновению цивилизаций», войне «всех против всех», чреватую самоубий-

ством человечества. «Приватизация будущего» несовместима с переходом к устойчивому развитию и адекватная реакция на вызовы и угрозы будущего приводят к выводу о необходимости формирования баланса прошлого, настоящего и будущего в перспективной пространственно-темпоральной стратегии цивилизационного поступательного движения, дающего возможность позитивным процессам глобализации обрести не приватизированное и односторонне-позитивное (а для остального человечества – негативное), а общее будущее для всего человечества.

Возьмем, например, теорию постиндустриального общества, на базе которой, как упоминалось, в основном и рассматриваются процессы глобализации. Иногда можно встретить точку зрения о том, что постиндустриальное общество и общество с устойчивым развитием – это фактически одно и то же. Однако вряд ли такая точка зрения справедлива. На наш взгляд, постиндустриальное общество является завершающей стадией модели неустойчивого развития, под которой понимается социум с производственно-некоэволюционным способом взаимодействия с природой. Общество с неустойчивым развитием лишено того «духовного аттрактора», который эффективно противостоял бы деградационно-кризисным тенденциям и дальнейшему сползанию к антропоэкологической катастрофе. Короче говоря, это общество без «нашего общего будущего». Постиндустриальное общество в принципе не может быть глобальным, поскольку в него может войти лишь «золотой миллиард» и, возможно, еще один миллиард землян, способных создать общество потребления еще в модели неустойчивого развития за счет уже необратимой гибели биосферы.

Постиндустриальное общество на определенном этапе своего развития может стать предпосылкой и стартовой площадкой к переходу к «устойчивому обществу», если оно начнет реализовывать принципы этого последнего, которые имеют всеобщий и глобальный характер. К устойчивому развитию (в отличие от постиндустриального сценария) должны переходить все страны мирового сообщества, независимо от того, на какой стадии развития они находятся – аграрной, индустриальной либо постиндустриальной (возможно, за исключением консервации немногочисленных племен собирателей, сохранившихся в ряде мест планеты – синполитейный палеолит).

Это означает также, что в тех странах и регионах, где глобализация еще не проявляется достаточно рельефно, она может и не проходить по «постиндустриальному» и «вестернизационному» сценарию с переходом к

модернизации и т.п. Здесь стихийно идущий процесс постиндустриализации может (и даже должен) быть переориентирован: глобализация развивающихся и ряда других стран желательна по иному сценарию – через переход к устойчивому развитию. Ведь подобный переход также носит в принципе глобальный характер и поскольку в этот процесс предполагается вовлечь все страны и народы планеты, то ясно, что это тоже глобальный процесс, но все больше элиминирующий негативы «неустойчивой глобализации». Однако, этот тип глобализации не стихийный и не управляемый сверхдержавой или только развитыми странами процесс. Это коэволюционно-консенсусное развитие всего мирового сообщества согласно принятым на уровне ООН принципам, целям устойчивого развития и идеалам ноосферогенеза. Поэтому, имея иные стартовые условия и возможности еще неглобализированные в старой модели фрагменты мирового социума вынуждены будут вступить на путь глобализации через переход к устойчивому развитию.

Поэтому при таком переходе появляется бифуркационное расщепление, нарушается линейный ход истории на ее социотехнологической магистрали (и иного направления модели неустойчивого развития), поскольку планетарный характер мироустройства на принципах устойчивого развития требует одновременного по историческим масштабам старта всех стран, народов и регионов в наше общее устойчивое будущее. Как бы ни развивались те или иные фрагменты мирового социума (страны, народы, этносы и т.п.) они не достигнут полной и всесторонней глобализации без реализации единых действий по переходу к устойчивому развитию.

Пространственный процесс глобализации не может дойти до своего конца даже в условиях доминирования постиндустриального общества над всеми другими относительно самостоятельными фрагментами мирового социума, как это имеет место в модели неустойчивого настоящего. Современное мировое сообщество оказывается тем самым «расколотой» на различные компоненты, субъекты, социумы, в которых глобализация в принципе не может быть достаточно полной и всесторонней, не сможет существенно уменьшить свои негативы, гарантируя человечеству безопасное общее будущее.

Постиндустриальное общество вместе с тем имеет свой «мост» в общество с устойчивым развитием, носящий информационную природу, как бы демонстрирующим, что вещественно-энергетические акценты деятельности остаются в модели неустойчивого развития. Таким «мостом» является информационное общество, которое, зародившись в постин-

дустриальной фазе, сможет пройти испытание на критерии устойчивого развития при определенных трансформациях. Здесь мы в какой-то мере предлагаем вариант такой концептуально-теоретической экспертизы (которая, естественно, должна быть продолжена) на соответствие целям и принципам устойчивого развития. Речь идет о выборе теоретических построений будущего в рамках существующих концептуальных систем. Сложность такой концептуальной экспертизы и ее выбора (который пока может носить чисто предварительный характер) связана с тем, что сейчас нет достаточно четких моделей и индикаторов устойчивого развития как будущего общества. Нам приходится проводить концептуальный отбор лишь по достаточно общим соображениям, которые могут и должны вызвать дискуссию как в традиционных направлениях социально-гуманитарного знания, так и в исследованиях будущего.

Модель «устойчивого будущего» еще достаточно четко не определена и пока мировое сообщество придерживается тезиса о многообразии моделей устойчивого развития, одна из которых может реализоваться в нашей стране. Однако в отличие от ныне действующей модели развития (которая также характеризуется разнообразием) устойчивое будущее мирового сообщества, каждого региона и государства вначале необходимо создать на концептуально-теоретическом, виртуальном уровне. И лишь затем необходимо реализовывать это виртуальное будущее, прокладывая в него оптимальную траекторию от модели неустойчивого развития.

И здесь не обойтись без формирования новых органов (в том числе и в сфере государственной службы), выполняющих управляющую и контролирующую функции оценки и экспертизы на соответствие принимаемых решений и проектов целям и принципам устойчивого развития. На базе экологической и других видов (форм) экспертизы должна появиться комплексная УР-экспертиза (т.е. экспертиза на устойчивое развитие), которая оценивала бы практически все решения на соответствие новой цивилизационной стратегии по меньшей мере в сфере экономики, социального развития и сохранения окружающей среды.

Приведенная выше гипотеза о том, что информационное общество продолжит свое развитие в дальнейшем цивилизационном процессе на магистрали устойчивого развития представляется достаточно обоснованной. Ведь информатизация уже никуда не исчезнет, она должна будет продолжать развиваться, информационно обеспечивая наше общее устойчивое будущее. Информационное общество вначале развивается стихийно, в рамках естественно-исторического процесса становления

постиндустриального общества, но на определенном его этапе, когда будут созданы необходимые глобальные предпосылки, оно начинает стимулировать переход к устойчивому развитию. Эти глобальные предпосылки и условия связаны с созданием новых информационных и телекоммуникационных технологий и соответствующей инфраструктуры, благодаря которым создается планетарно-космическое киберпространство, что позволяет не только принимать решения на локально-государственном, но и на глобальном уровне, без чего переход к устойчивому развитию невозможен.

Под информационным обществом понимается социально-технологическая характеристика состояния общества в отдельно взятых странах, отражающая результат процесса информатизации. В перспективе все более полной и всесторонней информатизации предполагается появление в XXI в. информационной цивилизации в глобальном масштабе.

Концептуальной основой становления информационного общества явились труды Д. Белла, З. Бжезинского, Э. Тоффлера и других теоретиков постиндустриального общества, которое и не упоминали об устойчивом развитии. В дальнейшем, когда стала выявляться все возрастающая роль информации и информатизации в стихийном процессе перехода части цивилизации к постиндустриальной стадии развития, эту последнюю все чаще стали именовать «информационным обществом». И в одной из работ эта стадия была названа первой стадией ноосферы или инфоноосферой. Под информационным обществом в настоящее время понимают общество, основанное на знаниях, поскольку в нем большинство населения будет занято производством, распространением, переработкой, хранением и использованием информации. Будущее общество, основанное на знании, науке и образовании, может в известной степени считаться информационным, поскольку информация оказывается основным ресурсом развития, не имеющим планетарных ограничений. Традиционные – вещественно-энергетические ресурсы, в основном используемые в современной модели развития, подошли к пределу своего истощения и тем самым делают бесперспективным социально-экономический процесс, в котором они доминируют. Информационное общество в социально-технологическом ряду развития (охотничье-собираческое, аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество), оказывается завершающей стадией модели неустойчивого развития. С одной стороны, информационное общество «вырастает» из постиндустриального общества, которое завершает фазу неустойчивого цивилизационно-

го развития. С другой стороны, это общество в своей зрелой стадии в глобальном масштабе становится начальной стадией ноосферы на пути реализации новой цивилизационной стратегии, обеспечивающей в будущем выживание человечества и сохранение биосферы.

Доминирование информации как неистощимого ресурса развития и интенсификация информационных процессов в «обществе информации» не отменяет дальнейшего функционирования индустрии, сельского хозяйства и других традиционных отраслей хозяйственной деятельности (удовлетворяющих первичные жизненно важные потребности), хотя их доля в общей занятости населения существенно (почти на порядок) уменьшится. Все более широкое использование информации в качестве ресурса развития преодолевает определенные ограничения, связанные с истощением и нехваткой вещественно-энергетических ресурсов (в количественном и качественном аспектах) и формирует новый механизм все более полной интенсификации хозяйственной, социальной и иных сфер деятельности людей. Информация и прежде всего научное знание становится важнейшим инновационным фактором, качественное разнообразие и количественные объемы которых не имеют ограничений при их производстве и использовании в целях развития, которое благодаря этому становится все более «устойчивым». Само развитие приобретает преимущественно информационную ориентацию и содержание, позволяя обществу экономить вещественно-энергетические и другие материальные ресурсы, продолжая дальнейший прогресс уже как устойчивое развитие в ноосферном направлении.

В силу этого информатизация по отношению к индустрии, сельскому хозяйству и другим видам человеческой деятельности выступает в качестве фактора интенсификации, рационализации и оптимизации. Интенсификация информационных процессов благодаря информатизации кардинально изменяет многие сферы жизнедеятельности, оказывая существенное влияние на социально-экономические процессы, формируя не только их «информационную» форму выражения, но и трансформируя и глобализируя само их содержание. Кардинальные трансформации в будущем глобальном обществе скажутся прежде всего на формировании общественного сознания, которое благодаря информатизации превратится в форму социотехнологического (гибридного) интеллекта, получившего наименование ноосферного интеллекта (о чем речь подробнее пойдет в последней главе). Суть функционирования социотехнологического интеллекта заключается в том, что сознание отдельных индивидов

более активно включается в процессы коммуникации и принятия решений, что невозможно без эффективного использования новых информационных технологий (как компьютерных, так и медиатизационных, включая искусственный интеллект).

Формирование ноосферного интеллекта изменит форму принятия решений демократическим путем, поскольку существенно расширится круг его участников. В этот процесс будут включены и будущие поколения людей, точнее – их интересы в том виде как они представляются современникам, принимающих решения. Предполагается, что решения (главным образом опережающие) будут приниматься не силовыми, а информационно-консенсусными методами и на рационально-нравственной и гуманистически-справедливой основе.

Становление информационного общества свидетельствует о возможности появления новой закономерности – опережения общественным сознанием (в форме ноосферного интеллекта) социального бытия, что в принципе было невозможно в планетарном масштабе в условиях модели неустойчивого развития. Ведь для этого необходимо существенное повышение как сознания каждого в отдельности человека, так и совокупного интеллекта человечества, появления того «сверхсознания» единой цивилизации, о которой мечтал П. Тейяр де Шарден, относя его появление к ноосферной стадии развития человечества в книге «Феномен человека».

В грядущей информационной цивилизации на основе развитой инфосферы (т.е. технических и программных средств информатизации и медиатизации в глобальном масштабе) цивилизация в полной мере овладеет процессами производства и использования информации, разрешит информационный кризис (противоречие между информационным «голодом» и информационным «взрывом») и реализует не только свободный доступ каждого человека к информации как к общечеловеческому достоянию, но и его право активно участвовать в выработке решений на основе новой формы плебисцитарной демократии – информационно-консенсусной.

Достаточно развитое информационное общество должно обеспечить свободный и открытый доступ каждого человека к информационным ресурсам всей цивилизации, свободу выражения своего мнения в глобальных коммуникациях и иных информационных сетях, в том числе участие в принятии решений на локальном, национальном и глобальном уровнях (при защите от вторжения в его личную жизнь). Это окажется возможным лишь в случае кардинальных социальных трансформаций в рамках

всего мирового сообщества и охватом процессов информатизации всех сфер человеческой деятельности и всего планетарного пространства.

Глобальная информационная цивилизация как первая ступень ноосферы будет характеризоваться информационным единством цивилизации, приоритетом информации над другими видами ресурсов, широким доступом к информационным ресурсам, занятостью в информационной сфере подавляющего большинства населения, реальной возможностью предвидения будущего и эффективного управления социоэкоразвитием, обеспечением информационной и других видов безопасности.

Вполне понятно, что условием и предпосылкой возникновения является устранение военной и иных разрушительных форм конфронтации и полное освобождение от милитаристской формы взаимодействий в социуме. Необходимо также обеспечить информационную безопасность развития, гарантирующей такое течение социально-информационных процессов, которое создавало бы необходимые условия (среду) выживания и дальнейшего устойчивого развития цивилизации, их ориентацию на человека и человечество.

Становление информационного общества в России существенно отстает от передовых стран – лидеров информатизации, в которых уже сформирована первая стадия этого общества. С российского рынка были фактически вытеснены отечественные производители, произошел отток за рубеж специалистов и правообладателей интеллектуальной собственности, информатизация оказалась в числе периферийных тенденций реформирования российского общества.

Ряд авторов, как отмечалось выше, глобализацию видят в основном в плане становления информационного общества и свершения информационной революции. И хотя, вполне понятно, глобализация не сводится к информатизации, тем не менее последняя придала наиболее серьезный импульс интенсификации всех глобальных процессов.

Не случайно поэтому переход к устойчивому будущему был поставлен в «Повестку дня для XXI века», ибо стало понятным, что уже в ходе информатизации появилась информационно-управленческая база, сделавшая возможным подобный переход. и здесь мы должны дать уточнение по поводу того, что до недавнего времени информационное общество в ряде публикаций считалось некоей разновидностью постиндустриального общества либо даже тождественным ему.

Поскольку информационное общество появляется в рамках модели неустойчивого развития, то оно действительно представляет собой

часть постиндустриального общества как общества, базирующихся на «постматериальных ценностях» – услугах, знаниях, информации. Однако именно в информационном обществе информация начинает играть доминирующую роль, опережая и ускоряя другие процессы глобализации. Информатизация, направленная на переход к устойчивому развитию, «вырывается» из старой модели развития (включая и постиндустриальную его стадию) и становится информационной основой нашего общего будущего с устойчивым развитием.

Благодаря этому постиндустриальное общество остается в той своей части, которая «олицетворяет» модель неустойчивого развития, в ней и остается, а «пропуск» в будущее получает главным образом его информационная составляющая, как наиболее отвечающая критериям устойчивого развития. Информационное общество во временном аспекте разделяется на две темпоральные части – одна из них остается в постиндустриальном, а вторая далее формирует новую, пока еще становящуюся модель развития. Для этого последней части информационного общества придется перестроиться согласно принципам устойчивого развития и обеспечить свою информационную и другие формы (виды) безопасности.

При переходе к новой модели развития информационные факторы играют фундаментальную роль, однако в нашем сознании модель устойчивого развития ассоциируется прежде всего с проблемами экологии, охраны окружающей среды. Экологические проблемы могут быть решены на базе информационного общества, но главная задача заключается в том, чтобы сохранить биосферу и разнообразие ее экосистем и сформировать стратегию устойчивого природопользования, т.е. хозяйственной деятельности в рамках несущей (антропогенной) емкости экосистем и вмещающих ландшафтов. Сохранение этих последних и биосферы в целом может достигаться в результате изменения способа взаимодействия общества и природы, формирования естественно-энергетических потоков антропогенной деятельности, которые вписывались бы в круговороты и циклы биосферы и не нарушали бы ее естественную эволюцию. В рамках нового – ноосферного способа взаимодействия общества и природы может быть сформировано так называемое экологическое общество, которое обеспечивало бы экологическую безопасность и одновременно оптимальное социоэкоразвитие (оно получило наименование эконоосеры).

Эволюционный ряд развития, начиная с информационного общества, способного к самоорганизации на принципах устойчивого развития, а затем и экологического общества создает возможности коэволюции при-

роды и цивилизации и дальнейшего становления сферы разума. Именно в ноосфере, где продолжается и усиливается ориентация на информационную стратегию (в том числе и в области использования ресурсов) происходит существенный позитивный сдвиг в области решения экологической и других глобальных проблем. На пути устойчивого развития идет становление ноосферного способа взаимодействия природы и общества, а также - вслед за информационным обществом идет формирование глобального экологического общества и других ступеней сферы разума. Характерной чертой этого процесса ноосферогенеза является повышение его информационной емкости и интеллектуально-рациональной составляющей в процессе обеспечения безопасности и дальнейшего социоприродного развития.

На этапе становления ноосферы и соответствующего способа взаимодействия природы и общества происходит гармонизация взаимосвязей в системе «человек-общество-природа» и возвышение потребностей социума (и составляющих его индивидов), превалирование духовно-нравственного и интеллектуально-гуманистического начала над материально-вещественными и потребительскими ценностями. Путь перехода на траекторию устойчивого развития ноосферной ориентации открывает новые возможности решения как глобальных проблем (включая и уменьшение негативов глобализации), так и новых – уже планетарных и космических проблем, возникающих в ходе дальнейшего развития человечества.

Глобальный характер становления сферы разума определяется не только экологическими соображениями, но, фактически, всеми составляющими системы перехода к устойчивому развитию. Развернувшиеся в настоящее время процессы глобализации как стихийные процессы движения цивилизации к постиндустриальному обществу и единому человечеству (мегаобществу) важно направить в русло реализации целей устойчивого развития ноосферной ориентации. Императивы глобально-экологические должны быть дополнены экономическими и социальными требованиями, вытекающими не из стихийного их развертывания в рамках модели неустойчивого развития, а исходя из принципов и ориентиров устойчивого развития в планетарном масштабе.

И хотя процесс глобализации начался до перехода мирового сообщества к устойчивому развитию, т.е. в рамках старой цивилизационной модели, тем не менее, позитивные перспективы его развертывания должны прийтись на эпоху перехода к устойчивому развитию как принципиально нового планетарного процесса по своей сущности и масштабам. Со-

ответственно, обострившиеся глобальные проблемы в XX веке, должны найти свое решение в ходе становления новой цивилизационной стратегии в XXI веке. Ведь переход к устойчивому развитию ноосферной ориентации, носящий целенаправленный и системно-сбалансированный характер, являет собой средство решения абсолютно всех глобальных проблем, или, на первых этапах, по крайней мере их позитивного сдвига. «Вписывание» же процессов глобализации в рамки новой модели развития окажется существенным фактором ее реализации, поскольку уже не только государства, но и другие агенты (субъекты) глобализации будут исходить в своей активности из принципов и целей устойчивого развития, осуществлять социоприродный процесс глобализации через устойчивое развитие.

Экологическая глобализация и политика устойчивого развития

Приведенная выше социоприродная трактовка процесса глобализации означает необходимость более адекватной экологической политики, поскольку именно с ее помощью осуществляется оптимизация взаимоотношений в системе «человек – общество - природа» в глобальном, региональном, национальном и локальном масштабах.

Политика означает стремление субъектов соответствующей деятельности к участию во власти или оказанию влияния на распределение властных функций или между государствами, или внутри государства между группой людей (что реализуется и в процессе глобализации). Политика обычно ассоциируется с деятельностью отдельных граждан, общественных организаций, государственных органов, связанная с управлением государством, завоеванием тех или иных властных функций, влиянием на формулирование целей его развития и их реализацию. Несмотря на различные формы политической деятельности, ее ядром является активное участие в управлении с целью выполнения общественных функций государства, реализации национальных интересов и целей.

Для осуществления целей устойчивого развития важна реализация властных функций не только на государственном, но и на глобально-международном уровне. Политическая деятельность, будучи системным феноменом тем не менее разделяется на отдельные сферы, соответствующие основным общественным функциям государства, т.е. экономическую, социальную, экологическую и т.д. Например, военная политика выступает как составная часть общей политики государства в оборонной деятельности, аграрная политика – как деятельность раз-

ГЛАВА 2. Концепция и стратегия устойчивого развития

личных субъектов политики в области отношений землевладения, землепользования, производства и использования сельскохозяйственной продукции. В этом же плане мыслится и деятельность в области реализации устойчивого развития, которая будет «перераспределять» структуру процессов глобализации.

Экологическая политика как термин содержит два ключевых слова – «экология» и «политика» и находится в предметном поле пересечения содержания упомянутых понятий. Экологическую политику довольно часто просто отождествляют с экологической деятельностью и такое слишком расширительное понимание экополитики вряд ли проясняет специфику обсуждаемого понятия. Экополитика, на наш взгляд, это такая экологическая деятельность, которая затрагивает сферу политики, становится одной из составляющих политической деятельности. И при этом экополитика не уходит целиком в эту последнюю сферу, а остается в сфере экологической и других областей человеческой деятельности.

Экологическая политика, в частности, определяется как «система специфических политических, экономических, юридических и иных мер, принимаемых государством с целью управления экологической ситуацией и обеспечения рационального использования природных ресурсов на территории страны». В принципе это определение можно было принять за основу, однако здесь внимание акцентировано лишь на государстве как субъекте соответствующей политической деятельности и одновременно на одном из ее объектов. Очевидно, что число субъектов экополитики должно быть расширено, сюда должны быть включены все субъекты (включая отдельных граждан, неправительственные организации и т.д.), которые занимаются влиянием на распределение властных функций по поводу экологических отношений. Причем как в плане решения экологической проблемы внутри страны, так и вне ее, включая экологические отношения между государствами, в том числе и в глобальном масштабе, что в данном случае представляет интерес, поскольку глобальная экополитика должна реализовываться через переход к «устойчивой глобализации».

Для нас важно понять содержание экологической политики, проявляющейся в процессе глобализации и ориентирующейся на стратегию устойчивого развития. Дадим условное наименование такой экологической политике «устойчивая экополитика». В книге «Газпром и современная экополитика» (М., 1998) такую экополитику мы называли современной экополитикой, поскольку традиционная экополитика все же была ориентирована на модель неустойчивого развития и потому представлялась нам идеологически устаревшей. Итак, «устойчивая экополитика»

представляется нам в качестве как совокупности концептуальных и теоретических систем, так и практических действий в области экологии, влияющих на перераспределение властных функций и управления, способствующих переходу к устойчивому развитию. Именно такого рода политику проводит ООН, формулируя цели мирового сообщества как цели перехода к устойчивому развитию.

В Доктрине сказано, что сохранение природы и улучшение качества окружающей среды являются приоритетными направлениями деятельности государства и общества. Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния, необходимое условие национальной и общечеловеческой безопасности.

Предполагается, что стратегия социально-экономического развития страны должна быть в перспективе увязана с основными положениями Экологической доктрины. Стратегической целью государственной экологической политики, согласно Доктрине, является поддержание целостности природных систем и их жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, улучшения здоровья населения и обеспечения экологической безопасности страны. Причем для достижения цели необходимо решить следующие задачи: сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества; обеспечение рационального и устойчивого природопользования и равного доступа к природным ресурсам ныне живущему и будущему поколениям; обеспечение благоприятного состояния окружающей среды как необходимого условия достойного качества жизни и здоровья населения.

Пересечение двух сфер деятельности – экологической и политической имеет глубокий смысл для определения их отношения к глобализации и устойчивому развитию. Если экологическая деятельность входит в саму стратегию устойчивого развития (хотя и претерпевает трансформации, о которых далее пойдет речь), то деятельность политическая обычно выводится за скобки этого развития и создается впечатление, что новая цивилизационная парадигма в равной степени касается лишь экономики, экологии и социальной сферы.

Между тем политическая деятельность оказывается не только рядоположенной и равноправной с упомянутыми составляющими системы устойчивого развития, но и на определенных этапах становится решающей составляющей. Это уже продемонстрировано на ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и на ВСУР в Йоханнесбурге в 2002 г., где все принятые

официальные документы носят рекомендательный политический характер. Более того, с принятием этих глобальных политико-мировоззренческих рекомендаций ООН начала формироваться не просто экополитика в глобальном масштабе (этот процесс фактически идет со Стокгольмской конференции по окружающей среде, 1972 г.), но и общемировая политика в области устойчивого развития. Это новый глобально-политический процесс, который направлен на реализацию стратегических решений упомянутых форумов ООН. Он стимулирует и национальные эколого-политические процессы, формулировку государственных концепций и стратегий и других официальных документов и даже законов.

Возможно, что термин «политика в области устойчивого развития» сократится до словосочетания «устойчивая политика», в которую войдет вся мыслимая деятельность по осуществлению стратегии устойчивого развития, либо даже до более приемлемого термина «политика устойчивого развития». Соответственно, «устойчивая экополитика» также сюда должна быть включена, как и соответствующая экономическая политика, социальная политика и т.д. Сосредоточим далее внимание именно на экологической политике, ориентированной на планетарную стратегию устойчивого развития и выясним, чем «устойчивая экополитика» отличается от «экополитики» в модели неустойчивого развития.

Прежде всего, уместно отметить, что речь пойдет о более системном характере экополитики как направления экологической деятельности. До появления стратегии устойчивого развития экополитика носила в основном ведомственно-отраслевой характер, ориентированный преимущественно на решение локальных экологических проблем. Более системный характер «устойчивой экополитики» касается не только перехода от локальных экосистем к глобальной системе. Экополитика оказалась более тесно связанной с экономической политикой, социальной политикой и другими сферами политической и человеческой деятельности в процессе их глобализации и регионализации (глокализации).

Глокализация, на наш взгляд, выражает процесс «столкновения» глобальных и местных факторов и тенденций, т.е. глокализация выступает как взаимодействие внешнего (глобализация) и внутреннего (локального) процессов. Глобализация как процесс воспринимается позитивно либо отторгается, воздействуя на определенную территорию с населением, создает соответствующий эффект. Например, в случае экологической глобализации глокализация состоит в восприятии планетарно-экологических требований для реализации их на местном уровне, в частности речь идет о создании «местных повесток дня» (локальных стратегий

устойчивого развития) для реализации устойчивого развития мирового сообщества. Локальные экологические требования должны «вписываться» в глобальную стратегию устойчивого развития, подчиняться, а не противоречить ей. Т.е. в процессе экологической глобализации (проводимой в соответствии с принципами устойчивого развития) планетарные цели и императивы экополитики большей части мирового сообщества должны оказаться приоритетными и основополагающими.

В принципе к устойчивому развитию в глобальном масштабе можно перейти даже если некоторые части территорий и отдельные местности (страны) еще будут находиться в «зоне неустойчивости». Здесь действует «принцип устойчивости», когда целое (в данном случае мировое сообщество) может выйти на магистраль устойчивого развития в случае если часть (отдельные страны) может оказаться в рамках старой модели развития (например, страны, входящие в ООН, перейдут на новую стратегию, а страны, не входящие в ООН, будут продолжать свое инерционное движение в модели неустойчивого – развития). В этом случае могут реализоваться две версии глокализации – одна будет происходить через устойчивое развитие (для большинства стран) и другая будет идти по старому сценарию (однако в случае, если это будет происходить в пределах некоторой меры).

Один из существенных вопросов реализации устойчивого развития будет связан с тем, какое количество стран (территорий) должно принять императивы устойчивого развития для того, чтобы оно состоялось в целом для мирового сообщества? Теоретически ясно, что в это количество стран должны войти все «экологические тяжеловесы», о которых уже шла речь в первой главе. Однако практически это количество стран (территорий) будет определяться по мере фактического продвижения в направлении устойчивого развития. Это своего рода «демократия стран», участвующих в таком переходе, когда добавление еще одной составляющей в пользу устойчивого развития создаст «эффект целостности», после которого движение по пути новой цивилизационной стратегии окажется гораздо более стремительным, чем до достижения этого эффекта.

Таким образом, «устойчивая экополитика» должна исходить из приоритета глобальных принципов, императивов и целей по отношению к аналогичным локальным, национальным, региональным характеристикам. Подобная ситуация при переходе к устойчивому развитию касается абсолютно всех видов деятельности, которые должны исходить из приоритета осуществления целей перехода к устойчивому развитию более широкой – в данном случае – глобальной системы. Ведь переход к устойчивому развитию возможен лишь в глобальном масштабе, что

обусловлено не только социальными процессами глобализации (стремлением к единству цивилизации), но и биосферными факторами обеспечения устойчивости экосистемы Земли и приведения деятельности всего мирового сообщества в соответствие с адаптационными возможностями природной среды.

Следующая важная, на наш взгляд, особенность «устойчивой экополитики» – признание невозможности человеческого развития при деградации природной среды. Это означает необходимость объединения при проведении «устойчивой экополитики» обеспечения экологической безопасности (и других видов безопасности) с эффективным и оптимальным развитием (как экоразвитием, так и другими видами человеческого развития). И хотя в традиционной экополитике имела место ориентация на связь охраны природной среды и развития, однако эта связь реализуется различными способами в разных цивилизационных моделях. В модели неустойчивого развития приходится все больше тратить усилий и средств на обеспечение безопасности, здесь «защитная» деятельность и развитие разделены и фактически противоречат друг другу в качестве антагонистов. «Устойчивая экополитика» предполагает соединение действий по развитию и обеспечению безопасности (прежде всего экологической) в единую систему, в которой достигается эффект обеспечения всех видов безопасности в основном через устойчивое развитие и меньше – через защиту.

Умножение вызовов, угроз и опасностей в ходе глобализации означает, что обеспечение безопасности во всех ее формах и видах оказывается одной из главных общечеловеческих ценностей и проблем XXI века. Осмысление этого феномена становится новой проблемой научного поиска и свидетельствует о том, что «философия прогресса» все больше уступает место «философии безопасности» и «философии выживания». И речь идет об аналогичных идеях, развиваемых в рамках ООН. Взаимосвязь безопасности и развития прозвучала в «Докладе о человеческом развитии» ПРООН, где обращалось внимание на безопасность личности и было предложено понятие «человеческой безопасности».

ООН, провозгласившая концепцию «коллективной безопасности», а теперь и «человеческой безопасности» будет стремиться свою миротворческую деятельность связать с обеспечением других видов и форм безопасности, что может привести к изменениям структуры и политики ООН.

В процессе глобализации, выражающей стремление мирового сообщества к гармонизации отношений с природой, особую роль обретает

такая характеристика как глобальная безопасность. Глобальная безопасность – это прежде всего безопасность мирового сообщества в целом, что, на наш взгляд, возможно лишь тогда, когда гарантируется безопасность в системе «человечество-биосфера» и коэволюция ее компонентов. Поэтому в принципе глобальная безопасность – это безопасность системы «человечество-биосфера».

Следующий, более специфический принцип «устойчивой экополитики», связывает экологию и природопользование в единую «устойчивую систему». Это означает, что сохранение и восстановление природной среды должно быть органически сопряжено с рациональным освоением невозобновимых природных ресурсов и неистощительным использованием возобновимых факторов окружающей среды. Причем эта связь должна исходить из приоритетности сохранения биосферы и ее экосистем (представляющих естественный фундамент и условия жизни) по отношению к использованию ее ресурсов (которые можно изымать из природы только в пределах несущей емкости экосистем). Последовательное проведение этого принципа означает кардинальный отход от природопокорительной стратегии в рамках так называемого рационального природопользования (не являющимся таковым в модели неустойчивого развития) к консенсусно-коэволюционной стратегии во взаимоотношениях человека с окружающей средой и к «устойчивому природопользованию».

Еще одно отличие «устойчивой экополитики» от традиционной связано с обеспечением и трансформацией принципа справедливости, который в ряде официальных документов организаций, связанных с ООН, считается основным принципом устойчивого развития. Предполагается глобальное расширение этого принципа от социальной справедливости (фактически не работающего в модели неустойчивого развития) до принципа социоприродной справедливости, имеющего прямое отношение к «устойчивой экополитике». Если в настоящее время приоритетом в этом плане является справедливое распределение благ от ресурсов и равного доступа к ним (забота о нынешних поколениях в плане улучшения здоровья и качества жизни населения, улучшения снабжения природными и другими ресурсами и социальными благами, увеличение продолжительности жизни человека путем снижения действия негативных экологических факторов), то к этим направлениям в перспективе добавятся новые, характеризующие переход к «устойчивому будущему». Это удовлетворение упомянутых и других жизненноважных потребностей и интересов будущих поколений (темпоральное расширение принципа социальной справедливости). Наряду с «трансляцией» этого принципа в будущее,

экополитика должна будет ориентироваться на систему принципов, которые уже сформулированы в Хартии Земли и предполагают глобальное расширение «справедливости» в определенной степени и на живые существа, что должно существенно ослабить действие характерного для модели неустойчивого развития принципа антропоцентризма. И хотя мы не предполагаем, что произойдет переход на позиции биоцентризма, тем не менее появляется перспектива формирования коэволюционной стратегии во взаимоотношениях человека и биоты.

Кардинально новым для «устойчивой экополитики» является принцип опережающих исследований и действий. Хотя этот принцип в незначительной степени уже использовался и в модели неустойчивого развития, но главным все же была иная экологическая деятельность – ликвидация негативных последствий чрезвычайных и катастрофических ситуаций, что на порядок менее эффективно (даже в экономическом плане), чем их предупреждение. Опережающая деятельность напрямую связана с упомянутым принципом приоритета глобальных императивов при проведении экополитики. Ведь глобальную экокатастрофу можно только предотвратить, поскольку ликвидировать ее последствия будет просто некому. Вот почему необходимо предотвращение экологических и иных негативов хозяйственной деятельности уже на стадии принятия решений и разработки проектов природообразующей деятельности. А в случае, если последствия (в том числе и отдаленные) не могут прогнозироваться достаточно надежно в условиях недостатка научной информации и неопределенности, то необходимо отказываться от экономических и иных решений и проектов, сопряженных с воздействием на окружающую среду.

Еще одна особенность новой экополитики, ориентирующейся на глобальный переход к устойчивому развитию, можно назвать социальной всеобщностью реализации социально-экологической политики. Дело в том, что несмотря на то, что на мировом уровне в процесс Рио так или иначе включены все страны ООН, тем не менее подавляющее большинство населения планеты даже и не слышало о переходе к устойчивому будущему. Сейчас важно активизировать и расширить участие гражданского общества, прежде всего деловых кругов, неправительственных и других организаций, местных общин и органов самоуправления в подготовке и принятии решений по переходу к устойчивому развитию, особенно его экологической составляющей, интенсифицировать процессы обмена информацией в области экологии и других сфер упомянутого перехода. Важная роль в этом процессе отводится и государству, которое должно взять под свой контроль процессы перехода к устойчивому раз-

виту и представить такой переход как основную свою стратегическую цель, задействовав политические механизмы и создавая для этого законодательно-правовую базу.

Последняя из рассматриваемых здесь особенностей «устойчивой экополитики» связана с так называемой ее ноосферной ориентацией. Идея ноосферной ориентации устойчивого развития заключается в том, что его конечной целью представляется становление сферы разума. Это означает, что в экополитике на первый план выдвигается информация в качестве главного ресурса развития по сравнению с вещественно-энергетическими ресурсами и, соответственно, ожидается переход на интенсивно-коэволюционный путь развития (в котором минимизируются количественные и максимизируются качественные факторы и источники). В силу этого переход на магистраль устойчивого развития предстает как информационноемкая стратегия (и очередная информационная революция), что требует не только усиления информационного обеспечения и мониторинга, но и опережающее развитие научных знаний об экологических и других социоприродных факторах устойчивого развития, а также ноосферных трансформаций в области науки, образования, технико-технологическом потенциале, системах управления. В результате внедрения ноосферно-информационного фактора в процессы перехода к устойчивому развитию сформируется сфера разума, где наивысшей ценностью станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей природной средой.

На наш взгляд, в «устойчивой экополитике» существенное место должны занимать процессы глобализации, причем на приоритетное место должна выйти их экологическая составляющая. Именно эта составляющая будет играть весьма существенную роль в национальной экополитике любой страны, ориентирующейся на реализацию целей устойчивого развития при одновременном соблюдении национальных интересов. Ведь до сих пор как процессы глобализации, так и экологизации происходили стихийно, а в свете идей, нашедших развитие на ВСУР в Йоханнесбурге, важно направить их течение по траектории устойчивого развития, включая в равной степени основные составляющие (экономическую, экологическую, социальную, политическую). В перспективе реализации политики устойчивого развития течение процессов экологизации и глобализации должно идти «через устойчивое развитие», а это потребует выработки нового подхода к пониманию процесса глобализации, отличного от того, который обычно вкладывается в понятие глобализации как стремления человечества к своему планетарному единству (о нем уже речь шла выше).

Глава 3. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

3.1. Глобальные цели человечества: на пути к устойчивому будущему

До конца второго тысячелетия считалось, что для человечества в целом, которое естественным образом возникло и развивалось стихийно, вряд ли подходит понятие цели. Эта точка зрения обосновывалась с позиций философии, так, например, в своё время О. Шпенглер отмечал, что: «у человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, также как и нет цели у вида бабочек или орхидей». Причём эту точку зрения разделяют и более частные теории, например, теория международных отношений, в которой развитие народов и государств рассматривается как стихийно-хаотический процесс.

Конечно, приведенное О. Шпенглером сравнение человечества и биологических систем не совсем корректно. Ведь даже биоэволюция, которая не ставила «цель» появления человечества, привела к его становлению. Человечество, вначале развивающееся стихийно, как оказалось, может на определённой ступени своего развития ставить цели своего глобального развития, причём всё более широкие и отдалённые по времени цели, тем более, если от этого зависит существование и дальнейшее развитие цивилизации. У человечества своя специфика эволюции, которую в «целевом ракурсе» можно разделить на всё прошлое развитие, которое было «бесцельным», т.е. стихийным и пока ещё остается таким, и будущее - новое, пока ещё не реализованное развитие, которое может перестать быть только стихийным.

Это особенно очевидно сейчас, когда после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 г. в Рио-де-Жанейро человечество поставило цель перейти к социоприродному устойчивому развитию (УР), как средству предотвращения глобальных антропогенных катастроф. И это весьма существенный аргумент против «нецелевого» видения развития социальной ступени на все последующие времена. Под устойчивым развитием можно мыслить наиболее приемлемый и безопасный тип социоприродной эволюции, направленной на сохранение цивилизации и биосферы, их сосуществование и коэволюцию. При таком понимании УР существование человечества может длиться неопределённо долго и не ставит под угрозу его развитие в нерегрессивных формах.

Цель представляет собой осознанный и желаемый заранее мыслимый результат (чаще всего - полезный) сознательной деятельности человека, а теперь и всего человечества. Целеполагание выступает как процесс формирования и определения целей, направлений и приоритетов того или иного видов деятельности, представляет базу для долгосрочного – нормативного прогнозирования и стратегического планирования деятельности. Стратегический план представляет собой более или менее детализированную цель будущего развития, имеющего объективную (исследовательскую) и субъективную (нормативную) составляющие. Нельзя переоценить роль общесистемного стратегического планирования в обеспечении последовательной и комплексной поддержки осуществления новых формируемых целей УР.

Для того, чтобы у всего человечества в целом появились цели, оно должно стать в том или ином отношении единым, что в условиях чисто стихийного развития, даже несмотря на развёртывание глобализации и другие «центростремительные» глобальные процессы, в принципе невозможно, даже несмотря на то, что все формы существования и проявления человечества подчиняются ряду общих универсальных закономерностей эволюции. Переход от стихийного к осознанно-целевому развитию в глобальном масштабе становится возможным, когда стало ясным, что естественно-стихийное развитие чревато гибелью человечества, причем не в весьма отдалённые времена, а уже в этом столетии, а тем более - тысячелетии. Но возможная гибель человечества – это результат стихийного прошлого и мало осознанного развития, когда индивидуально-личностные интересы и приоритеты оказались предпочтительнее по сравнению с общечеловеческими.

Уже в прошлый век перед человечеством открылись не только многочисленные возможности, новые горизонты прогресса, но и стали отчётливо видны всё усиливающиеся негативные последствия стихийного развития. С одной стороны – это продвижение в области экономического, технологического, социального, духовно-культурного развития, а с другой – уже вполне реальные перспективы гибели человечества (либо большей его части) через ядерную, экологическую и другие возможные глобальные катастрофы. Ядерная катастрофа способна погубить человечество в историческое мгновение, в то время как экологическая катастрофа проявляется часто незаметно, постепенно, обрекая человечество на деградацию и сравнительно более медленное вымирание.

Именно возможность гибели человечества и деградации биосферы требует отказа от старой модели (формы) стихийного цивилизационного развития, которое неумолимо ведет к общепланетарной антропогенной катастрофе и формированию вначале в теории, а затем и на практике стратегии развития человечества, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе во имя своего собственного выживания. Предполагается, что это станет возможным при переходе мирового сообщества к глобальному устойчивому развитию, которое позволит сохранить цивилизацию в сохраняющейся биосфере Земли.

Поэтому XXI век становится критическим столетием в развитии и существовании нашей цивилизации, поскольку в этом столетии решается судьба человеческого рода на планете, его выживания и сохранения окружающей природной среды. И концепция, и стратегия УР представляются в качестве выхода из пока углубляющегося глобально-экологического кризиса. Такой кризис антропогенного происхождения усиливается в результате обострения ряда глобальных проблем и роста других негативов глобальных процессов, обретая все больший масштаб и угрожая существованию человечества и всей жизни на планете.

Ещё в книге «Наше общее будущее», известной как доклад Г. Брундтланд, посвященной обоснованию необходимости перехода к УР, было дано определение понятия устойчивого развития. Оно было обращено к будущему: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Здесь, по сути, сформулирована основная цель необходимости перехода к устойчивому развитию – выживание и обеспечение существования человечества (и не только его, но, видимо, и биоты) на будущие неопределённо долгие времена.

Именно поэтому удовлетворение потребностей, прежде всего витальных, будущих поколений людей выражает не существующую в данный момент времени, но будущую – своего рода опережающую гуманитарную потребность всего человеческого рода к своему выживанию и темпоральному продолжению существования. Упомянутое определение понятия УР носит «целевой» характер и распространяет принципы социальной и социоприродной справедливости и безопасности не только на нынешние, но и на будущие поколения, которым ныне живущие на планете поколения должны оставить приемлемые экологические условия и доступные природные ресурсы, благодаря чему они смогут существовать.

Приведенное определение понятия УР (хотя уже существует много других) стало наиболее распространенным после его фактического принятия на ЮНСЕД. Такое «футуризированное» и «целевое» определение выражает глубинную сущность новой модели (формы) человеческого развития, которое постепенно перестанет быть только стихийным и не должно будет прервано какой-либо глобальной катастрофой антропогенного происхождения.

Потребности выживания будущих поколений большинство ныне живущих на планете не только не осознает, но и фактически игнорирует, если оценивать это развитие человечества в координатах рыночно-экономическоцентрической стихии. Осознание опережающей потребности к темпоральному продолжению человеческого рода появляется, когда от сиюминутного, наша мысль устремляется в глобально-космические масштабы пространства и времени. Эта потребность находится за пределами сиюминутного «рыночного горизонта» мышления, она устремлена в весьма отдаленное гуманистическое устойчивое будущее, пока имеет виртуально-стратегический характер. Однако осознанная эта «футуризированная» и радикально «гуманизированная» потребность в выживании и продолжении человеческого рода будет влиять на потребности и деятельность ныне живущих поколений, более рационально трансформируя их в направлении оптимальной реализации в устойчивом будущем. Это должно сказаться на всех процессах в обществе и его взаимодействия с природой, на всех уровнях и масштабах развития человечества, связывая их в единую целеустремленную систему глобальной деятельности и формируя целостное глобальное развитие. Причём глобальное развитие станет устойчивым развитием, если оно окажется рационально управляемым в общепланетарном масштабе, что позволит уменьшить или даже элиминировать негативные факторы и последствия.

Упомянутое выше определение УР выражает определенную сущность новой модели (формы) человеческого развития, которое, по мнению его авторов, не должно прерываться какой-либо глобальной катастрофой антропогенного происхождения. В подобном определении понятия УР на приоритетное место ставится понятие потребности, которое выражает связь субъекта, т.е. живого разумного существа и окружающей его среды, причем как природной, так и социальной. Но поскольку в случае УР речь идет фактически обо всем человечестве, то имеется в виду потребность в окружающей цивилизацию природных условиях и ресурсах Земли и космоса.

Поскольку в модели неустойчивого развития невозможно удовлетворить в одинаковой степени как нынешние, так и будущие поколения людей, то эта модель развития предполагает достаточно быстрый драматический финал расточительного рыночно-экономического развития человечества. Этот трагический конец «рыночного человечества» (если можно так называть его современную экономическую ориентацию), связан с антропоэкологической катастрофой, прежде всего с ухудшением окружающей природной среды и истощением природных ресурсов. Именно поэтому удовлетворение потребностей будущих поколений выражает не существующую в данный момент времени, но будущую – своего рода опережающую гуманную потребность всего человеческого рода к своему выживанию и темпоральному продолжению своего существования.

Этой потребности «здесь и сейчас» большинство живущих на планете не ощущает, если видеть развитие человечества в координатах современной рыночно-экономической стихии. Однако подобная потребность к продолжению человеческого рода появляется, если осознается необходимость и важность обеспечения выживания и темпорального продления существования и поступательного развития на неопределенно долгое будущее. Тем самым появляется потенциальная потребность в появлении и существовании будущих поколений, которые в принципе должны существовать неопределенно долго. Эта потребность находится за пределами сиюминутного «рыночного горизонта» мышления, она устремлена в весьма отдаленное гуманистическое будущее, имеет принципиально виртуально-стратегический характер. Эта опережающая потребность в выживании и продолжении человеческого рода будет влиять на современные потребности, более рационально трансформируя их в направлении своей реализации в будущем. Возникает противоречие между явно излишними потребностями нынешних поколений и возможностями удовлетворения своих собственных потребностей поколениями будущими. Рост потребностей нынешних поколений, в особенности потребностей неразумных и патологических, ведет к существенному уменьшению возможностей и способов удовлетворения потребностей в природных ресурсах и экологических условиях грядущих поколений вплоть до исчезновения человечества в результате, например, антропоэкологической катастрофы.

Подобная перспектива требует изменения современной модели развития цивилизации с целью постепенной реализации осознанной опе-

режающей потребности в темпоральном «продолжении гуманизма». Поскольку эта потребность уже осознана, то она представляет собой человеческий интерес, причем долговременного стратегического характера, который все больше должен учитываться по мере перехода к устойчивому будущему. Возникшее противоречие между современными и будущими потребностями может решаться только одним единственным способом – увеличением возможностей удовлетворения потребностей будущими поколениями за счет разумного ограничения (без затрагивания витальных потребностей) удовлетворения потребностей нынешних поколений. Ведь в условиях ограниченности планетарных ресурсов современные поколения живут как бы в займы за счет поколений будущих, фактически бездумно растрачивая и природные ресурсы, и создавая для них все более худшие условия существования в биосфере, что явно антигуманно, если иметь в виду стратегическую перспективу.

Процесс все большего удовлетворения осознаваемых опережающих потребностей, выходящих за пределы краткосрочного «рыночного горизонта» уместно назвать процессом футуризации потребностей (и интересов). И переход к УР предполагает долговременную целостную систему мероприятий, которые реализуют процесс футуризации и тем самым рационализацию и «стратегическую гуманизацию» потребностей. А это предполагает постепенный отказ от современного общества потребления и переход на более рациональное удовлетворение потребностей, или, как еще говорят, коэволюционно разумных потребностей, что и предполагает переход к УР, продлевающему временное бытие человечества. В этом случае будет происходить темпоральная оптимизация потребностей нынешних и будущих поколений, проявляющаяся в футуризации и рационализации потребностей человечества, которое необходимо рассматривать не просто как единое целое в пространственном смысле, но и как единое целое в темпоральном измерении. Как уже мы отмечали, вряд ли целью процесса глобализации является достижение только пространственной целостности в модели НУР, которую рано или поздно разрушит антропоэкологическая катастрофа. Ясно, что такая цель в стратегической перспективе выглядит антигуманной.

Переход к УР предполагает формирование не только глобально-пространственной целостности, но и развертывание более системного процесса – достижения системно-темпоральной целостности человечества. Это означает обретение человечеством своего рационально-гуманного будущего, которое грозит утратить современная модель социально-эко-

номического развития. Обретение человечеством темпоральной целостности цивилизации может произойти только в процессе оптимизации и футуризации потребностей нынешних и будущих поколений людей. В этом смысле можно согласиться с Н.Н. Марфениным, что «современные идеологии должны базироваться на выборе между краткосрочной и долгосрочной выгодой в природопользовании». И хотя это сказано в отношении природопользования, однако именно его рационализация лежит в основе будущего УР как, по сути дела, синонима понятия УР, на что обращает внимание В.И. Данилов-Данильян, и о чем уже писалось много лет тому назад. Разумеется, речь идет в основном о понятийной с позиций здравого смысла интерпретации будущей цивилизационной модели именно как модели выживания человечества, как некоего «земного инварианта» социальной ступени эволюции, возникшей на нашей планете.

Необходимость перехода к УР вызвана именно темпоральным продолжением бытия человеческого рода, пониманием негуманности того финала человеческой истории, который уготован продолжением современной рыночно-экономической формой современного развития. Человеческая история не должна ограничиться только прошлым, настоящим и весьма ограниченным по времени будущим. Наиболее гуманным представляется продолжение бытия человечества на неограниченно длительные времена в будущее, как об этом мечтал К. Циолковский. И переход к УР – это фактически переход от антропофобной нынешней формы развития к более гуманной форме, которая может исключить из будущей истории цивилизации ее трагический финал. Как видим, рассмотрение проблем перехода к УР существенно повышает интерес к проблеме будущего, которому в современной науке не просто мало уделяется внимания, оно фактически игнорируется.

Традиционный исторический подход акцентировал внимание лишь на прошлом и отчасти на настоящем, а будущее фактически выпадало из поля зрения исследователей и, как правило, этим занимались фантасты. Существует даже точка зрения, которую выразил К. Поппер, утверждая, что: «... предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов невозможно». Что касается истории, это, может быть, в какой-то степени верно, но в гораздо меньшей степени данное высказывание относится к эволюции, тем более – глобальной эволюции, которая подчиняется уже выявляемым принципам и законам.

Проблема будущего – одна из тем, которая интересовала всех (и чаще всего экзистенциалистов), кто пытался создать целостную историческую

концепцию человеческого существования. Например, в работе К. Ясперса «Истоки истории и ее цель» вторая часть специально посвящена настоящему и будущему, причем подчеркивается, что «без осознания будущего вообще не может быть философского исследования истории». «Однако будущее не может быть исследовано, – считает К. Ясперс. – Исследованию доступно лишь то, что обладает реальностью, т.е. то, что уже произошло. Будущее же скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и при мысливаем его в реальных возможностях. По существу, в основе нашего мировоззрения всегда лежит осознание будущего». Как видим, вместо термина «исследование» в отношении к будущему Ясперс предпочитает употреблять термин «осознание».

Можно согласиться с немецким философом, что будущее не может быть исследовано также как прошлое и настоящее, т.е. научное осознание будущего в принципе не вписывается в классическую («истинностную») теорию познания. Ведь для познания будущего не могут быть привлечены такие категории классической эпистемологии, как истина, факт, практика и многие другие, которые хорошо работают при изучении прошлого и настоящего. Для научного освоения будущего необходимо кардинальным образом изменить как традиционную теорию познания, так и науку в целом.

Будущее предстает как весьма своеобразный объект осмысления или исследования, и прежде всего его особенность в том, что его ещё не существует. На первый взгляд, будущее представляет собой нечто синкретически неопределённое, объединяющее в себе различные значения, мнения и точки зрения. Однако уже можно увидеть некоторый состав и структуру будущего.

Если исходить из линейно-последовательного течения времени, то можно обнаружить процессы, которые инвариантны для прошлого, настоящего и будущего. Здесь мы имеем дело с представлением будущего как линейного продолжения прошлого или ныне происходящего. Отношение к будущему, которое сложилось в науке и образовании, а в большей степени - в обыденной жизни, во многих сферах деятельности людей носит зачастую линейно-исторический характер. Это отношение действительно имеет место в тех случаях, когда тенденции прошлого экстраполируются через настоящее в будущее.

Однако новая форма будущего может возникнуть совершенно случайно, она может быть никак не связанной с тем, что имело место ранее, до его наступления. Так, линейный характер взаимосвязи темпопериио-

дов нарушается в ряде процессов и прошлое, настоящее и будущее могут быть связаны слабо либо никак не связаны, как это происходит, например, в процессах с турбулентностью. Еще один – космологический пример, связанный с образованием черных дыр, уникальных космических сверхплотных объектов, не выпускающих любое излучение (кроме излучения Хокинга), в том числе и свет из своих гравитационных «объятий» (горизонта событий). И, вероятно, самый грандиозный пример темпоральной нелинейности, – это Большой Взрыв, положивший начало принципиально новому – вселенскому процессу эволюции в мироздании. И это одно из обстоятельств, которому многие учёные придают фундаментальное значение в плане предсказания будущего.

Наконец, есть процессы наступления будущего с какой-то вероятностью, отличной от единицы и нуля, как это имеет место в предыдущих случаях. В отношении упомянутых здесь трёх различных форм наступления будущего их познание или предсказание принципиально отличаются друг от друга: одно из них предсказуемо полностью, другое вообще не предсказуемо, третье прогнозируемо лишь частично. Всё это свидетельствует о том, что будущее можно и нужно исследовать или осознать, о нём следует всё больше размышлять, иначе при нашем бездействии своим наступлением оно нас может разочаровать.

Тем самым, будущее, вытесняя настоящее и становясь прошлым, представляет собой некоторое множество процессов и событий, которые ещё не произошли, но могут, как произойти, так и не осуществиться. Нелинейность и неопределённость наступления будущего – это фундаментальная его характеристика и особенность, требующая специального его исследования, отличная от того, что есть и было. Важно понять, что будущее как форма существования и движения времени принципиально отличается от прошлого и настоящего. И прежде всего тем, что оно ещё не существует, хотя у него есть и другие специфические черты и характеристики.

Известно, что общественное сознание в принципе отстаёт от бытия, и это считалось одной из фундаментальных особенностей их взаимоотношения. Но, принимая эту «аксиому», как-то само собой получилось, что знания о прошлом заполнили почти все научно-образовательное пространство и даже то, что уместно было бы назвать «научно-образовательным временем». Осмыслению настоящего и происходящего досталось совсем немного, а будущему в силу выше сказанного, практически не нашлось достойного места в реальных исследовательском и образо-

вательном процессах. В результате такой ситуации вся мировая наука и особенно образование выглядят в основном в качестве консервативных социальных систем и процессов, которые не удовлетворяют потребностей современной жизни и в основном моделируют в существенно деформированном виде прошлое нашей цивилизации и ее науки.

Формирование сознания человека, причем такого сознания, которое может содействовать переходу к безопасному будущему, оказалось тем самым под угрозой. Отстающее от бытия сознание – это удел отдельного человека и всего мирового сообщества в модели неустойчивого развития. А другого пути перехода к будущему устойчивому развитию (УР) как «через опережающее сознание» просто не существует. Необходимо сформировать сознание, опережающее бытие у «критического количества» населения планеты, без чего невозможен переход к УР. Это возможно и необходимо сделать лишь с помощью науки и образования, которые повернут сознание отдельного индивида и подавляющего большинства населения планеты в сторону будущего, прежде всего в его нормативно-устойчивой и глобальной форме.

У науки, хотя и не в такой степени, как у образования, но все же есть весьма существенные «привязанности» к прошлому. Ведь академическое сообщество во всем мире придерживается определенных критериев научности, научной рациональности и своих также уже устаревших ценностей, норм и стереотипов деятельности, «адекватных» в какой-то мере лишь для модели неустойчивого развития (НУР). Причем речь идет о самых фундаментальных принципах и основаниях научной деятельности и науки как одной из форм общественного сознания и важнейшей части культуры.

Ведь наука ищет знания в форме истин, а в будущем нет ни истин, ни фактов, однако есть какая-то информация, способствующая их прогнозированию и со временем появлению и освоению наукой и образованием. Будущее ещё не подтверждено практикой, которая признана критерием истины и поэтому не может столь же полноправно войти в науку. Как видим, если в науке, а затем и в образовании делается акцент на генерацию и освоение истинного знания, то акцент на прошлом оказывается вполне естественным и логичным. Информационное отставание от жизни и от науки тем самым изначально было заложено в мировой научно-образовательный процесс. Изменение ситуации в «пользу будущего» потребует кардинальных трансформаций нашего понимания науки.

Мы полагаем, что грядущая наука попытается разрешить то темпоральное противоречие, которое имеет место в современном развитии,

когда существенно большее внимание уделяется прошлому. Противоречие заключается в том, что для процессов развития важно обеспечить сохранение систем и их прогрессивное развитие в будущем, а не в прошлом, на которое мы влиять не можем (разве что только в процессах переосмысливания истории). Но если будущее оказывается в смысле принятия решений более важным, то почему наше сознание, в том числе и в форме научного знания, больше тяготеет к прошлому? Думается, что тайна этого заключается в самом эволюционно-историческом процессе формирования сознания, которое не просто в большей мере отображает прошлое, но и само оказывается в основном отстающим от бытия природного, социального и социоприродного.

С принятием мировым сообществом стратегии УР сложилась ситуация, когда главной угрозой способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности большинство исследователей стало считать экологические проблемы и вызовы. Ведь идея перехода к УР появилась именно в результате осмысления глобально-экологических проблем, или более точно и вместе с тем широко – проблем окружающей природной среды, когда стало понятным, что эти проблемы тесно связаны с социально-экономическим развитием. И хотя до осознания этой связи было выявлено немало вызовов и угроз, противоречий в развитии человечества, тем не менее, именно во взаимодействии общества и природы проявилось то противоречие, которое оказалось основным социоприродным противоречием. Это противоречие взаимодействия современной цивилизации с природой заключается в неуклонном росте потребностей мирового сообщества и ограниченностью и даже невозможностью биосферы обеспечить эти потребности. В принципе это противоречие одновременно подсказывает и цель его разрешения в ходе дальнейшего развития, но уже в новой форме.

Если мировое сообщество не примет срочных и необходимых мер, то может произойти социально-экологическая катастрофа глобального масштаба, либо иная, связанная с обострением других глобальных проблем и угроз. Ведь если разразится глобально-экологическая либо иная общепланетарная катастрофа, то устранять ее последствия будет просто некому. Ведь чем масштабнее катастрофа, тем труднее борьба с ее отрицательным воздействием на человечество. Поэтому способы и средства выхода из глобальных кризисов и катастроф, решения глобальных проблем в принципе должны носить опережающий характер, а не «отстающий» – как ныне практикуемое устранение последствий локальных чрез-

вычайных ситуаций и катастроф в каждой из ныне существующих стран, включая и Россию.

Именно поэтому в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», принятой ещё в 1996 г., отмечается, что необходимо и возможно осуществить в России последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей.

Вместе с тем сейчас, когда уже позади три глобальные конференции-саммита ООН по проблемам УР, стало понятным, что новая стратегия цивилизационного развития выходит за пределы в основном экологического толкования этого типа глобального развития. Нужно иметь в виду, что «экологическое видение» движения по пути УР оказывается весьма важным, однако лишь начальным этапом осознания смысла перехода к глобальной устойчивости. Экологическая проблема в ее глобальном видении оказывается лишь частью того общего процесса, который требует решения всех глобальных проблем. На это уже было обращено внимание, как только была принята эта концепция и стратегия. Не следует представлять (и тем самым зауживать), что главное в переходе к УР – это решение социально-экологических проблем, ставших теперь уже глобальными и существенно обострившимися. Речь должна идти обо всех глобальных проблемах и негативных общепланетарных процессах, которые должны решаться (предотвращаться) на пути перехода к УР. Тем самым экологическое видение перехода к УР начинает дополняться, расширяться и постепенно уступать место более целостной трактовке движения к глобальной, а в перспективе и глобально-космической устойчивости.

Выясняется, что нужно было обратить пристальное внимание на проблемы окружающей среды, чтобы понять невозможность дальнейшего бытия человечества в условиях опасной и неустойчивой модели (формы) современного цивилизационного процесса. Это был своего рода эколого-футурологический «крах оторванного от природы» обществоведения или, во всяком случае, той его части, которая «отвечала» за объяснение сути происходящего и так или иначе пыталась заглянуть в обозримое будущее.

Осознание исторического значения перехода к УР как основного способа выживания человечества показывает, что должен произойти фундаментальный поворот в цивилизационном развитии, который вселяет надежду на спасение жизни и разума не только от экологических, но и от

других возможных катастроф и угроз. Начав свое становление с осознания проблем окружающей среды, концепция и стратегия УР уже начинает в той или иной степени захватывать всё больше сфер и направлений человеческой деятельности. Возможность выживания цивилизации действительно зависит не только от решения проблем окружающей среды, но и от более широкой гаммы факторов и проблем реального развития человечества.

В социоприродном ракурсе основная стратегическая цель перехода к УР – сформировать совершенно новую цивилизационную модель или форму развития, которая, обеспечивая выживание и дальнейшее поступательное движение цивилизации, не разрушала бы окружающую природную среду, находилась бы в гармоничных (коэволюционных) отношениях с биосферой. Если в результате глобально-скоординированных действий удастся сохранить биосферу, то тем самым появится возможность выживания цивилизации и ее долгосрочного существования и прогрессивного развития не только в течение ближайших веков, но и на последующие неопределенно длительные периоды времени.

Основная идея УР и вместе с тем осознанная человечеством цель этого типа развития заключается в продолжении существования человеческого рода, сохранении цивилизации и биосферы, их взаимной безопасной коэволюции. Раннее это считалось само собой разумеющимся и мало кому приходило в голову, что мирная деятельность всего мирового сообщества в целом весьма опасна для него же и уже в ближайшие десятилетия может привести к губительным последствиям. Поэтому в определенном смысле УР представляется целью-идеей, направленной на выживание и неопределенно долгое существование цивилизации, но качественно иным способом, чем это стихийно происходило до сих пор. В социоприродном ракурсе речь идёт о том, что появляется новый способ взаимодействия природы и общества, который характеризуется гораздо большей биосферосовместимостью и экофильностью (этот способ получил наименование ноосферного способа).

Поэтому выдвижение и обоснование идеи УР представляет собой (несмотря на определенные моменты сохранения ряда прошлых, но мало используемых видов деятельности) инновационно-эволюционное глобальное мировоззрение, ориентированное на гуманистическую цель - спасение всего человечества. Каких-то иных, достаточно реальных проектов такого спасения как альтернативы концепции и стратегии устойчивого развития цивилизации пока не предложено. Поэтому автор будет далее исходить из того, что человечество в качестве стратегии и

способа своего выживания выбрало переход к УР и будет совершенствовать эту глобальную стратегию, судя по уже используемой практике, каждые десять-пятнадцать лет.

Если взять за основу социоприродный подход к видению новой цивилизационного развития, то понятие УР может быть сформулировано в «целевом» и вместе с тем – экзистенциальном ракурсе с помощью двух своих основных - антропоцентрической и биосфероцентрической целей. Это означает, что УР имеет в качестве фундаментальных две имманентно взаимосвязанные стратегические подцели – выживание цивилизации и сохранение биосферы, а также комплексную экзистенциальную цель - их сосуществование и коэволюцию.

Под антропоцентрической целью в широком смысле понимается выживание человечества и способность (и возможность) его дальнейшего непрекращающегося (устойчивого), непрерывно долгого безопасного существования и развития. Это означает, что наши потомки будут иметь не меньше возможностей по сравнению с настоящими поколениями по удовлетворению своих потребностей в обеспечении безопасности, природных ресурсах и экологических условиях Земли и космоса (принцип равенства возможностей поколений людей по удовлетворению своих витальных и других потребностей). В условиях ограниченности и даже исчерпания планетарных ресурсов и условий современные поколения людей (не все, конечно), по сути, живут займы за счет поколений будущих. Они фактически бездумно растрачивают природные ресурсы, создавая для предполагаемых потомков все более ухудшающиеся экологические условия существования в биосфере, что явно антигуманно, если иметь в виду стратегическую, а тем более – астрономическую перспективу существования и безопасной эволюции человечества.

Биосфероцентрическая (в общем случае – экологическая, поскольку она должна быть распространена и на всю планету в целом, и на космос) цель связана с сохранением биосферы как естественной основы всей жизни на Земле, ее устойчивости и естественной эволюции, с тем, чтобы дальнейшее развитие человечества не происходило бы экофобной форме.

Сохранение биосферы и коэволюция с ней цивилизации создадут те базовые условия и перспективы, которые сформируют совершенно новую систему «общество-природа», реализующую стратегию устойчивого развития, что обеспечит наше общее будущее на планете, а в космической перспективе – и за ее пределами. Сохранение биосферы планеты яв-

ляется одной из основных целей перехода к устойчивому развитию. Но не только целью, но и при условии её реализации тем фундаментом, на котором должно быть сформировано устойчивое развитие как последовательно развёртывающийся новый социоприродный глобальный процесс. Наиболее приемлемый сценарий будущего нашей планеты и проживающего на ней человечества предполагает сохранение биосферы как естественной основы бытия всего живого и разумного. Если в результате глобально-скоординированных действий удастся сохранить биосферу, то тем самым появится реальная возможность выживания цивилизации и ее перманентного развития не только в течение ближайших веков, но и на последующие неопределенно долгие времена.

Уже отмечалось, что есть точка зрения, что главной проблемой при переходе к УР в глобальном ракурсе оказывается экологическая проблема. Между тем, эта проблема в логическом плане не является исходной и наиболее важной, поскольку переход к УР предполагает выживание и сохранение цивилизации. Ведь первый вариант сохранения и выживания человечества, предложенный К. Циолковским, хотя и предполагал наличие угроз со стороны окружающей среды, но не антропогенного характера (природные катастрофы). Он считал необходимым для выживания человечества вообще выйти в космос и продолжать внеземное развитие, которое виделось ему более безопасным, чем на планете. И здесь не важно, какая стоит угроза выживанию цивилизации – антропоэкологическая либо иная. Важно выбрать приоритеты среди возможных и реальных опасностей, которые в первую очередь угрожают сохранению цивилизации.

Очевидно, что из двух главных и взаимосвязанных целей глобального перехода к социоприродному устойчивому развитию – сохранения человечества и биосферы – наиболее приоритетной является существование человеческого рода. Прежде всего, с этой целью и предложена была идея перехода мирового сообщества к УР, но не в космическом, а биосферном варианте. С помощью этой идеи предполагается «обмануть» природу, которая на протяжении всей биологической эволюции последовательно уничтожала все появляющиеся виды живых существ, отводя им средний срок существования на планете всего несколько миллионов лет (но не для всех, а большинства видов). А из существующих миллиарды лет, вряд ли можно обнаружить в современной биосфере какой-то вид, исключая некоторые микроорганизмы (вирусы, археи и бактерии). Во всяком случае, животных, тем более таких крупных как человек, не существует среди долгожителей нашей планеты.

Но человек в темпоральных сроках существования не желает подчиняться естественным законам эволюции биосферы и благодаря своему сознанию и другим социальным качествам, отличающего его от животных, стремится продлить свое бытие на неопределенно долгие времена. Теоретически такая идея вовсе не противоречит законам естественной эволюции, в том числе глобально-универсальной эволюции. Тем более, что человек обладает тем, чем не обладало ни одно живое существо - сознанием.

Переход к УР, как показывает начало его реализации, оказался беспрецедентно сложным и трудным процессом, ведь по своей значимости для истории человечества такой переход сравним, пожалуй, лишь с неолитической революцией – переходом от присваивающего к производящему хозяйству. Переход к УР – это не просто социальная революция в отдельно взятой стране или их группе. Это всемирное движение за выживание человеческого рода, достаточно адекватная реакция на объективный вызов времени. И здесь промедление с адекватным «ответом» чревато дальнейшим ускоряющимся сползанием к антропоэкологической катастрофе. Поэтому, несмотря на временные трудности, отступления и неудачи в процессе перехода к устойчивому будущему, этот путь остается пока единственной позитивной альтернативой трагическому финалу для человечества и биосферы.

Уже стало понятным и достаточно распространённым положением, что формирование новой стратегии развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующую систему экономической, экологической и социальной областей деятельности. Это также означает, что в этих направлениях нужно сформулировать соответствующие цели или подцели, что уже имело место как на глобальном, так и на национальном уровнях. В этом смысле устойчивое развитие должно будет характеризоваться (как минимум) экономической эффективностью, социальной справедливостью и биосферосовместимостью при общем существенном снижении антропогенного пресса на биосферу.

Но оказалось, что осознание указанных выше целей недостаточно и устойчивой глобальной перспективой можно и не достигнуть, если не учитывать краткосрочные вызовы и угрозы УР со стороны современной рыночной экономики и других процессов, в особенности связанных с геополитическими факторами. Причём, не только экономики, экологии и социальной сферы, но и мировой политики, да и ряда других существенных сторон реальной жизнедеятельности человечества. В этом сказалось заложенное с самого начала противоречие между провозглашенной но-

вой моделью устойчивого развития цивилизации и нынешней формой неустойчивого развития. Модель УР цивилизации оказалась более перспективной, во всяком случае, в экологическом ракурсе, поскольку представляется, что благодаря решению проблемы окружающей среды цивилизация сможет выжить.

Концепция УР уже не может ограничиться «целевой триадой» взаимосвязи экологии, экономики и социальной сферы, во всяком случае, в её современном представлении. Эти три «целевые измерения» будущего перехода к УР следует существенно расширить, превратив «фазовое пространство движения к УР» в своего рода расширяющееся n-мерное пространство, где станут появляться и другие измерения, например, космическое или информационное (поскольку нужно будет оценить, как взаимодействует устойчивое общество с обществом информационным и другими моделями современного и будущего цивилизационного процесса).

Предполагается «дробление» социальной составляющей цели и выделение из этого пока неопределенного компонента таких «целевых измерений» как политическое, демографическое, правовое, информационное и т.д. (в принципе такие цели можно даже сформулировать по существующим глобальным проблемам и процессам, или же по целям УР). А это, в свою очередь, приведёт к тому, что необходимо будет выделять приоритетные направления и сферы деятельности по переходу к УР (приоритеты и цели устойчивого развития).

Характерным примером «целевого расширения» приоритетов УР является российская трактовка этого типа развития в ракурсе обеспечения национальной безопасности. Так, в России в ближайшее десятилетие с позиций обеспечения национальной безопасности были выделены следующие «целевые приоритеты» устойчивого развития:

- повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается, прежде всего, путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления,

развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;

– стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

Нечто подобное может произойти и с формулировкой целей УР на страновом уровне (что необходимо будет сделать, поскольку, например, цели УР России, как уже было выявлено, не во всём совпадают с глобальными целями перехода к УР). Новые цели УР являются продолжением Целей развития тысячелетия (ЦРТ), в которых было выделено в качестве приоритетных восемь международных целей развития. Они были приняты государствами-членами ООН и были в основном завершены к 2015 году.

ЦРТ включают в себя следующие цели:

1. ликвидацию крайней нищеты и голода;
2. обеспечение всеобщего начального образования;
3. поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин;
4. снижение детской смертности;
5. улучшение охраны материнства;
6. борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими болезнями;
7. обеспечение устойчивости окружающей среды;
8. формирование глобального партнерства в целях развития.

В ООН в основном принято считать, что в достижении многих глобальных целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, удалось добиться впечатляющих успехов (например, более 700 миллионов человек вырвались из тисков нищеты). Однако это довольно оптимистическая точка зрения, поскольку достижение ЦРТ происходило с огромными трудностями, далеко непоследовательно и отнюдь не всеми странами. Этот прогресс, как также отмечается в документах ООН, был неравномерным, особенно в Африке, наименее развитых странах, развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, и малых островных развивающихся государствах. А некоторые цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, так и не были достигнуты, особенно цели, касающиеся охраны здоровья матерей, новорожденных и детей и репродуктивного здоровья. Продолжая Цели развития тысячелетия за пределы 2015 года, ЦУР строятся на фундаменте, заложенном в ЦРТ, завершая ещё ряд целей ЦРТ, но вместе с тем будут реагировать и на новые глобальные вызовы и опасности. Новая Повестка

Глава 3. Устойчивое развитие и глобальные цели человечества

дня в значительной степени основывается на целях в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и призвана завершить то, что не было достигнуто, особенно в плане оказания помощи наиболее уязвимым странам.

ЦУР в предлагаемой Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, состоят из 17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач, которые носят комплексный и неделимый характер, представляют собой набор глобальных приоритетов и параметров устойчивого развития.

Предлагаемые цели в области устойчивого развития в новой Повестке дня на последующие 15 лет выглядят следующим образом:

Цель 1. Покончить с нищетой во всех ее формах во всем мире.

Цель 2. Покончить с голодом, обеспечить продовольственную безопасность и улучшение питания и содействовать устойчивому развитию сельского хозяйства.

Цель 3. Обеспечить здоровый образ жизни и содействовать благополучию для всех в любом возрасте.

Цель 4. Обеспечить всеохватывающее и справедливое качественное образование и поощрять возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

Цель 5. Добиться гендерного равенства и расширить права и возможности всех женщин и девочек.

Цель 6. Обеспечить наличие и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех.

Цель 7. Обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному, устойчивому и современному энергоснабжению.

Цель 8. Содействовать неуклонному, всеохватывающему и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Цель 9. Создать гибкую инфраструктуру, содействовать всеохватывающей и устойчивой индустриализации и поощрять инновации.

Цель 10. Уменьшить неравенство внутри стран и между ними.

Цель 11. Сделать города и населенные пункты открытыми, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми.

Цель 12. Обеспечить устойчивые модели потребления и производства.

Цель 13. Принять срочные меры по борьбе с изменением климата и его последствиями.

Цель 14. Сохранять и рационально использовать океаны, моря и морские ресурсы в интересах устойчивого развития.

Цель 15. Сохранять и восстанавливать экосистемы суши и содействовать их рациональному использованию, рационально распоряжаться лесами, бороться с опустыниванием, остановить и обратить вспять процесс деградации земель и остановить процесс утраты биоразнообразия.

Цель 16. Содействовать созданию мирных и свободных от социальных барьеров обществ в интересах устойчивого развития, обеспечивать доступ к правосудию для всех и создавать эффективные, подотчетные и основанные на широком участии учреждения на всех уровнях.

Цель 17. Укреплять средства достижения устойчивого развития и активизировать работу механизмов Глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Такой подход к ЦУР, который формировался не только исходя из рациональных, но во многом и консенсусных соображений, предполагает выработку единой основы и систему универсально-всеобщих целей, применимых ко всем странам с учетом различных с учетом национальных условий, возможностей, потребностей, приоритетов и в согласии с национальными целями, стратегиями и приоритетами УР. Наиболее общие и приоритетные цели устойчивого развития, которые принесут максимальную пользу всем, нынешнему и будущим поколениям, уже включены в Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года.

Признается также важное значение региональных и субрегиональных факторов, взаимодействия в области устойчивого развития, поскольку региональные и субрегиональные программы будут способствовать эффективному претворению стратегий устойчивого развития в конкретные действия на национальном уровне. В связи с этим всем государствам-членам ООН предлагается в кратчайшие сроки разработать далеко идущие национальные программы, охватывающие все аспекты осуществления новой Повестки дня в области УР. Они станут поддерживать переход к достижению целей устойчивого развития и быть основаны на существующих инструментах планирования, таких как стратегии национального развития и стратегии устойчивого развития, в зависимости от обстоятельств. Причём предполагается, что как общие, так и другие концепции УР со временем будут эволюционировать с учетом возникающих вопросов и появления новых методологий исследования.

Упомянутый выше подход формирования ЦУР рекомендовала Группа высокого уровня по глобальной устойчивости, сформированная Генсе-

ком ООН Пан Ги Мун. Страны, входящие в ООН, должны определить цели устойчивого развития в дополнение к уже существующим Целям развития тысячелетия, о достижении которых к 2015 году государства-члены ООН и международные организации договорились ещё в 2000 году. Эта же рекомендация была зафиксирована в итоговом документе Рио+20 «Будущее, которого мы хотим» в надежде, что страны-члены ООН будут действовать в интересах всего человечества.

В этом направлении была проведена активная работа в рамках ООН, причём Рабочая группа открытого состава по разработке целей в области устойчивого развития, состоящая из представителей 30 государств, созданная по решению Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20, завершила свою основную работу, предложив свои рекомендации 70-ой Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года. Эти рекомендации стали важным вкладом в процесс согласования глобальной Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года.

Поскольку темпоральные сроки перехода к УР, как показывает предшествующий опыт декады начала такого перехода, связаны с целями в области образования в интересах устойчивого развития, то уже в Японии в Инчхоне участники Всемирного форума по образованию приняли Декларацию и Глобальный план действий на период до 2030 года.

При анализе новой Повестки дня в области УР до 2030 г. складывается впечатление, что пока не произошло какого-то существенного концептуально-теоретического обновления, а тем более инновационного прорыва. Неявно предполагается, что искомая концепция УР для всего мира уже создана и проблема заключается лишь в том, чтобы только её реализовать, меняя только цели развития через какой-то период времени. Между тем, несовершенство концепции УР всё же оказывается одной из серьёзных причин того, что человечество не может идти достаточно быстро в направлении своего выживания, которое зависит не только от экологических факторов, о чём также красноречиво свидетельствует обострившаяся современная геополитическая ситуация, приведшая к новой расстановке сил на мировой арене.

Особую обеспокоенность в последнее время стало вызывать не только геополитические факторы, но и глобальное измерение устойчивого развития, поскольку оно требует координации и интеграции усилий мирового сообщества. Поэтому важно не просто направить глобализацию и другие зависящие от человечества глобальные процессы по пути УР, на

что уже нацеливают документы ООН, а все глобальное развитие должно, по крайней мере, в своей «антропогенной» части, реализовывать цели и принципы УР, которые будут уточняться с каждым новым этапом реализации этого типа развития.

Особый акцент важно сделать на том, что переход к УР уже обретает глобальный характер и в перспективе будущей цивилизации требует формирования планетарного управления процессом этого перехода. Это означает, что глобализация и другие глобальные процессы должны будут получить новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, постепенно утрачивая свойство стихийности, становясь социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом эволюционного движения единого человечества.

Переход к УР в силу планетарной ограниченности и сильной взаимосвязи компонентов биосферы (как естественного фундамента существования жизни) и формирования целостности цивилизации через глобализацию должен стать также процессом глобального управления, в тех или иных аспектах ограничивающих стихийное продолжение рыночно-экономическоцентрической модели НУР. И хотя только к ограничениям, разумеется, нельзя свести переход к УР, однако, они приобретают сейчас приоритетное значение и в зависимости от степени осознания этих биосферных и иных пределов и границ можно будет в будущем судить об эффективности перехода к УР на глобальном, региональном, национальном и локальном уровнях, а также в темпоральном измерении.

При «вписывании» глобальных процессов в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, все больше вырываясь из старой модели развития, т.е. вместо стихийного процесса становились бы процессом глобально управляемым.

Поскольку стихийная эволюция глобальных процессов ведет к дальнейшему усилению негативных последствий и угрожает катастрофами, то появилась идея, чтобы ряд из них, зависящих от антропогенной деятельности, трансформировать в желаемом позитивном направлении. А это требует формирования принципиально нового типа управления – глобального управления социальной и социоприродной деятельностью. Важно сформировать такую теорию глобальных процессов, в которой можно было бы не просто описывать объективно-стихийно происходящее в мире в глобальном измерении, но и попытаться ориентировать

эти процессы в нужном для человечества прогрессивно-поступательном направлении.

Однако без формулировки наиболее важных и приоритетных целей движения по пути УР вряд ли имеет смысл говорить о реальности становлении глобального управления, хотя глобальное управление может быть использовано и для иных целей. ЦУР должны будут в первую очередь затрагивать и сбалансированно охватывать как минимум три основные составляющие (экономическую, социальную и экологическую компоненты) устойчивого развития и взаимосвязи между ними.

Глобальное управление будет реализовываться различными способами и в различных направлениях, например, с помощью экономических, политических, экологических и других социальных способов и действий и т.д. Говоря о глобальном управлении, уместно обратить внимание на то, что в своем целостном виде этот феномен может появиться лишь в будущем, когда глобализация будет вступать в свою следующую, может быть, и не «завершающую» стадию, под которой имеется в виду управляемый переход в планетарном масштабе к устойчивому развитию. При этом процессы глобализации при переходе к УР и становления глобального управления весьма тесно взаимосвязаны, причём прогресс в одном направлении будет стимулировать продвижение в другом.

Глобальное управление необходимо и для оптимального развертывания геополитических процессов, которые также существенно глобализируются, происходит эрозия Вестфальской системы и акторами мировой политики, кроме государств, все активнее выступают международные и всемирные организации, глобальные города, транснациональные корпорации, локальные цивилизации, которым от государств в той или иной степени постепенно передается ряд властных полномочий, в том числе и в региональном и глобальном ракурсах. Властные полномочия при таком глобальном управлении «переносятся» с конкретной территории на специально создаваемую региональную или глобальную структуру (например, всемирную организацию) и определенный глобальный процесс.

Уместно также обратить внимание, что все три мировых форума по УР состоялись в странах БРИКС (Бразилия и Южная Африка), что свидетельствует об активности и даже лидерстве этих стран в осознании перехода к новой стратегии цивилизационного развития. От БРИКС как объединения нового поколения государств в значительной мере будет зависеть мировое развитие в перспективе XXI века, в том числе и глобальный переход к УР.

И именно БРИКС как группу из пяти наиболее быстро развивающихся крупных стран в значительной степени связывает стратегия устойчивого развития. Об этом также говорят принятые по итогам шести встреч саммитов стран БРИКС официальные документы, в частности, это подчеркивают и последние - Форталезская и Уфимская декларации БРИКС, причём роль БРИКС в переходе мирового сообщества к устойчивому развитию постоянно растёт.

Как отмечалось на Шестом саммите БРИКС, международное сообщество ищет пути решения задач быстрого восстановления экономики, выхода из глобального финансово-экономического кризиса и обеспечения устойчивого развития, в частности решения задач, связанных с изменением климата, и одновременно ведет разработку повестки дня в области развития на период после 2015 года. Для обеспечения устойчивого мира БРИКС требует основанный на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве всеобъемлющий, согласованный и решительный подход к устранению коренных причин конфликтов, в том числе в их политическом, экономическом и социальном аспектах. Цели перехода к УР оказываются весьма существенными для стран БРИКС, они являются тем ориентиром, который укрепляет позиции входящих в эту группу стран в качестве основных локомотивов устойчивого развития. Эти же цели были подтверждены и конкретизированы на Уфимском саммите БРИКС.

Россия сейчас в значительной степени будет следовать вместе со странами БРИКС, которые как сказано в Уфимской декларации БРИКС, подтверждают приверженность масштабной Повестке дня в области развития на период после 2015 года, которую предстоит утвердить на Саммите ООН. Предполагается, что Повестка дня в области развития на период после 2015 года должна опираться на фундамент, заложенный Целями развития тысячелетия, причём обеспечит завершение начатой работы и решение новых задач. Кроме того, Повестка дня в области развития на период после 2015 года должна способствовать укреплению приверженности международного сообщества делу искоренения нищеты, достижения поступательного, справедливого и всеохватного экономического роста устойчивого развития, в полной мере соответствовать всем принципам Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, включая, в частности, принцип общей, но дифференцированной ответственности.

Воспользовавшись новыми целями в области УР, можно и нужно будет возобновить и продолжить работу над Государственной стратегией устойчивого развития, начавшуюся еще с 1996 г., и завершить в течение ближайшего времени, учитывая уже более широкое понимание УР. На базе такой стратегии должен быть создан План (или Программа) действий по выполнению этой стратегии на ближайшие 15 лет. Этот План (Программа) для России может оказаться аналогичным Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года.

Основанием и даже формальным поводом для продолжения и завершения такой работы могли бы стать решения 70-ой Генассамблеи ООН в сентябре 2015 года, которая примет официальный документ «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года». Тем более, что принятие новых «повесток дня», концепций и стратегий движения по пути УР окажется целесообразным и даже необходимым и для других стран, активно участвующих в процессе Рио. Ведь, как выше отмечалось, концептуальное переосмысление «устойчивого движения» должно активно продолжаться и формирование ЦУР создает такую основу не только для осознания глобально-универсальных целей всего мирового сообщества, но и для каждой страны, входящей в ООН и создания ими новых версий официальных документов в области УР.

В заключение уместно обратить внимание на то, что в уже принятой в России «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» подчёркивается, что «движение человечества к устойчивому развитию, в конечном счете, приведет к формированию предсказанной В.Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой». Это положение Концепции говорит о том, что в нашей стране осознается ещё одна пусть пока и отдалённая, но важная в концептуальном ракурсе стратегическая и глобальная цель перехода к УР – становление ноосферы. И это весьма существенно для понимания дальнейшего движения по пути УР, который должен привести к развёртыванию глобального процесса ноосферогенеза.

Выживание цивилизации и сохранение биосферы, на чём сосредоточены основные цели устойчивого развития на весьма длительную перспективу – это необходимое условие становления ноосферы и они включаются в этот процесс как составная часть и одна из главных целей УР в ещё более отдалённый период времени. Причем постановка этой «но-

осферной» цели имеет стратегически ориентированный и приоритетный характер и глобально-космическую направленность.

Ещё в первой половине прошлого века российский академик В. Вернадский и два французских ученых – П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа выдвинули идею становления сферы разума – ноосферы в качестве главного направления дальнейшего развития человечества, которое должно рационализировать цивилизационный процесс и, тем самым, обеспечить выживание цивилизации. В.И. Вернадский рассматривает ноосферогенез не только как социальные или духовно-интеллектуальные трансформации, но и как продолжение биосферно-геологической эволюции, в которой крупнейшей геологической силой выступает человечество.

Интересно то, что ряд из тех целей, которые сейчас входят в качестве приоритетных в ЦУР, либо близких к ним, уже были выделены учёным в его концептуальной модели будущей ноосферы. Модель ноосферы Вернадского (подробно описанная в трудах Ф. Яншиной) характеризовалась следующими основными чертами (что опять-таки свидетельствует об идейной близости концепции УР и ноосферы).

1. Заселение человеком всей планеты и усиление связи между народами и странами.
2. Преобладание геологической роли человеческой деятельности над природными геологическими процессами, протекающими в биосфере.
3. Расширение границ биосферы и выход в Космос.
4. Открытие новых источников энергии.
5. Равенство людей всех рас и религий.
6. Увеличение роли народных масс в решении проблем внутренней и внешней политики.
7. Исключение войн из жизни общества.
8. Подъем благосостояния трудящихся. Создание реальной возможности исключения голода и нищеты, ослабления влияния болезней.
9. Разумное преобразование первичной природы планеты с целью удовлетворения всех материальных и духовных потребностей численно возрастающего человечества.
10. Свобода научной мысли и поиска от давления религии и политики и создание в государстве и обществе условий, благоприятных для реализации этой свободы.

Если конечной целью перехода к устойчивому развитию является становление ноосферы, то необходимо сформировать вначале концептуально-теоретическую модель сферы разума и затем определить опти-

мальную траекторию ее достижения. Особенность ноосферно-футурологического подхода к исследованию будущего, в том числе, и в плане реализации стратегии устойчивого развития заключается в выдвигании на приоритетное место в грядущих трансформациях нравственно-справедливого разума и интеллектуально-духовных факторов и их опережающего воздействия и развития.

Именно ноосфера видится как гипотетическое будущее состояние и вместе с тем глобальный процесс, реализуемый через УР общества и его взаимодействие с природой, в котором приоритетное место будет занимать коллективный общечеловеческий разум, именуемый ноосферным интеллектом, направляющий эволюцию цивилизации в прогрессивно-поступательном и безопасном направлении. Устойчивое развитие в ракурсе ракурсе «ноосферной цели» оказывается управляемой глобальной эволюцией, ориентированной на созидание сферы разума как нового качественного состояния и результата цивилизационного развития.

В условиях умножения глобальных вызовов и угроз необходимо переходить от стратегии устранения негативных последствий социальной деятельности к предотвращению катастроф и к упреждающим мерам, что фактически и предлагает мировому сообществу концепция и стратегия УР и её продолжение в форме ноосферогенеза. Одной из главных составляющих УР-преобразований как деятельности по переходу к устойчивому развитию должны быть опережающие решения и превентивные практические действия, которые позволяли бы прежде всего отодвигать экологическую и другие катастрофы на более отдаленные времена, а со временем устранять многие угрозы и опасности. Когда негативные воздействия носили локальный (или в отдельных случаях даже региональный характер) можно было ликвидировать их последствия пусть и с огромными экономическими потерями. Но в случае глобального масштаба катастроф их необходимо только предотвращать, что требует формирования совершенно новой культуры – культуры предотвращения. А это ведет к иному взгляду на темпоральные характеристики всей человеческой культуры и деятельности. Футуризация выступает как фундаментальная темпоральная характеристика всей человеческой деятельности, что стало очевидным, когда наметился переход к УР.

Формирование опережающего сознания, т.е. коллективного сознания, опережающего социальное (и даже природное) бытие, а не отстающего от него, как неоднократно отмечалось, может произойти на пути созидания

дания сферы разума. Такое соотношение сознания и человеческого бытия возможно лишь в будущей ноосфере, которая будет формироваться через переход к УР и становление глобального информационного общества. Именно в ноосфере приоритетное место займет не просто разум, а опережающий целостный интеллект всего человечества. Это станет возможным, если на приоритетное место будут выходить все процессы, связанные с интеллектуально-информационной деятельностью и будет формироваться интегральный ноосферный интеллект цивилизации.

Становление ноосферы и формирование ноосферно-опережающего сознания можно считать основой будущей – второй осевой революции, и этим она будет существенно отличаться от первой. Первая осевая революция как появление рационалистических процессов одухотворения, инвариантно-универсальных для всех мировых религий, означало осознание человечеством своего бытия, когда агрикультурная революция приблизилась к своему завершению как стихийно-объективный процесс в планетарном масштабе. И здесь появление осевой эпохи как духовного феномена осознания происходящих в планетарном масштабе неолитических трансформаций означало, что духовная составляющая этих изменений проявилась с определенным запозданием, что оказалось следствием взаимоотношения сознания и бытия в модели неустойчивого развития.

Формирование ноосферного сознания, включая его конечную и зрелую форму – ноосферный интеллект, можно видеть и как развертывание второй осевой революции. Однако, если первая осевая революция появилась как запоздалый духовный отклик на неолитическую (в своей основе материальную) революцию, то вторая осевая революция как новая интеллектуально-духовная революция предшествует социальным и социоприродным материальным трансформациям, поскольку она их вначале опережающим образом моделирует, создает на концептуально-теоретическом уровне (в науке) и затем привносит в сознание людей (через науку, просвещение и различные формы глобального образования, образование в интересах УР и т.д.).

Появление ноосферного качества социосферы произойдет тогда, когда основные формы коллективного и индивидуального сознания обретут свойство опережения бытия. Прежде всего речь идет о формировании ноосферного интеллекта как некоторого коллективного разума всей цивилизации, объединяющего в единое целое интеллекты отдельных личностей и средства информатизации и медиатизации, включая искусственный интеллект и Интернет.

Информатизация общества на пути ноосферогенеза через УР имеет одну из основных целей создание гибридного (социотехнологического) интегрального интеллекта всей цивилизации, способного предвидеть и управлять совокупной деятельностью человечества. В этом заключается кардинальная трансформация социального и социоприродного развития, когда коллективный интеллект цивилизации сможет направлять ее эволюцию и тем самым обеспечит приоритет интеллектуально-информационных ценностей над вещественно-энергетическими. Но главная его черта заключается в том, что в отличие от ныне существующих форм сознания в обществе, которое в целом отстает от социального и природного бытия, возникает опережающее коллективное (глобальное) сознание.

Как видим, введение фактора будущего (процесс футуризации) потребует нового осмысления оснований эпистемологии и науковедения, которые должны «повернуться» к будущему. Но следует заметить, что в таком повороте к будущему будет занята лишь часть науки и образования, другие же составляющие по-прежнему будут иметь дело с прошлым и настоящим. И понятно почему: наука в принципе опирается на все три темпомира – прошлое, настоящее и будущее – это принцип темпоральной целостности. Наличие этих трех темпомиров потребует в перспективе распределения усилий и средств в соответствующих пропорциях, однако ясно, что должно происходить движение знаний от изучения прошлого через настоящее (происходящее) к будущему, которое здесь именуется процессом футуризации.

Видение ноосферогенеза как переходного процесса от устойчивого развития к цивилизации ноосферы позволяет оценить возможности разума и рационального управления этими процессами. Становление ноосферной цивилизации – это не только выдвигание нравственного интеллекта на приоритетное место в развитии общества, но и обретение им новых форм и качеств, которыми ранее разум не обладал. Да и главным механизмом опережающего воплощения модели устойчивого развития также окажется будущий коллективный человеческий разум глобально-космического масштаба, который может существенно трансформироваться в ходе ноосферогенеза, превратившись в опережающий ноосферный интеллект. Именно в ноосфере, формирующейся через переход к устойчивому развитию и через глобальное информационное общество, проявятся многие позитивные черты, которыми и сейчас обладает человек и всё человечество в целом.

3.2. Биоэтика и концепции безопасности в условиях глобализации

Мировой кризис, будучи многоуровневым и сложным феноменом, ввёл в современный научный и общественный дискурс ряд новых и оригинальных способов оценки важности и масштабности политических теорий в перспективе построения новой социополитической системы ноосферного толка, в которой мораль как практика, также как и теория морали становятся неизбежными элементами, путями и способами создания устойчивой стратегии выживания человечества и пристраивания социо-политической жизни в процессе преодоления глобального кризиса и после него, в контексте необходимости резкого ценностного и социопсихо-эмоционального восстановления для достижения приемлемого уровня качества жизни в новых условиях порядка не только в мировом, но и в космическом масштабе.

Только на современном этапе своего развития, когда человечество сталкивается с реальной угрозой своего физического исчезновения в контексте нарастания глобального кризиса, мораль в соотношении к политике, приобретает как особые методологические аспекты, так и новые функции проверки и подтверждения правдивости, применимости и полезности политических теорий.

Понятие «биоэтика», введенное в научный кругооборот более сорока лет тому назад американским биологом Ван Ранселлером Поттером, в самом широком смысле данного термина, призвано универсализировать и систематизировать мировые тенденции, как в науке, так и в области управления обществом в условиях обеспечения, как социальной безопасности, так и защиты природы в целом и приводить к разработке новых правил и норм отношения к биосфере, к жизни вообще, с целью оптимальной подготовки человечества к преодолению современного мирового кризиса глобальных масштабов.

В качестве теоретической дисциплины, биоэтика непрерывно расширяет предмет своего изучения, включая традиционное соотношение морали и политики, сферу приоритетного изучения духовно-морального пласта человеческого сознания, равно как и социальной ментальности касающейся самоуправления человеческим сообществом в условиях необходимости спасения окружающей среды и биосферы в качестве наилучшего места во Вселенной для проживания человечества.

В соответствии с основным постулатом биоэтики — принципом биоцентризма, индивидуальная и государственная деятельность по

обеспечению безопасности должна включать и действия по соблюдению и наращиванию устойчивости гармонии и естественного синергетического баланса междуприсущей человеку доминантной ролю в природе и свободой самой природы (биосферы), которая должна самостоятельно регулировать свои внутренние процессы вне вмешательства человека. Биоэтика привносит новые возможности в процесс обеспечения безопасности, как на индивидуальном, так и на глобальном уровнях путем, как теоретического понимания и переоценки основных моральных постулатов и роли биологической составляющей процесса преодоления современного многоуровневого кризиса, так и практического подхода к решению проблемы выживания человечества в соответствии с основными духовно-природными потребностями высококачественной и долговечной жизни современного человека.

Именно новый уровень моральной сознательности биоэтического типа и психо-эмоциональная устойчивость индивидуума призванного блюсти общечеловеческие ценности и приоритеты в процессе обеспечения безопасности разного масштаба, являются теми основополагающими характеристиками гражданина будущего синергезированного общества, которые необходимо постоянно развивать помимо лояльности биоэтическим принципам и человечности, собранности особенно в критических ситуациях, и концентрации на фундаментальных аспектах обеспечения безопасности человека и общества, эффективно противодействуя угрозам в её адрес.

В связи с тем, что возрастает роль науки вообще и биоэтики в частности, в урегулировании взаимодействия общества, человека с одной стороны и биосферы, природы с другой, проблематика внедрения биоэтических стандартов и принципов поведения и оценки в деятельность государственных и международных структур, призванных обеспечить соблюдение, как личных интересов каждого гражданина, так и национальных, и глобальных интересов и безопасности, представляется особенно актуальной.

Одна из важнейших целей биоэтической теории заключается в синергетической амплификации результатов внедрения в общественную жизнь конкретных биоэтических практик и поступков на основе общих принципов, например, таких как: уважение ко всем формам жизни, био-разнообразие, устойчивость биосферы и др. Это приводит к тому, что современное исследование в области биоэтики заставляет по-новому взглянуть и на проблемы присущие различным научным областям, не только

наукам о жизни таких как медицина, генетика, биология и так далее, но и для социальных дисциплин, таких как юриспруденция, политология, экономика, психология, социология и другие.

Все большее внимание в современном обществе уделяется созиданию и укреплению структур и организаций, входящих в систему безопасности как человека и его особого, витально-необходимого окружения, так и отдельно взятых стран, международного сообщества в целом.

Повышенный интерес общества и его руководящих органов к обеспечению национальной безопасности все ярче отражается в способствовании и поддержке развития образовательного процесса разносторонне подготовленных кадров в сфере соблюдения и охраны национальной безопасности и национальных, стратегически важных интересов и приоритетов.

Используемые педагогические методы в процессе воспитания нового поколения высокообразованных специалистов в области безопасности также необратимо модернизируются и адаптируются к новым требованиям и условиям деятельности в сфере обеспечения безопасности как жизненно важных функций общества, проверенных временем и историей, так и инновационных, экспериментальных наработок современного социума. Педагогическая методология присущая специализированному образованию в области национальной и государственной безопасности не редко включает и самые авангардистские, междисциплинарные разработки, позволяющие развить не только умственно-познавательные, но и психо-моральные качества курсанта. Именно новый уровень моральной сознательности биоэтического типа и психоэмоциональная устойчивость человека призванного блюсти общечеловеческие ценности и приоритеты в процессе обеспечения безопасности разного масштаба, являются теми основополагающими характеристиками специалиста будущего в сфере национальной безопасности, которые необходимо постоянно развивать помимо лояльности, собранности и концентрации на фундаментальных аспектах обеспечения безопасности и противодействия угрозам в её адрес.

Одной из самых важных задач процесса профессиональной практической и теоретической подготовки в области безопасности является воспитание особой заботы и попечительного отношения к основным национальным ценностям, к народному достоянию, к государственным императивам, а также к источникам национального благосостояния и процветания. Воспитание нового поколения специалистов в сфере национальной безопасности невозможно без акцентирования и подчерки-

вания универсального характера знаний о государстве и совокупности способов охраны государственных интересов. В то же время, качественное и эффективное продвижение государственных интересов невозможно за счет подавления и маргинализации других интересов, будь то гражданина, международных интересов, национальных интересов других государств или интересов других существ живущих на нашей планете, биосферы, всего живого, природы в самом широком смысле данного понятия.

Успехи преподавания в области национальной безопасности во многом тесно связаны с эффективностью процесса адаптации стандартов образования и подготовки высококвалифицированных специалистов в области национальной безопасности к задачам, требованиям и ценностям, продвигаемые биоэтической теорией посредством присущим ей принципам.

В связи с всё возрастающей ролью науки вообще и биоэтики в частности, в регулировании взаимодействия общества, человека с одной стороны и биосферы, природы с другой, тема внедрения биоэтических стандартов и принципов поведения и оценки в деятельность государственных структур, призванных обеспечить соблюдение, как личных интересов каждого гражданина, так и национальных интересов безопасности, представляется особенно актуальной.

Данный широкий смысл науки биоэтики заключается в анализе конкретных биоэтических практик и поступков на основе общих принципов. Например, уважение всех форм жизни, биоразнообразие, устойчивость биосферы и др. Это обусловлено тем, что современное исследование в области биоэтики заставляет по-новому взглянуть на проблемы различных научных областей, не только медицины, генетики, биологии и так далее, но и таких дисциплин как юриспруденция, политология, экономика, психология, социология и другие. Действительно, право, защита национальных приоритетов и прав человека в русле биоэтики имеет своеобразное понимание как система юридических норм, регулирующая взаимоотношения не только в таких сферах как здравоохранение, сельское хозяйство, но и взаимодействие человека и биосферы; также биоэтика заставляет задуматься о возможности законодательного оформления прав и обязанностей, как граждан, так и живых существ вообще.

Биоэтическая теория, но больше всего биоэтический праксис, также требуют особой политической установки, специальной подготовки и закалки специалистов и призванных охранять и развивать общечеловеческие моральные ценности в разного рода ситуациях, когда наименее

развитые страны оказываются наиболее уязвимыми во многих отношениях по сравнению с более развитыми и это касается таких аспектов глобальной и социальной биоэтики как демографический и экологические вопросы, вопросы разрешения проблем бедности и доступа к качественным услугам в сфере медицины и образования и так далее. Именно в данных условиях наибольшую значимость приобретает как общее образование биоэтического типа, так и специализированное воспитание в сфере национальной безопасности адаптированное к биоэтическим приоритетам, состоящие в формировании у студентов разных специальностей, навыков ведения биоэтической полемики и диалога, разрешения конфликтных ситуаций, выявление адекватной самооценки и толерантной оценки других людей, справедливого и корректного поведения в сфере профессионального и личного общения. Тогда как, на пример, в сфере госбезопасности одной из центральных проблем является соблюдение национальных интересов в контексте гармонизации и достижения соответствия между потребностями по обеспечению безопасности и потребностями в здоровой окружающей среде.

Таким образом, биоэтика предполагает, прежде всего, изучение нормативных проблем и принципов, касающихся взаимодействия человека с биосферой, а также качества содержания, как и результатов, последствий такого взаимодействия. Иными словами, наука биоэтика, как прикладная дисциплина призвана научить людей, каждого конкретного человека, совершать нравственные деяния и поступки, а также и моральную деятельность по отношению к живым существам, к природе вообще. Важным видом таких поступков является коллективное совместное действие, в котором сочетаются единый интерес всех участников этого действия, имеется в виду сохранение биполярного устойчивого баланса биосферы, общества, и различные интересы, ценности и принципы, которыми они руководствуются в своей практической деятельности.

Сегодня, проблематика биоэтики всё более уверенно и обоснованно становится предметом социо-политических манипуляций и интересов, в то же время как всё более пристально и заинтересованно эксперты в области биоэтики анализируют и оценивают решения, политики и стратегии элитарных групп общества, государств, международных региональных и всемирных организаций, касающиеся будущего благосостояния и благополучия всего человечества, современного общества в целом, тем более в условиях нынешнего всемирного финансового и экономического кризиса.

Предмет заинтересованности разного рода специалистов-практиков по оценке, экспертизе и консалтингу в области этики вообще, но особенно это заметно в области разного рода профессиональной деонтологии и бизнес - этики, в основном, сводится к критическим замечаниям, если не к критиканству и вследствие этого к предписыванию, если не к принуждению использования и применения особых видов поведения в конкретных стандартных ситуациях, в соответствии с некими гипотетическими и виртуальными кодексами и сводами норм, законов поведения и деятельности, основываясь на специализированных принципах, императивах и ценностях, также, в известной степени, обсуждаемых и сомнительных по своей сути, с точки зрения их практической применимости и полезности.

Интенсивность повсеместного распространения дилетантства (“любительства”) и непрофессионализма в разных сферах деятельности современного человека, в частности сфере этической экспертизы, вообще, и экспертизы в сфере биологической, биомедицинской этики, в частности, всё более нарастает в последнее время, параллельно процессу роста востребованности специалистов и экспертов в области оценки корректности поведения людей разных профессий и должностей, в соответствии с этическими нормами и правилами, исходя из научной, государственно-политической, экономической, биологической, биомедицинской, да и экологической целесообразности и, в последнее время, в соответствии с требованиями международного сообщества, в зависимости от предписаний достижения и соблюдения стандартов устойчивого развития. Подпитывается данный “расцвет” непрофессионализма и дилетантства общецивилизационным упадком нравов и неясностью в области этических принципов и императивов, норм, законов и ценностей. Политиканство в области экологии, в области устойчивого развития, в таких жизненно важных для человечества, сферах как наука, биология, медицина и климатология, экономика и охрана окружающей среды, во многом обусловлено упадком общей морали в современном социуме и морали экологического характера в особенности. Экология (в смысле экологической составляющей окружающей среды, чаще всего находящаяся в подчёркнуто прогрессирующе деградирующем состоянии) и в последнее время биоэтика совместно с экологической этикой (в смысле морально-нравственной составляющей экологической многоаспектуальной сферы как прикладных действий, так и теоретико-научных деятельности и интересов в связи с окружающей средой) становятся всё чаще “разменной монетой” и пред-

метом политико–экономических транзакций на разных административных уровнях от локального до международного, в спорах и диспутах политиков и бюрократов разного ранга, особенно с предвыборными целями давления на определение социо-политических преференции широких слоёв населения, поскольку подобные вопросы имеют обширный общественный резонанс, часто с сильно выраженными эмоциональными и анти–рациональными оттенками.

Особенно в таких условиях процветания непрофессионализма, роль качественного образования в сфере национальной безопасности приобретает особый смысл. Высокая квалификация специалиста в данной области деятельности призвана привнести логику и ясность в действия людей разных профессий, должна обеспечить общество необходимым смыслом в своем существовании. Образование и подготовка кадров в области обеспечения национальных интересов будет все ярче сказываться на эффективности жизнедеятельности всего общества.

Такие области как биоэтика, биомедицинская этика, биологическая этика и экологическая этики, по аналогии со сферой экологии и охраны окружающей среды, в тесном взаимодействии с областью национальных интересов, пристально исследуется в своём новом качестве как предмета социо-политических влияний, давления и продавливания важнейших мнений, решений, стратегий, определяющих, в конечном итоге, обще-социальный менталитет. Факторы влияния в сферах биоэтики, биомедицинской этики, биологической этики и экологической этики в отличие от групп давления из областей охраны окружающей среды, фармакологии, биомедицины, экологии, заинтересованы и пытаются добиться выбора направления и вектора развития моральных составляющих (таких как – ценности, принципы, императивы, нормы, правила, законы и т.д. корректного поведения) в требуемое и нужное им русло, в зависимости от характера и структуры необходимого удовлетворения своих, корпоративных интересов, часто противоположных общенациональным, также как и приоритетам всеобщей безопасности.

Раскрывая тематику социальных и политических аспектов биоэкологии, биомедицины и экологизма с одной стороны и биоэтики, экологической морали и этики с другой, необходимо заметить, что идентифицируются разные по содержанию, по функциям и задачам, сферы и области знаний, а также и с точки зрения их прикладного применения на практике. Вместе с тем, процессы биоэкологизации широко проникают в самые потайные ниши и самые скрытые от народного участия и вовлечения ши-

роких общественных масс, этапы социальных и политических механизмов выработки, принятия и исполнения социо-политических решений и стратегий. Биоэкологизация в этом смысле не может не затронуть и процесс подготовки специалистов в сфере безопасности, призванных следить за соблюдением как государственных, так и обще цивилизационных интересов, таких как восстановление экологического баланса на планете или оздоровление общественной морали.

Биоэтика, экологичность и экология, как новейший тип социального сознания, приобретают, естественным образом, новые аспекты в процессе переоценки социо-политических векторов развития гражданского общества будущего, приоритетов в области национальной безопасности, ориентированного на выживание человеческого вида с наименьшими потерями в мировоззренческом, культурном, научном, моральном, образовательном и интеллектуально – цивилизационном плане.

Качественное содержание понятия жизни индивидуума (в биомедицинском, биоэтическом и эколого-моральном плане, соответствующее соотношению приобретённого качества к цене риска и затратам) становится преференциальным предметом философствования в период самого процесса выживания или преодоления смертельных опасностей для всего человечества, а также и на последующих после кризисных этапах развития общества, в контексте обеспечения полной безопасности как индивидуума, так и общества в целом.

В свете предупреждения ученых о необходимости предотвращения кризиса планетарного масштаба считается, преодоление “точки невозврата” не только как невозможности восстановления первоначального состояния и оптимальных условий для жизни на Земле, но и в смысле невозможности преодоления необратимости сложнейших процессов резкого принципиального изменения жизненных условий на планете, к которым как человеческий организм, так и современная экономика и наука – не готовы и не адаптированы, станет основной причиной исчезновения человека как биологического вида в природе, в драматических и даже трагических условиях.

Для выживания человека на элементарном, биологическом уровне, в условиях обеспечения безопасности, становится приоритетным и, в конкретных современных условиях, необходимым, достижение проведения структурного и содержательного упрощения и конкретизации, как предмета теоретической этики и биоэтики, так и задач и целей практической деятель-

ности человека, относящиеся к конкретным индивидуальным и коллективным действиям, включая по обеспечению всеобщей безопасности.

Анализируя методологическо–функциональные аспекты проблематики преодоления нависающих над *Homo Sapiens* проблем и угроз, с точки зрения обеспечения жизненно-важных интересов и безопасности, основываясь на культурно-научных и общецивилизационных приоритетах выживания человечества, становятся менее смутными тенденции и характер возможных неутешительных “побочных эффектов” борьбы человека разумного за своё достойное будущее не только в качестве биологического существа, но и как психо-социальной личностной индивидуальности. Вне всякого сомнения, что предпосылок и прогнозов неблагоприятного для человечества исхода борьбы за своё выживание – предостаточно. И, тем не менее, сохранение своей первобытной культуры, цивилизации, социальных моделей иерархизированного поведения, норм этикета, и в этом контексте сохранение и преумножение достижений науки, не только не является дополнительным грузом и тормозом в процессе преодоления глобальных проблем, а становится даже необходимым условием высококачественного выживания и дальнейшего развития человеческого общества.

В данном контексте, задачи образования в сфере национальной безопасности не могут быть ограничены лишь национальными интересами и границами. Современный специалист в области безопасности вынужден выходить за национальные рамки, мысля более глобально и динамично. Образовательный процесс подготовки будущих профессионалов в деле обеспечения безопасности становится всё более важным воспитательным элементом современной культуры и философии восприятия и противодействия глобальным угрозам.

Концепция защиты национальных приоритетов и прав человека, в русле биоэтики приобретает новое и своеобразное понимание, генерируя появление системы юридических норм, регулирующая не только взаимоотношения между людьми, между индивидуумом и сообществом, но и взаимодействия человека и биосферы в таких областях как здравоохранение, сельское хозяйство или экология, зоозащита и природоохрана, непосредственно связанных с проблематикой человека и природы. Также, биоэтика заставляет задуматься политиков и элиты о возможности, о важности и неизбежности законодательного подтверждения прав и обязанностей, как граждан, так и живых существ вообще.

Биоэтическая теория, но больше всего биоэтический праксис, побуждают необходимость в особенном политическом настрое, в специальной подготовке и закалке людей призванных охранять и развивать общечеловеческие моральные ценности в разного рода критических ситуациях, когда наименее развитые страны оказываются наиболее уязвимыми во многих отношениях по сравнению с более развитыми, и это касается таких вопросов глобальной и социальной биоэтики как демографический и экологические аспекты жизни, решение проблем бедности и доступа к качественным услугам в сфере медицины и образования и так далее.

Таким образом, биоэтика предполагает, прежде всего, изучение нормативных проблем и принципов, касающихся взаимодействия человека с биосферой, а также качества содержания, также как и результатов, последствий такого взаимодействия. Иными словами наука биоэтики как прикладная дисциплина призвана научить людей в общем, но каждого конкретного человека в частности, совершать нравственные деяния и поступки, также как и моральную деятельность по отношению к живым существам, к природе в самом широком смысле понятия. Важным видом таких поступков является коллективное совместное действие, в котором сочетаются и взаимоадаптируются интересы всех участников этого действия, имея в виду синергетическое сохранение биполярного устойчивого баланса между биосферой и обществом, их различные интересы, ценности и принципы, которыми они руководствуются и на которых они основываются.

Сегодня, проблематика биоэтики всё более уверенно и обоснованно становится предметом социо-политических манипуляций и интересов, в то же время как всё более пристально и заинтересованно эксперты в области биоэтики анализируют и оценивают решения, политики и стратегии элитарных групп общества, государств, международных региональных и всемирных организаций, касающиеся будущего благосостояния и благополучия всего человечества, современного общества в целом, тем более в условиях нынешнего всемирного финансового и экономического кризиса.

Парадоксально, но качественное выживание, в соответствии с ценностной иерархией приоритетов человечества будущего, на данном этапе концептуализации проблематики и необходимости выживания человека, кажется более важным и ценным чем выживание вообще. Выживание человечества любой ценой, самыми влиятельными современными политиками и общественными деятелями, также как и с точки зрения

общественного мнения, по идеологическим соображениям и из за необходимости сохранения общественного спокойствия и анти-панических настроений в обществе, не включаются даже в гипотетические планы политическо – предвыборных обсуждений и дебатов, в то время как внушительная часть научного сообщества (и потому малозначимое в мировом плане) уже на протяжении нескольких десятков лет настоятельно предупреждает общественность (гражданское общество) и политиков (политическое сообщество), основываясь на фундаментальных подсчётах и гипотетических сценариях, о катастрофальных последствиях планетарного масштаба для природы (для биосферы Земли) и, следовательно, для всего человечества, современных типов и моделей (индустриальных, постиндустриальных и постдемократических) экономических, политических и общественных взаимоотношений.

Сфера политики становится кардинально важным и приоритетным в ракурсе биоэтического теоретического исследования, но особенно, в качестве поля конкретного действия, в перспективе разработки и внедрения стратегии обеспечения безопасности сообщества в период преодоления и устойчивого решения глобального кризиса.

Появляется необходимость идентификации новой ветви биоэтики, тесно связанной с политикой, которая сможет заменить наиболее точно, биополитическую концепцию в контексте общего усилия мирового сообщества, учёных, политиков, управленцев, специалистов-практиков из разных сфер деятельности, для более эффективной научной и прикладной работы над проблематикой выхода из глобального кризиса. Данная новая дисциплина – политическая биоэтика, должна основываться как на биоэтических принципах, так и на заимствованных общецивилизационных и доработанных особенным образом, моральных ценностях, присущих нынешнему социальному сознанию, вытекающих из приоритетов современного социума, для более энергичного продвижения среди практиков из области политики и менеджмента, конкурентной и действенной модели общественных взаимоотношений, с целью достижения наилучших результатов, необходимых для созидания более эффективной системы управления обществом необходимой во время и после решения глобального кризиса, в перспективе достижения более достойной жизни человека, для более качественного и насыщенного бытия, во благо будущим поколениям. Таким образом, с уверенностью может быть определена основная задача данной области исследования – политической биоэтики,

состоящая в содействии человечеству в его усилиях преодолеть глобальный кризис в оптимальных условиях безопасности и устойчивости. Скорей всего, данная новая область знаний станет естественным образом, частью системы политических и социальных наук, нежели гуманитарной и философской дисциплиной, исходя из специфики ожиданий современного сообщества по отношению к подобной сфере науки с практическим и прикладным уклоном.

Политическая биоэтика, будучи синтетической и междисциплинарной теорией, находящаяся ситуативно между общественными науками и науками о жизни, выступает изначально в качестве связного звена для более естественного внедрения биоэтики в сферу политики, осуществляя среди прочих и свою первичную функцию определения и использования самых надёжных и устойчивых моделей и стратегий по решению широкого спектра проблем присущих биоэтике и существенно влияющие и на политическую жизнь общества.

Выход из нынешнего глобального антропоинвайронментального кризиса в большей мере зависит от нравственного возрождения человечества, подвергаемого гораздо большим испытаниям, чем те, которые пришлось пережить населению Земли. Чтобы нынешней цивилизации предоставить более адекватный шанс в преодолении этого регресса, становится необходимым обосновать и создать новую ветвь биоэтической науки – политическую биоэтику, выступающую в качестве нового инновационного биоэтического измерения бытия и механизмов внедрения стратегии выживания человечества. В прикладном смысле политическая биоэтика занимается вопросами давления политиков и управленцев на биоэтические институты и биоэтическое сознание, а также способствует наращиванию влияния биоэтических организаций, научных и профессиональных сообществ гражданского общества на социополитические решения. Как теоретическая дисциплина политическая биоэтика основывается на обстоятельных и всеобъемлющих теориях, концепциях и категориях, связанных с проблематикой политической жизни в условиях многоуровневого глобального кризиса и с неизбежностью пересмотра моральных норм и принципов, сводимых к общему знаменателю: охране и соблюдению правил безопасности и обеспечение благосостояния живых существ, и их естественной биологической среды обитания – биосферы.

В контексте последних изменений на уровне новейших политических перспектив и идеологий, относящихся к окружающей среде и природе, в

условиях глубоких концептуальных и моральных трансформаций в социуме, систематизация и универсализация союза трёх основополагающих элементов: *жизни, морали и политики*, выделяется в качестве определяющего постулата политической биоэтики, как новой дисциплины научного исследования, но и как сферы практического применения знаний о выживании и безопасности как человека и общества, так и природы и биосферы. Как новая область знаний и практических навыков она капитализирует, но и пересматривает все предыдущие приоритеты современного человека в контексте новых реалий, беспрецедентных с точки зрения масштаба экологического кризиса и климатических изменений, биологических и генетических трансформаций и мутаций человеческой природы. В той же степени, политическая биоэтика является естественной реакцией как элит, научного и интеллектуального сообщества, так и общества в целом, на современные вызовы человечеству и предполагает изменение коллективной ментальности, приспособлявая её к жизненно важным приоритетам современной человеческой цивилизации, имея в виду, что общественное моральное сознание характеризуется большей гибкостью и адаптивностью, генерируя, при необходимости в кратчайшие сроки, новые типы поведения человека и социума, экстренно выявляя самые изобретательные и оптимальные решения как на микро-политическом, индивидуальном, уровне, так и на глобальном и макро-политическом.

Начиная с самого становления биоэтики как самостоятельной научной концепции основанной Ван Ренсселером Поттером, её корреляция с разными разработками в таких областях как политика, экономика или медицина, была непрерывной, так как биоэтика предвещала глобальные радикальные изменения на всех уровнях жизни, на пример её связь с биополитической теорией всегда была очень тесна и взаимодополняема. Тем не менее, из-за концептуальной разбросанности и структурных ограничений, теория биополитики в отличии от биоэтики, всегда имела тенденцию обходить и избегать вопрос глобальной опасности для нынешней цивилизации в контексте острой нужды переосмысления и определения новых значений соотношения человека и природы, человеческого общества и биосферы в перспективе более устойчивого выживания.

В начавшемся процессе долгого формирования и созидания политической биоэтики, играют наиважнейшую роль ряд объективных и субъективных факторов, исходящие как из прикладной среды практиков в

области политики, так и из среды теоретиков и исследователей социо-политических процессов. Таким образом, можно выделить ряд предпосылок, которые определяют в конечном итоге соединение и выполнение объективных условий для появления политической биоэтики, как академической дисциплины, так и в качестве сферы практической деятельности.

Среди определяющих факторов становления политической биоэтики следует подчеркнуть важную роль следующих видов предпосылок:

- **Исторические:** появление евгеники и проявление эксцессов социальной и расистской инженерии для истребления людей на почве ненависти по расовому признаку; проведение нечеловеческих экспериментов над людьми, особенно в период второй мировой войны; всемирный экологический кризис, усилившийся в XX-ом веке; научно-технический прогресс и развитие биомедицинских технологий, использованных также и в политической сфере в борьбе за власть, для продления долговечности и умственных, коммуникативных, эстетических способностей социо-политических элит.

- **Юридические:** принятие на всемирном уровне ряда международных норм, таких как Нюрнбергский Кодекс в 1947 году, Универсальная декларация по правам человека принятая ООН в 1948 году, Хельсинская декларация Международной Медицинской Ассоциации – в 1964 г., Овьедская Европейская Конвенция по защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 года и дополнительные протоколы к ней, этические стандарты *Международного совета медицинских научных обществ (CIOMS)* для биомедицинских исследований с участием человека в принятые и дополненные в 1982 г., 1993 г., 2002 г. (Council for International Organizations of Medical Sciences: International Ethical Guidelines for Biomedical Research Involving Human Subjects), директива 2001/20/CE Европейского Парламента и Европейского Совета (CoE) от 4 апреля 2001 года, о клинической практике при проведении клинических испытаний лекарственных средств для человека и др. Все эти международные документы усиливают безопасность индивидуума и устанавливают более высокий уровень обеспечения его прав в качестве субъектов биомедицинских исследований. Также и другие морально-юридические аспекты были предусмотрены в данных международных документах, направленные на решение таких злободневных биоэтических проблем с политическим оттенком как торговля людьми, насильственная и не-

законная трансплантация человеческих органов и тканей, применение генной инженерии, гинекологических репродуктивных естественных и суррогатных технологий и др.

- **Социальные и политические:** формирование нового социального сознания по отношению к защите природы от всевозможных загрязнений, исходя из необходимости изменения основного подхода общества к проблемам окружающей среды, применяя экологические и биоэтические принципы и методы для переосмысления роли человека в процессе охраны биосферы. Развивается новая социальная доктрина экологизма для более эффективной организации современного общества и его воздействия на нынешнюю не во всём благоприятную траекторию своего развития в сотрудничестве с природой, путём основания новых гражданских движений, формирований и социополитических организаций по продвижению экологических и биоэтических ценностей и подходов, на глобальном и макросоциальном уровне. Инициирован двойной процесс по сближению биоэтики и политики путём биоэтизации политической жизни и общества, с одной стороны, а с другой, через адаптацию биоэтики к социальным и политическим приоритетам современности в условиях глобальных угроз.

- **Антропологические:** появление, воспитание и вовлечение в социополитическую жизнь нового типа индивидуумов с новым мировоззрением и новыми политическими, экономическими, психологическими и ментальными ценностями и личностными принципами, с новыми моделями морали и этики. На основе требуемых качеств, для преодоления современного глобального кризиса, данные индивидуумы будущего были идентифицированы предшественниками в ряде научных работ и литературных начинаний как «поколение индиго», «*homo futuris*» и т.д., категории и определения, которые можно с уверенностью включить в более обширное понятие «*homo bioeticus*», исходя из его более обобщающего характера, отражающего моральную специфику и естественные тенденции будущей эпохи.

- **Экономические:** достижение критического уровня несоответствия и конфликта между повышающимся спросом на энергетические и другие природные ресурсы для развивающейся мировой промышленности и уменьшающимися возможностями планеты Земля по поставке человечеству этих богатств, что неминуемо приводит к политическим, дипломатическим и военным конфликтам между странами, корпорациями или

международными организациями в борьбе за сферы влияния, за регионы и территории, которые ещё богаты в ископаемых и природном потенциале, для дальнейшей его эксплуатации и нерациональной растрате.

- **Экологические:** нарастающее загрязнение и деградация почвы, воды, воздуха, озонного слоя планеты, глобальное потепление и другие подобные деструктивные эффекты, появляющиеся под бременем современной ресурсоёмкой промышленности и разрушающих антропогенных факторов, оказывая отрицательное воздействие на общее благосостояние и качество жизни населения стран и целых регионов, определяет внесение для обсуждения в политическую и предвыборную повестку дня разных уровней, экологической проблематики и путей выхода из создавшегося плачевного положения в глобальном масштабе. В данном контексте, Иен Барбур в одной из своих работ – «Этика в век технологий» – выступает за создание системы управления на всемирном уровне для более рационального распределения природных ресурсов в качестве общего достояния нынешнего поколения землян: «Однако даже тогда, когда те или иные решения принимаются общегосударственным законодательством, проводить их в жизнь может региональная и местная исполнительная власть, оставляя свободу для разнообразных путей достижения общегосударственных целей. Точно также при распределении ресурсов необходимо всестороннее широкомасштабное планирование. Местная самостоятельность желательна, однако природные ресурсы распределены неравномерно, и ни один регион не может быть самодостаточным». Несмотря на то, что данная идея была максимально упрощена, когда была предложена своим автором более 20-и лет назад, введение сверхправительственного мониторинга над использованием и распределением природных ресурсов была воспринята несерьёзно мировыми элитами, будучи рассмотрена как утопическое предложение академического и научного сообщества, которое, в принципе, серьёзно ущемляло национальные политические и экономические интересы стран владеющих огромными природными ресурсами, такие как Россия, Китай, Бразилия, Саудовская Аравия, Южная Африканская Республика, США и др.

Становится ясно, что существует достаточно неопределённости касающейся проблематики социальной, политической и ресурсной репрезентативности в разных ветвях биоэтики, особенно как совокупности практической и методической деятельности по урегулированию острейших проблем современного общества. Тем более в области политической

биоэтике, где репрезентативность становится вопросом первостепенной важности для практической функциональности и применимости данной теории. Баланс пропорционального представительства интересов периферий в деятельности международных и всемирных организаций, например, является грубо нарушенным во многих случаях, как и с точки зрения соответствия международного законодательства реальным потребностями второстепенных субъектов международного права, государств и региональных организаций.

Системно характеризуя нынешнее глобальное положение, справедливая пропорциональность в продвижении интересов также не считается важным аспектом и на местном уровне и в национальном праве многих развивающихся стран из-за значительного воздействия разных внутренних и внешних дестабилизирующих факторов на данное состояние вещей, несмотря на усилия местных правительств в некоторых случаях, по преодолению сложных препятствий в процессе соответствия всему спектру потребностей общества и особенно незащищенных групп населения и уязвимых граждан, встречающие значительные трудности в формулировании и продвижении своих интересов. Таким образом, пропорциональная репрезентативность значительно искажается и ограничивается в случае принятия и продвижения политик и стратегий по улучшению состояния обездоленных людей из групп повышенного риска, а также касающихся граждан, пострадавших от всевозможных злоупотреблений в вопросах присущих биоэтической сфере. В данных условиях, репрезентативность становится для политической биоэтики фундаментальным принципом и критерием оценки успеха практической реализации теоретических разработок в данной области.

Принцип репрезентативности в политической биоэтике, в качестве теоретического фундамента данной дисциплины, привносит императивным способом превосходство справедливости над другими критериями доступа разных социальных факторов к процессу принятия решений, будучи функционально и органически ориентированным на аппликативные и благотворные последствия принятых решений, политик и стратегий.

В случае международных политических решений и законодательства, которые имеют значительное влияние на внутреннее юридическое поле и долговременные стратегии государств-членов данных организаций, встречающие значительные сложности в продвижении своих национальных интересов из за таких факторов как ограниченность оценоч-

ного профессионализма государственных структур или невозможность точного определения национальных интересов и их иерархизации и т.д., постулат полной и адекватной репрезентативности и представительства, становится особенно важным условием для соблюдения легитимности данных решений, в силу необходимости неограниченного расширения доступа всех заинтересованных сторон в участие в формировании мировоззренческих политик и принятия судьбоносных решений для мирового сообщества.

Принцип приоритета в принятии решений также выступает в качестве важной составляющей в механизме функционирования политической биоэтики как теории, но и как практической сферы, обобщающей биоэтический опыт и внедряя его в разные социо-политические процессы. Приоритизацию целей и задач, а также и возможных решений принятых вследствие обсуждения, можно выделить в качестве одного из самых сложных аспектов структурирования целей исследования и правильного выбора порядка систематизации прикладных приоритетов, на этапе внедрения полного набора практик и подходов. Данный принцип вскоре станет решающим для всей биоэтической дисциплины, как для теоретической её составляющей, так и для прикладной биоэтики, в силу важности его исключительного методологического содержания.

Проблема автономии в политической биоэтике в отличие от общей биоэтики постепенно и основательно входит под влияние прикладной специфики и социального ориентирования данной дисциплинарной ветви биотической мысли. Автономизация политического действия в контексте экспансии биоэтики в сфере политики, мало изученный феномен. Тем не менее, с точки зрения политической биоэтики, категория автономии приобретает полисемантический характер и начинает идентифицироваться с множеством разных и нетрадиционных смыслов, оставаясь одной из основных категорий для данной новой области науки. Понятие автономии используется чаще всего в анализе моральных аспектов соотношения между разработанными и принятыми политическими решениями, социо-политическим поведением индивидуальных и институциональных актёров на политической арене, с одной стороны, и биоэтической тематикой, с другой, включая такие вопросы как трансплантация органов, проблематика суррогатного материнства, аборт, искусственное оплодотворение, клонирование (в том числе и человеческого существа), генетико-инженерные манипуляции, при-

менение биомедицинских технологий в разных сферах общественной и политической жизни людей. Биоэтический механизм осуществления и соблюдения принципа автономии состоит из применения процедуры информированного согласия, помимо других способов продвижения данного фундаментального теоретико-методологического столпа всей биоэтики, включая политическую.

В контексте своей междисциплинарной и пост-неклассической специфики, политическая биоэтика обладает существенным потенциалом в перспективе повышения качества анализа, политологического и конфликтологического исследования, путём использования в рамках научного изыскания, своего уникального методологического аппарата, применяя свои фундаментальные принципы и категории. В данных условиях, исходя из ряда наблюдаемых закономерностей, принцип органической взаимосвязи политики с этикой и жизнью, среди других вышеизложенных концептуальных правил и законов, по праву можно считать основным теоретическим фундаментом политической биоэтики не только как области научного исследования уникальных реалий, в которой отражаются реакции факторов по принятию решений и политических институтов на глобальные вызовы биологического, технологического, экологического, медицинского толка, но и как сфера передовой практической и прикладной деятельности, предполагая применение новых разработок и подходов в общественной, но особенно, в политической жизни, продвигая биоэтические ценности, био-моральные модели восприятия самых обширных аспектов общественной жизни и их гармоничного взаимодействия, как между собой, так и с переменными и константами извне.

При необходимости переоценки и переобоснования взаимоотношений человеческого общества с природой, биосферой и окружающей средой, в перспективе принятия новой модели коэволюционного развития человека и биосферы в социо-политическом смысле, мораль раскрывает новые возможности адаптации, решения и урегулирования различий и расхождений в человеческом обществе и международном сообществе, касающиеся будущих механизмов управления и подхода к пониманию сути глобального кризиса, в перспективе разработки справедливой и сбалансированной концепции соотношения человеческого сообщества к природе. Корреляция между жизнью, моралью и политикой в контексте напористой экспансии новейших биотехнологий в пространство политической борьбы за власть, создаёт достаточно предпосылок для пересмо-

тра и консолидации в обозримой перспективе основных характеристик самых фундаментальных принципов организации человеческого общества. Взаимозависимость и взаимосвязь между данными тремя элементами, являются определяющим для современных социо-политических систем, генерируя как новые ценности, обязательства, так и новые роли индивидуума и общества в природе и биосфере.

Таким образом, осуществляется сближение и органическое переплетение между областями исследования биоэтики и остальных социальных наук, среди которых выделяется политология, которая устанавливает с биоэтикой взаимовыгодное партнёрство в плане методологического и концептуального обмена то, что ведёт через углубление контактов биоэтики с полем политических исследований, к естественной идентификации и отделению от общей биоэтики, новой общественно-этической дисциплины с большим социально-полезным потенциалом – политической биоэтики, способная предложить, аргументировать и продвигать новый взгляд на решение современного глобального кризиса.

Начиная с античных времён, первые попытки установления основных правил и принципов политического дискурса и мышления были тесно связаны с проблематикой моральности, этических норм, таких понятий как Добро и Зло.

Если в Античности данная категориальная пара составленная из политики и морали имела асимметричный, конъюнктурный и не цельный характер, требуя постоянного сравнения и ссылки на другие аспекты общественной жизни, в последующих периодах развития этической и политической мысли выделяется обособленная и интегрированная область теоретических разработок каким является взаимозависимость политики и морали, переходящая постепенно в некий ценз качества политического и управленческого акта, становясь также и критерием устойчивости политологических теорий.

Вместе с тем, только на современном этапе, когда человечество сталкивается с реальной угрозой своего физического исчезновения в контексте нарастания глобального кризиса, мораль в соотношении к политике приобретает как особые методологические аспекты, так и новые функции проверки и подтверждения правдивости, применимости и полезности политических теорий.

Для выживания человека на элементарном, биологическом уровне, в условиях обеспечения безопасности становится приоритетным и, в кон-

кретных современных условиях необходимым, достижение проведения структурного и содержательного упрощения и конкретизации, как предмета теоретической этики и биоэтики, так и задач и целей практической деятельности человека, относящиеся к конкретным индивидуальным и коллективным действиям по обеспечению всеобщей безопасности.

Таким образом, биоэтика, как область знаний и набор практических наработок в борьбе за выживание человека на планете, охватывает широкий круг вопросов, анализ которых позволит выработать новое видение в различных научных областях. Междисциплинарный научный подход является именно тем необходимым инновационным инструментом, методом и основным вспомогательным фактором в достижении синергетической устойчивости и стабильного прогресса усилий человечества с целью не только выжить в условиях невиданного до нынешнего этапа кризиса, но и дальнейшего гармоничного и мудрого ноосферного развития.

Глава 4. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

4.1. Глобализация в контексте устойчивого развития: политический аспект

Феномен глобализации являющийся многогранным и комплексным, вызывает существенные проблемы и задачи начиная от социально-экономических, технологических до политических включительно. Сегодня мы наблюдаем за масштабными конфликтами, итог которых в современном мире в большей мере непредсказуем, что еще раз подчеркивает необходимость обращения к средствам и инструментариям политического характера.

Политическая область глобализации связана непосредственно с международным уровнем посредством некоторых политических структур, таких как Европейский Союз или межправительственные организации, например, Международный Валютный Фонд.

XXI век становится особым, своего рода критическим столетием в человеческой истории. Именно в этом веке решается судьба человеческого рода на планете Земля, его выживание и сохранение окружающей природной среды. Если мировому сообществу не удастся реализовать эти гуманистические цели, то уже в текущем столетии может разразиться социально-экологическая катастрофа планетарного масштаба, либо иная, связанная с умножающимися глобальными угрозами и проблемами. XXI век должен стать веком выживания цивилизации и сохранения биосферы как естественного фундамента человеческой и любой другой жизни, либо самым трагическим столетием в истории цивилизации, приблизившим «конец света» в его глобальном варианте.

Для того, чтобы человечество смогло выжить необходимо коренным образом трансформировать процесс развития, изменив общечеловеческие ценности, цели и ориентиры поступательного движения, поскольку они сформировались в модели неустойчивого развития (так на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. – ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро была названа та форма развития, по которой продолжает пока развиваться наша цивилизация). На ЮНСЕД было принято беспрецедентное решение изменить модель, или форму мирового развития, превратив неустойчивое развитие в УР. Ни одна даже самая вы-

сокоразвитая страна (а тем более другие государства) не сможет перейти на путь УР, не изменив кардинальным образом способы и механизмы развития, не выбрав новые цели и принципы, не осознав специфику своего национального развития и обеспечения безопасности, которые были намечены в «Повестке дня на XXI век» (1992 г.), принятой всеми странами ООН на ЮНСЕД.

Речь также идет о Плате выполнения решений Всемирного саммита по устойчивому развитию (ВСУР) в Йоханнесбурге в 2002 г. и других официальных документах ООН, нацеливающих мировое сообщество на переход к УР. Что уже требует не только от Республики Молдова, но и от всех других стран мирового сообщества перехода на новую стратегию развития – уже не модернизационно-догоняющую, а инновационно-опережающую, только благодаря которой и можно будет обеспечить выживание и безопасность всего человечества, а не какой-то его части, стремящейся приватизировать будущее в ущерб остальной части населения планеты.

Сегодня, как отмечают В. Жук и И. Русанду, каждое государство должно учитывать в своей деятельности три группы интересов, которые взаимосвязаны благодаря новым реалиям: собственные, других стран и глобальные.

Из официальных рекомендательных документов ООН становится понятным в том, что практическое осуществление перехода к УР предполагалось начать еще с 2005 г. Именно начиная с этого года в течение десятилетия государства планеты (входящие в ООН) должны были подготовиться в концептуально-стратегическом и организационно-управленческом плане к реализации новой цивилизационной парадигмы, т.е. создать концепции, планы действий, стратегии, программы, органы (службы, советы и т.п.) для того, чтобы реализовать новый для мирового сообщества курс (форму) социально-экономического и экологического развития. Десятилетие 2005–2014 годы становится, по решению ООН, декадой начала перехода мирового сообщества к УР и одновременно десятилетием перехода к образованию в интересах УР.

В научной литературе довольно часто употребляется понятие «модель устойчивого развития», что имеет, по меньшей мере, двоякое значение: во-первых, то, что это ещё не существующий тип развития, который появится в будущем, а пока представляет собой концептуальную (или иную, например, компьютерную модель), т.е. некоторую виртуальную реальность. Во-вторых, «модель устойчивого развития» подразумевает

формирование новой формы общественного развития, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые обеспечивают выживание и дальнейшее длительное прогрессивное развитие человечества и сохранение биосферы. Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социозэкосистемы в планетарную несущую емкость, т.е. обеспечивающую двуединую задачу – выживание человечества и сохранение природной среды его обитания (биосферы).

Переход к новой форме или «модели» цивилизационного развития – УР, пока существующей лишь в виде политических деклараций и рекомендательных документов ООН, была вызвана в основном причинами, связанными с экологией и обеспечением безопасности в самом широком смысле. Однако все страны находятся в разном социально-экономическом и экологическом положении. Поэтому в общемировом переходе к устойчивому развитию добавляется та или иная специфика такого перехода. Сказанное относится и к Республике Молдова, для которой также идет речь о совмещении общецивилизационного перехода к УР и модернизационно-инновационного развития, отражающего специфику современного этапа развития страны. Внешняя политика и политика безопасности находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, особенно в случае Республики Молдова, что очень важно не только для утверждения на международной арене, но в участии в процессах кооперации на двух и много латеральных уровнях, в сохранении мира и восстановлении постконфликтных ситуаций.

Переходной процесс к УР имеет глобальный характер и в перспективе устойчивой цивилизации требует необходимости планетарного управления процессом этого перехода. Это означает, что начавшаяся глобализация должна получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР становясь не стихийным, а социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом поступательного движения единого человечества. При «вписывании» процесса глобализации в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, «вырываясь» из старой модели развития, т.е. вместо стихийного процесса становились бы процессом управляемым.

Это также означает, что все основные акторы современного, а тем более будущего процесса глобализации должны работать на переход к УР.

Особенно это относится к международным организациям, деловым кругам, прежде всего к ТНК, ряд из которых уже приняли соответствующие заявления о приверженности политике УР, например, в рамках Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию. Однако наиболее масштабное содействие бизнес-структур глобализации через УР стал развертываться благодаря появлению Глобального договора ООН.

Идея Глобального договора была выдвинута Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном на Всемирном экономическом форуме в Давосе в конце 1999 г., но официальный старт этой инициативе был дан в июле 2000 г. Генсек ООН обратился к лидерам крупнейших компаний мира с призывом присоединиться к такой международной инициативе как Глобальный договор, в формате которого создаются возможности для сотрудничества бизнеса с учреждениями ООН, профсоюзами, неправительственными организациями для реализации всеобщих принципов социального равенства и сохранения окружающей среды в интересах УР.

Глобальный договор ООН – международная добровольная инициатива, направленная на распространение принципов социально-ответственного ведения бизнеса, является политической платформой и практической основой для деятельности компаний, приверженных идее перехода к устойчивому развитию. Глобальный договор ставит задачу развития принципов социальной ответственности бизнеса, обеспечения его участия в решении наиболее острых проблем глобализационных процессов. Договор призывает лидеров предпринимательских кругов руководствоваться на практике в сфере своей деятельности десятью принципами в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды, противодействия коррупции, которые в иной редакции входят в состав принципов УР.

Сейчас к Глобальному договору ООН присоединились тысячи компаний, в том числе и ТНК как один из акторов глобализации, представляющие самые разные регионы мира, а также профсоюзы, неправительственные организации. Глобальный договор представляет собой систему отношений в форме сети, организованной на базе Бюро Глобального договора секретариата и шести учреждений ООН: Бюро верховного комиссара по правам человека; Программы ООН по охране окружающей среды; Международной организации труда; Программы развития ООН; Организации промышленного развития ООН; Бюро ООН по борьбе с наркотиками и преступностью. В сферу действия Глобального договора вовлечены многие слои общества: правительства стран, сформули-

ровавшие принципы, положенные в основу договора; деловые круги и трудящиеся, участвующие в управлении и производственных процессах глобального уровня; организации гражданского общества, выражающие интересы заинтересованных сторон.

Между тем процесс стихийно развертывающейся (это замечание не относится к его вестернизационной форме, которая управляется, не в интересах всего человечества) глобализации характеризуется тем, что его политическая составляющая существенно отстает от экономической (и от информационной). Причем это отставание иногда даже представляется в качестве основного противоречия современной эпохи, поскольку мировое сообщество, ставшее уже в ряде отношений единым, лишено соответствующей системы управления, необходимых для этого глобального права и способов эффективного правоприменения (даже для имеющихся международных нормативных актов).

Подобного рода управление на всех уровнях должно быть связано с уменьшением (и в перспективе с элиминацией) негативных (социопатологических черт) современного цивилизационного процесса и поддержкой позитивных, с точки зрения стратегии УР тенденций. В ходе такого управления формируется «УР-направленный процесс» глобализации (отличающийся от его современной стихийной и модернизационно-вестернизационной ориентаций) все более стремящийся к магистрали устойчивого развития.

Одно из системных отличий модели УР от модели НУР как раз и заключается в различной роли составляющих глобального (мирового) развития. А именно, если в модели НУР доминирует экономическая составляющая этого развития, то в модели УР, существующей пока лишь в теоретико-виртуальной форме, преобладает именно политическая составляющая. Ведь принятое на ЮНСЕД решение о смене формы цивилизационного развития экономически не обосновано, как, впрочем, оно не аргументировано и с позиций современной науки, основанной на практике, которая для УР фактически не существует. Это решение носит принципиально политический и стратегический характер и базируется на желании весьма незначительного числа населения планеты (некоторой интеллектуальной элиты) сохранить человечество и продолжить его существование на неопределенно долгие времена в будущем. Это политическое решение принято интеллектуальной элитой Земли и отнюдь не носит демократического характера, поскольку если его вынести на голосование, то большинство народонаселения проголосовало бы против та-

кого решения. Политический вес такого решения доминирует над всеми иными аргументами и базируется на осознании опережающей потребности выживания человечества.

Вскоре после ЮНСЕД была высказана мысль о том, что концепция УР представляет собой то возможное направление развития человечества, которое позитивно повлияет на решение глобальных проблем. Спустя более пятнадцати лет эта мысль обрела свою довольно серьезную аргументацию и научную основу, на которую мы опираемся в последующем изложении.

Политические идеи – рекомендации ООН по переходу к УР должны превратиться в реальные политические нормы и отношения каждого государства по управлению синхронно-кооперативным движением к новой модели развития всей цивилизации. Отметим еще одну важную особенность идеи устойчивого развития, которая была предложена на наднациональном, общемировом уровне, а не в отдельно взятой стране либо отдельным политиком или ученым.

На наш взгляд, принятые вначале на ЮНСЕД, а в дальнейшем на ВСУР и на других международных форумах по устойчивому развитию под эгидой ООН документы представляют собой «информационные материалы», которые имеют идейно-концептуальную базу, «мягкую» нормативно-стратегическую ориентацию, социально-политические рекомендации и источник будущих норм, регулирующих переход к устойчивому развитию. До недавнего времени при рассмотрении проблем устойчивого развития в основном обращалось внимание на их концептуально-стратегическое содержание. И здесь мы также не обойдем эти аспекты проблемы устойчивого развития, однако сосредоточим внимание на политические аспекты обсуждаемой темы. Эти вопросы только начали исследоваться и сейчас они представляют наибольший интерес, причем и здесь акцент будет сделан на научной стороне исследуемых проблем.

Важные документы, которые были приняты в 1992 г. в Рио-де-Жанейро были адресованы государствам планеты и ими в определенной мере стали уже руководствоваться в каждой стране.

Идея о том, что ведущую роль в переходе к устойчивому развитию будут играть государства, была осознана еще в ходе ЮНСЕД. И не случайно. «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию», провозгласившая 27 принципов перехода к устойчивому развитию, обращена, прежде всего, к государствам планеты.

Разумеется, подчеркивая определенное усиление роли государства, мы вовсе не считаем, что все усилия и тяготы по переходу к устойчивому развитию должны пасть целиком на него. Без эффективного взаимодействия правового государства с открытым гражданским демократическим обществом вряд ли произойдет эффективный переход к устойчивому будущему. Как считает бывший председатель Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию С. Шмидхейни, «одними правительственными решениями невозможно реализовать концепцию устойчивого развития, так как в производстве и потреблении участвуют миллиарды людей. Правительства должны создать предпосылки и условия, в которых она будет развиваться».

Очевидно, что для осуществления перехода к устойчивому развитию государственное управление в этом процессе предполагает разработку системы программных и прогнозных документов: государственной стратегии долгосрочного характера; долгосрочных и среднесрочных прогнозов, включающие в качестве составного компонента прогнозы изменений окружающей среды и отдельных экосистем в результате хозяйственной деятельности; краткосрочные прогнозы и программы общегосударственного уровня.

Вместе с тем разработка этих направлений требует нового теоретического витка фундаментальных разработок, расширение фронта концептуальных политико-правовых горизонтов. Имеющиеся на сегодня разработки в области права и политологии еще не составляют необходимых научных основ реализации государственного управления переходом к устойчивому развитию. Вот почему важно понять природу государственной стратегии и политики будущего развития, перспектив эволюции российской государственности под влиянием перехода к устойчивому развитию и трансформаций самого феномена государственности в глобальном ракурсе.

Переход к устойчивому развитию в глобальном масштабе, вероятно, будет происходить при участии большинства или даже всех государств планеты и, прежде всего, около двух сотен государств, входящих в ООН. Именно государства являются наиболее стабильными и мощными механизмами управления, через которые и будет проходить главная магистраль глобального движения мирового сообщества к устойчивому развитию. Ведь именно у государства имеются главные рычаги управления, которые необходимы для конструирования и создания того глобального будущего, которое связывается с устойчивым разви-

тием. В связи с этим можно утверждать, что роль государства и государственного управления (регулирующего) в условиях формирования открытого гражданского общества будет возрастать в ходе реализации новой цивилизационной модели.

Следует понимать, что роль государства не сводится только в таких его трансформациях, которые эффективно способствовали бы глобальному переходу всего мирового сообщества на путь устойчивого развития. Но речь идет об отходе от традиционного понимания государственности во всех прежних теоретических вариантах и становлении новой – ноосферной государственности. Вместе с тем, делая акцент на формировании нового государства и его деятельности, направленной на переход к устойчивому развитию, важно видеть также глобально-цивилизационные горизонты и формирование нового типа гражданского общества в планетарном и конкретно местном измерениях.

Отход в последнее время от классового подхода в обществоведении привел к мнению о том, что любое государство всегда действовало в первую очередь в интересах всех его граждан, а во вторую – выполняло функцию классового подавления. В тех случаях, когда эти приоритеты были иными, государство не оказывалось стабильным образованием. В этом варианте видения государство выступает средством интеграции и стабилизации всего общества, выполняя интегративные общесоциальные функции. В ходе исторического развития роль этой объединительной функции увеличивается, что придает государству все большую устойчивость. С этих позиций включение государства в модель устойчивого развития объективно выдвигает интегративно-социальную функцию на первый план, не отвергая, однако, и функцию подавления тех социальных групп, которые могут противиться продвижению по новому цивилизационному пути. Такое видение движения по пути устойчивого развития выдвигает на приоритетное место именно средний класс, как более всего заинтересованный, духовно и материально подготовленный к новому цивилизационному повороту. С этих позиций менее перспективными классами представляются бедные и богатые, ибо каждый из них в силу разных причин субъективно меньше заинтересован в смене курса развития в сторону политической и стратегической устойчивости.

И хотя в реальной истории конкретных государств можно проследить оба направления формирования государственности – и классово-организованное насилие, и обеспечение общего блага, тем не менее видение будущего государства как механизма согласования различных жизненных

интересов и потребностей социальных классов, групп, объединений и отдельных граждан представляет значительный методологический интерес для развиваемой здесь темы. В самом деле, если реальное государство сочетает в себе функции подавления и объединения, то их надо ориентировать на цели достижения устойчивого развития. Если государство сможет объединить своих граждан на эти цели, значит, оно окажется одним из важнейших механизмов на пути реализации новой цивилизационной модели. А это означает, что государство не отомрет и даже усилит свою роль при глобальном переходе к устойчивому развитию. Напротив, оно может окрепнуть, играя роль мощной консолидирующей силы подавления социальных групп (классов, индивидов), объективно и субъективно препятствующих прогрессу на пути к устойчивому развитию. Словом, функция насилия также не исчезнет, а примет иные формы своего осуществления в плане обеспечения выживания населения, проживающее на его территории и сохранения на ней природы.

В формируемой сейчас новой концепции «устойчивого этатогенеза» предстоит переосмыслить роль экологических и других природных факторов. Особенно это касается дальнейшей эволюции феномена государственности. Сказанное выше должно убедить в том, что без учета природных факторов и решения экологических и других социоприродных проблем у любого государства планеты просто нет будущего и, видимо, не было прошлого. Но определенный «экологический ренессанс» в видении этатогенеза, да и сущности государства вообще необходим, отрицая важную роль природно-географических факторов, традиционная социально-политическая концепция тем самым обрекает феномен государственности на исчезновение в результате грядущей глобальной экокатастрофы. Сохранение этого важного феномена и фактора эволюции на этапе перехода к устойчивому развитию мирового сообщества требует как нового – не столь политизированного и социологизированного видения возникновения и природы государства, так и его будущего.

Политика как феномен общественной жизни предполагает сознательную деятельность субъектов, направленную на достижение, удержание, укрепление и распределение властных функций или между государствами, или внутри государства между группой людей (что реализуется также в процессе глобализации). Для осуществления целей устойчивого развития важна реализация властных отношений и функций не только на государственном, но и на глобально-международном уровне. Политическая деятельность, будучи системным феноменом, тем не менее, разде-

ляется на отдельные сферы, соответствующие основным общественным функциям государства, т.е. на экономическую, социальную, экологическую и т.д. В этом же плане мыслится и деятельность в области реализации устойчивого развития, которая будет «перераспределять» структуру властных отношений в социуме, в том числе и мировом сообществе.

Синтагма «экологическая политика» содержит два ключевых слова – «экология» и «политика», и находится в предметном поле пересечения содержания упомянутых понятий. Экологическую политику довольно часто просто отождествляют с экологической деятельностью и такое слишком широкое понимание экополитики вряд ли проясняет специфику обсуждаемого понятия. Экополитика, на наш взгляд, это такая экологическая деятельность, которая включается в сферу политики, становится одной из составляющих политической деятельности. И при этом экополитика не уходит целиком в эту последнюю сферу, а остается в сфере экологической и других областей человеческой деятельности.

Эффективная экополитика предполагает возвращение государству активной роли в социальных процессах. Экологическая политика затрагивает всех субъектов, которые занимаются влиянием на распределение властных функций по поводу экологических отношений. Причем как в плане решения экологической проблемы внутри страны, так и вне, включая экологические отношения между государствами, в том числе и в глобальном масштабе, что в данном случае представляет интерес, поскольку глобальная экополитика в условиях глобализации должна реализовываться через переход к «устойчивой глобализации».

Можно согласиться с В.Г. Игнатовым и А.В. Кокиным, что «экологическая политика – это система мероприятий, направленных на регулирование состояния окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в рамках какой-либо территории или мира в целом (глобальная экологическая политика)».

Для нас важно понять содержание экологической политики, проявляющейся в процессе глобализации и ориентирующейся на стратегию и более широкую и системную политику устойчивого развития. Можно дать условное наименование такой экологической политике - «устойчивая экополитика». Итак, «устойчивая экополитика» представляется нам как в качестве совокупности концептуально-теоретических систем, так и практических действий в области экологии, влияющих на перераспределение властных функций и управления, способствующих переходу к устойчивому развитию. Именно такого рода глобальную политику про-

водит ООН, формулируя цели мирового сообщества как цели глобального перехода к устойчивому развитию.

Итак, экополитика в модели устойчивого развития – это любая экологическая деятельность, использующая политические (и другие, связанные с политикой) факторы и средства для реализации новой цивилизационной парадигмы.

Стратегической целью государственной экологической политики является поддержание целостности природных систем и их жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, улучшения здоровья населения и обеспечения экологической безопасности страны. Причем для достижения этих целей необходимо решить следующие задачи: сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества; обеспечение рационального и устойчивого природопользования и равного доступа к природным ресурсам ныне живущих и будущих поколений; обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, как необходимого условия достойного качества жизни и здоровья населения.

Пересечение двух сфер деятельности – экологической и политической, имеет глубокий смысл для определения их отношения к глобализации и устойчивому развитию. Если экологическая деятельность входит в саму стратегию устойчивого развития (хотя и претерпевает трансформации, о которых далее пойдет речь), то деятельность политическая обычно выводится за скобки этого развития и создается впечатление, что новая цивилизационная парадигма в равной степени касается лишь экономики, экологии и социальной сферы.

Между тем, политическая деятельность оказывается не только рядоположенной и равноправной с упомянутыми составляющими системы устойчивого развития, но и на определенных этапах становится решающей составляющей. Это уже продемонстрировано на ЮНСЕД в 1992 г. и на ВСУР в 2002 г., где все принятые официальные документы носят рекомендательный политический характер. Более того, с принятием этих глобальных политико-мировоззренческих рекомендаций ООН начала формироваться не просто как экополитика в глобальном масштабе (этот процесс фактически идет со Стокгольмской конференции по окружающей среде, 1972 г.), а также как и общемировая политика в области устойчивого развития. Это новый планетарно-политический процесс экологической глобализации, который направлен на реализацию стратегических

решений упомянутых форумов ООН. Он стимулирует и национальные эколого-политические процессы, формулировку государственных концепций, стратегий и других официальных документов и даже законов.

Возможно, что диалектика и содержание понятия «политика в области устойчивого развития» сократится до словосочетания «устойчивая политика», в которую войдет вся мыслимая деятельность по осуществлению стратегии устойчивого развития, либо даже до более приемлемого понятия „политика устойчивого развития”. Соответственно, «устойчивая экополитика» также должна быть включена, как и соответствующая экономическая политика, социальная политика и т.д. Сосредоточим далее внимание именно на экологической политике, ориентированной на планетарную стратегию устойчивого развития и выясним, чем «устойчивая экополитика» отличается от «экополитики» в современном устойчивом развитии.

Прежде всего, уместно отметить, что речь пойдет о более системном характере экополитики как направлении экологической (и тоже политической) деятельности. До появления стратегии устойчивого развития экополитика носила в основном ведомственно-отраслевой характер, ориентированный преимущественно на решение локальных экологических проблем. Более системный характер «устойчивой экополитики» касается не только перехода от локальных экосистем к глобальной системе. Экополитика оказалась более тесно связанной с экономической политикой, социальной политикой и другими сферами политической и человеческой деятельности в процессе их глобализации и регионализации (глокализации).

Глокализация, на наш взгляд, выражает процесс «столкновения» глобальных и местных факторов и тенденций, т.е. глокализация выступает как взаимодействие внешнего (глобализация) и внутреннего (локального) процессов. Глобализация как процесс воспринимается позитивно либо отторгается, если, воздействуя на определенную территорию с населением, создает соответствующий эффект. Например, в случае экологической глобализации глокализация состоит в восприятии планетарно-экологических требований для реализации их на местном уровне, в частности, речь идет о создании «местных повесток дня» (локальных стратегий устойчивого развития) для реализации устойчивого развития мирового сообщества. Локальные экологические требования должны «вписываться» в глобальную стратегию устойчивого развития, подчиняться, а не противоречить ей. Т.е. в процессе экологической глобализации (проводимой в соответствии с принципами устойчивого развития)

планетарные цели и императивы экополитики большей части мирового сообщества должны оказаться приоритетными и основополагающими.

В принципе, к устойчивому развитию в глобальном масштабе можно перейти даже если некоторые части территорий и отдельные местности (страны) еще будут находиться в «зоне неустойчивости». Здесь действует «принцип устойчивости», когда целое (в данном случае мировое сообщество) может выйти на магистраль устойчивого развития в случае если часть (отдельные страны) может оказаться в рамках старой модели развития (например, страны, входящие в ООН, перейдут на новую стратегию, а страны, не входящие в ООН будут продолжать свое инерционное движение в модели неустойчивого развития). В этом случае могут реализоваться две версии глокализации – одна будет происходить через устойчивое развитие (для большинства стран) и другая будет идти по старому сценарию (однако в случае, если это будет происходить в пределах некоторой меры).

Один из существенных вопросов реализации устойчивого развития будет связан с тем, какое количество стран (территорий) должно принять императивы устойчивого развития для того, чтобы оно состоялось в целом для мирового сообщества. Теоретически ясно, что в это количество стран должны войти все, так называемые «экологические тяжеловесы» (США, Россия, Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, Германия, Япония). Однако практически это количество стран (территорий) будет определяться по мере фактического продвижения в направлении устойчивого развития. Это своего рода «демократия стран», участвующих в таком переходе, когда добавление еще одной составляющей в пользу устойчивого развития создаст «эффект целостности», после которого движение по пути новой цивилизационной стратегии окажется гораздо более стремительным, чем до достижения этого порогового системно-синергетического эффекта.

Таким образом, устойчивая экополитика должна исходить из приоритета глобальных принципов, императивов и целей по отношению к аналогичным локальным, национальным, региональным характеристикам. Подобная ситуация при переходе к устойчивому развитию касается абсолютно всех видов деятельности, которые должны исходить из приоритета осуществления целей перехода к более широкой – в данном случае – глобальной системе. Ведь переход к устойчивому развитию возможен лишь в глобальном масштабе, что обусловлено не только социальными процессами глобализации (стремлением к единству цивилизации), но и биосферными факторами обеспечения устойчивости экосистемы Земли

и приведения деятельности всего мирового сообщества в соответствие с адаптационными возможностями природной среды.

Следующая важная на наш взгляд особенность устойчивой экополитики – признание невозможности нормального человеческого развития при деградации природной среды. Это означает необходимость объединения при проведении устойчивой экополитики обеспечения экологической безопасности (и других видов безопасности) с эффективным и оптимальным развитием (как экоразвитием, так и другими видами человеческого развития). И хотя в традиционной экополитике имела место ориентация на связь охраны природной среды и развития, эта связь реализуется различными способами в разных цивилизационных моделях. В модели неустойчивого развития приходится все больше тратить усилий и средств на обеспечение безопасности, здесь «защитная» деятельность и развитие разделены и фактически противоречат друг другу в качестве антагонистов. Устойчивая экополитика предполагает соединение действий по развитию и обеспечению безопасности (прежде всего экологической) в единую систему, в которой достигается эффект обеспечения всех видов безопасности в основном через устойчивое развитие и меньше – через защиту.

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности в перспективе – системы «безопасность-развитие» привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее – через устойчивое развитие. Причем этот тезис, который был предложен еще в 1995 г., нашел поддержку в 2000 г. в одном из докладов бывшего Генерального секретаря ООН, отметившего, что «справедливое и устойчивое развитие является одним из необходимых условий обеспечения безопасности, однако обеспечение минимальных стандартов безопасности, в свою очередь, является одной из предпосылок развития. Стремление решать одну задачу в отрыве от другой не имеет большого смысла».

Следующий более специфический принцип устойчивой экополитики связывает экологию и природопользование в единую «устойчивую систему». Это означает, что сохранение и восстановление природной среды должно быть органически сопряжено с рациональным освоением невозобновимых природных ресурсов и неистощительным использованием возобновимых ресурсов и факторов окружающей среды. Причем эта связь должна исходить из приоритетности сохранения биосферы и ее экосистем (представляющих естественный фундамент и условия

жизни) по отношению к использованию ее ресурсов (которые можно изымать из природы только в пределах несущей емкости экосистем). Последовательное проведение этого принципа означает кардинальный отход от природопокорительной стратегии в рамках так называемого рационального природопользования (не являющимся таковым в модели неустойчивого развития) к консенсусно-коэволюционной стратегии во взаимоотношениях человека с окружающей средой и к устойчивому природопользованию.

Еще одно отличие устойчивой экополитики от традиционной связано с обеспечением и трансформацией принципа справедливости. Предполагается глобальное расширение этого принципа от социальной справедливости (фактически не работающего в модели неустойчивого развития) до принципа социоприродной справедливости, имеющего прямое отношение к устойчивой экополитике. Если в настоящее время приоритетом в этом плане является справедливое распределение благ от ресурсов и равного доступа к ним (забота о нынешних поколениях в плане улучшения здоровья и качества жизни населения, улучшение снабжения природными и другими ресурсами и социальными благами, увеличение продолжительности жизни человека путем снижения действия негативных экологических факторов), то в перспективе к этим направлениям добавятся новые, характеризующие переход к устойчивому будущему. Это удовлетворение упомянутых и других жизненно важных потребностей и интересов будущих поколений (темпоральное расширение принципа социальной справедливости). Наряду с «трансляцией» этого принципа в будущее, экополитика должна будет ориентироваться на систему принципов, которые уже сформулированы в Хартии Земли и предполагают глобальное расширение «справедливости» в определенной степени и на живые существа, что должно существенно ослабить действие абсолютизированного в модели неустойчивого развития принципа антропоцентризма. И хотя мы не предполагаем, что произойдет переход на позиции биоцентризма, тем не менее появляется перспектива формирования коэволюционной стратегии во взаимоотношениях человека и биоты (гармонизация принципов антропоцентризма и биоцентризма).

Кардинально новым для устойчивой экополитики является принцип опережающих исследований и действий. Хотя этот принцип в незначительной степени уже использовался и в модели неустойчивого развития, главным же была иная экологическая деятельность – ликвидация негативных последствий чрезвычайных и катастрофических ситуаций, что на

порядок менее эффективно (даже в экономическом плане), чем их предупреждение. Опережающая деятельность напрямую связана с упомянутым принципом приоритета глобальных императивов при проведении экополитики. Ведь глобальную экокатастрофу можно только предотвратить, поскольку ликвидировать ее последствия будет просто некому. Вот почему необходимо предотвращение экологических и иных негативов хозяйственной деятельности уже на стадии принятия решений и разработки проектов природообразующей деятельности. А в случае, если последствия (в том числе и отдаленные) не могут прогнозироваться достаточно надежно в условиях недостатка научной информации и неопределенности, то необходимо отказаться от экономических и иных решений и проектов, сопряженных с воздействием на окружающую среду.

Еще одну особенность новой экополитики, ориентирующейся на глобальный переход к устойчивому развитию, можно назвать социальной всеобщностью реализации социально-экологической политики. Дело в том, что несмотря на то, что на мировом уровне в процесс Рио-92 так или иначе включены все страны ООН, тем не менее подавляющее большинство населения планеты даже и не слышало о переходе к устойчивому будущему, поскольку их интересует лишь удовлетворение сиюминутных потребностей. Сейчас важно активизировать и расширить участие гражданского общества, прежде всего деловых кругов, неправительственных и других организаций, местных общин и органов самоуправления в подготовке и принятии решений по переходу к устойчивому развитию, особенно его экологической составляющей, интенсифицировать процессы обмена информацией в области экологии и других сфер упомянутого перехода. Это в какой-то степени уже достигается через реализацию упомянутого Глобального договора ООН, который реализуется уже в течение десяти лет. Важная роль в этом процессе отводится и государству, которое должно взять под свой контроль процессы перехода к устойчивому развитию, чтобы представить такой переход как основную свою стратегическую цель, задействовав политические механизмы и создавая для этого законодательно-правовую базу.

Последняя из рассматриваемых здесь особенностей устойчивой экополитики связана со стратегической ее ноосферной ориентацией. Идея ноосферной ориентации устойчивого развития заключается в том, что его конечной целью представляется становление сферы разума. Это означает, что в экополитике на первый план выдвигается информация в качестве главного ресурса развития по сравнению с вещественно-энергетическими

ресурсами и, соответственно, ожидается переход на интенсивно-коэволюционный путь развития (в котором минимизируются количественные и максимизируются качественные факторы и источники). В силу этого переход на магистраль устойчивого развития предстает как информационноемкая стратегия (и очередная информационная революция), что требует не только усиления информационного обеспечения и мониторинга, но и опережающее развитие научных знаний об экологических и других социоприродных факторах устойчивого развития, а также ноосферных трансформаций в области науки, образования, технико-технологическом потенциале, системах управления. Причем важнейшую роль в этом процессе ноосферизации через УР будет играть наука и образование.

На наш взгляд, в устойчивой экополитике существенное место должно уделяться процессам глобализации. Причем одно из приоритетных мест должно быть их экологическая составляющая, поскольку эта составляющая будет играть весьма существенную роль в национальной экополитике любой страны, ориентирующейся на реализацию целей устойчивого развития при одновременном соблюдении национальных интересов. Ведь до сих пор как многие процессы глобализации, так и экологизации происходили стихийно, а в свете идей, нашедших развитие на ВСУР в Йоханнесбурге и других форумах ООН, важно направить их течение по траектории устойчивого развития, включая в равной степени основные составляющие (экономическую, экологическую, социальную, политическую). В перспективе реализации политики устойчивого развития, течение процессов экологизации и глобализации должно идти «через устойчивое развитие», а это потребует выработки нового подхода к пониманию начала нового этапа процесса глобализации, отличного от того, который обычно вкладывается в понятие глобализации как стремления человечества к своему планетарному единству.

Если глобализация обычно воспринимается как системное обретение целостности человечества в ходе пространственной интенсификации социальной деятельности на планете, то переход к УР как глобальный процесс темпорального продолжения существования цивилизации. Тем самым глобальное развитие через УР предстает как единый пространственно-временной процесс дальнейшего безопасного существования и прогрессивной эволюции человечества.

Таким образом, глобализация, в целом, вызывает необходимость образования глубинных изменений в международной жизни, что способствует,

в свою очередь, более адекватного отражения сил и возможностей для развития современного мира. Принципиальные политические решения для устойчивого развития каждого государства/общества в отдельности принимаются на глобальном уровне, которые необходимо взять на вооружение всем без исключения, в том числе и государству Республика Молдова.

4.2. Глобальное управление в контексте перехода к устойчивому развитию

Интерес к глобально-управленческой проблематике неслучайно возник в связи с осознанием негативных эффектов глобализационных процессов и необходимостью решения глобальных проблем, которые неизбежно вошли в сферу властно-управленческих отношений. Обостряющийся антропо-экологический кризис ставит вопрос об эффективном управлении и оптимизации глобального развития, ориентированного на обеспечение выживания цивилизации и сохранение биосферы. Вместе с тем в настоящее время едва можно говорить о сформировавшемся глобально-социальном запросе на эффективную модель глобального управления цивилизационным развитием. Представляется, что современные подходы к проблеме глобального управления, существующие в международно-политической науке, склонны иметь дело скорее с социально-политическими симптомами антропо-экологического кризиса, чем с его системными причинами. Исследования генезиса и развития мирополитических процессов зачастую редуцированы до анализа отдельных проблем глобализации, в отрыве от глобального социоприродного контекста. Тем не менее, проблематика глобального управления в современном политическом анализе довольно богата и достойна подробного рассмотрения, особенно с учетом того, что некоторые элементы этого управления так или иначе придется внедрять и в модели неустойчивого развития, иначе перехода к УР просто не произойдет.

Нидерландский ученый Ф. Бирман отмечает, что научный дискурс вокруг глобального управления изначально был связан с возникновением международных режимов, число которых заметно возросло в 1980-х и 1990-х гг., и развивался вокруг вопросов влияния правовой среды этих режимов на политику суверенных государств. Рост популярности дискуссий о глобальном управлении в международном научном и политическом сообществе повсеместно связывают с расцветом так называемого «клинтоновского интернационализма и глобализма» и американского

мессианства, когда США пытались преподнести свою политику как выражение интересов всего мирового сообщества. После косовского конфликта стали громче звучать идеи о высших моральных императивах, которые неминуемо идут на смену «отжившим» нормам Устава ООН, а именно тем, которые касаются принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Дискуссии о размывании принципов государственного суверенитета, на которых основана Вестфальская система международных отношений, и представления о глобальном сообществе демократических государств как идеальном (консенсусном) мироустройстве подготовили почву для превращения глобального управления в одну из приоритетных тем для научного анализа. Ключевым следствием глобально-политических

трансформаций, ставших результатом возникновения и развития глобальной деятельности над- и транснациональных акторов и институтов (экономических, социальных, правовых и т.д.), стало сущностное изменение содержания понятия «власти». Последняя больше не является исключительной прерогативой государства-нации, будучи распределенной по всей структуре глобальной системы, характеризующейся отныне многообразием центров силы и источников принятия политических решений за его, государства, границами.

В контексте рассуждений о «кристаллизации» проблематики глобального управления в ее научном и политическом ракурсах следует обратить внимание на следующие аспекты трансформации мировой социально-политической реальности. Во-первых, очевидное изменение природы акторности международных отношений, а точнее - мировой политики, о чем написано немало работ. Речь идет о включении в глобальный процесс принятия решений, помимо официальных правительств, большого числа неформальных политических субъектов, среди которых: международные организации, неправительственные объединения, транснациональные корпорации, эпистемические сообщества и даже индивиды. О.Н. Барбанов отдельно обращает внимание на такой феномен рубежа 1990-х и 2000-х гг., как «символическое слияние межгосударственной дипломатии «первого уровня» и дипломатии новых акторов «второго уровня». «Это было связано как с предложением Программы развития ООН о создании второй палаты Генеральной Ассамблеи ООН, которая представляла бы новых акторов и тем самым уравнила бы их голос с нынешней «палатой государств», так и с деятельностью антиглобалистов по созданию сети

социальных форумов как эффективного инструмента влияния новых акторов на политику суверенных государств», - отмечает ученый.

Во-вторых, допущение возможности делегирования суверенитета наднациональным управленческим структурам во имя повышения «эффективности» социально-экономической и политической деятельности отдельных государств. Вестфальская система, как известно, отрицает возможность универсалистской иерархии в управлении, поскольку имеет одним из базовых элементов - принцип суверенного равенства государств. Прологом к этому отчасти стали идеологические концепции, возникшие в связи с окончанием холодной войны и исходившие из тезиса об усилении взаимозависимости мира: «Конец истории» Ф. Фукуямы, «Общеввропейский дом» М. Горбачева, «Переступая порог надежды» Иоанна Павла II, «Открытое общество» Дж. Сороса и др. Признание глобальной взаимозависимости и постепенное осознание «принципа общей неэффективности государственного управления по сравнению с регулированием в глобальном масштабе» привели к появлению нового критерия в оценке суверенитета, а именно - критерия эффективности. Она, как пишет О.Н. Барабанов, утверждалась а priori для всех государств в целом, но особенно эта неэффективность проявляла себя в случае так называемого *bad governance* - «плохого» управления в отдельных государствах. В результате, сначала интуитивно, а вскоре концептуально и даже институционально сформировался принцип «глобальной эффективности», который, какие бы интерпретации ни переживал, стал важнейшей находкой мирового сообщества, войдя в качестве ключевого компонента в большинство теорий глобального управления.

И, наконец, в-третьих, косовский прецедент продемонстрировал такое принципиально новое явление, как фактический приоритет морали/справедливости перед правом. Возникло представление о своего рода «суверенитете ответственности», который, в отличие от классической интерпретации суверенитета как принципиального и независимого верховенства государственной власти, предполагает обязанность государства обеспечивать соблюдение прав человека на своей территории. В этой связи О. Барабанов напоминает, что «после Косово звучали предложения о замене международного права, понимаемого «по-вестфальски» как право договоров суверенных государств на принципиально иное глобальное коммунитарное право («конституционное право народов»), базирующееся на идеях глобальной конституции, имеющей прямое дей-

ствие во всех государствах, и возрождении переосмысленных принципов древнеримского *jus gentium*». Таким образом суверенитет перестал быть безусловным атрибутом государства, одним из его важнейших критериев стала мораль.

Наряду с объективно-историческими предпосылками актуализации и развития «глобально-управленческого» дискурса формировалась и связанная с ними научно-исследовательская среда. В современную постановку проблемы глобального управления решающий вклад внес, в силу своего концептуального содержания, мирополитический подход, который предстаёт некой эволюционно-исторической формой неоллиберализма, критически осмысленного и дополненного с учётом тенденций, особенно явственно проявивших себя после крушения биполярного мира. Однако главной, на наш взгляд, концептуальной предпосылкой как научного, так и политического позиционирования проблемы глобального управления как реального запроса со стороны глобального социума стало зарождение и дальнейшее развитие научного знания о глобальных и мировых феноменах. Начало первого этапа его становления относят к рубежу 1960 - 1970-х гг., когда стал очевиден структурный кризис капитализма и западной цивилизации, проявившийся в возрастании частоты и масштабов экологических кризисов. Подлинный интерес к глобальной (в первую очередь - экологической) проблематике проявился после первых докладов созданного в 1968 г. Римского клуба - «Пределы роста» (1972 г.), «Человечество на перепутье» (1974 г.), «За пределами века расточительства» (1976 г.) и др. В 1972 году ООН провела в Стокгольме первую конференцию, посвящённую проблемам окружающей среды. Она вошла в историю как «Саммит Земли». Принципиальным вопросом, поднятым на конференции, стала сама идентификация «глобальных» экологических проблем как универсальных и разделяемых всеми без исключения. Тогда не только впервые было заявлено о включении в программы действий на правительственном уровне мер для решения проблем деградации окружающей природной среды, но и сформулирован важный принцип международного сотрудничества и необходимости принятия коллективных мер для решения глобальной экологической проблемы. Вторая историческая форма знания о глобальных и мировых феноменах развёртывается после кризиса начала 1980-х гг. и достигает пика на рубеже 1980-1990-х гг. с распадом мирового социализма и начинает всё больше включать в орбиту своего внимания мировые экономические и финансовые процессы,

размывание суверенитета, акцентируя внимание на унификации мира и его растущей гомогенности. Третий этап развития предмета глобалистики связан с кризисами середины 90-х гг., когда основной упор делается на культурное разнообразие и гетерогенность мира, развёртывание информационной революции и необходимость перестройки всего мирового порядка. Последние два этапа или исторические формы глобального знания как раз и ознаменовали собой интенсивный период становления глобалистики как междисциплинарной области научных исследований, изучающей глобальные процессы и системы.

В 1995 г. Комиссия ООН по глобальному управлению подготовила доклад «Наше глобальное соседство». В документе необходимость глобального управления обосновывалась тем, что его формирование представляется этапом эволюции человеческих усилий на пути разумной организации жизни на планете и этот процесс будет продолжаться всегда. По мысли авторов доклада, человечеству после эпохи глобального противостояния предоставляется шанс принять «глобальную гражданскую этику», фундаментальные ценности которой способны объединить людей всех религиозных, культурных, философских и политических воззрений.

Существенным фактором превращения глобальных проблем в один из центральных сюжетов международной политической повестки стал прогресс в области информационных технологий и исследований рисков и ущерба. Речь идет о созданных на международном уровне научных и экспертных сетях, занимающихся глобальной проблематикой. Эти «эпистемические сообщества» определяют масштаб угроз и степень неотложности мер по решению той или иной проблемы, верифицируют результаты исследований и инициируют взаимодействие между правительствами по формированию общественного мнения.

Следует также сказать несколько слов о событиях рубежа 1990-2000-х гг., которые оказали существенное влияние на развитие содержания теорий глобальном управлении. Мировой финансовый кризис на развивающихся рынках в 1997-1999 гг. спровоцировал ставшую фундаментальной дискуссией о трансформации «глобальной финансовой архитектуры» и институциональных реформах МВФ и Всемирного банка. Движение антиглобалистов, которое впервые «глобально» проявило себя на встрече ВТО в Сиэтле в 1999 г., инициировало социально-политический и культурный дискурс о теневом консенсусе в глобальном регулировании и предложило взамен «альтерглобализацию», основанную на новых формах социального консенсуса в мировой политике. Наконец, приход к

власти Дж. Буша-мл и операция США в Ираке в 2003 г. показали, что на смену «глобальному демократическому консенсусу» приходит идея одностороннего глобального доминирования ведущей державы как новой альтернативной модели глобального регулирования и управления.

Резюмируя вышесказанное, можно (довольно условно и схематично) очертить два блока предпосылок, предопределивших зарождение и дальнейшее оформление дискуссий о глобальном управлении.

1. Деградация окружающей среды, появление концепции устойчивого развития. Человек, овладев материало- и энергоемкими технологиями, во-первых, разрушил сложившиеся в течение доисторического антропогенного периода экосистемные равновесия в биосфере, во-вторых - в процессе рыночно-экономического развития, в погоне за сверхприбылью поставил под угрозу свою способность к гармоничному сосуществованию с окружающей средой и вообще - к гармоничному развитию. Как известно, с появлением концепции устойчивого развития сугубо экологический дискурс, ставший прологом к ее формированию, претерпел ряд трансформаций. Речь идет о поиске новой глобальной стратегии развития человеческой цивилизации. Современные исследования в этой области доказывают необходимость включения в расширенную концепцию устойчивого развития всей кризисной и «циклической проблематики». Учитывая глобальный, системный и социоприродный характер этих условий, данный комплекс предпосылок становления теории глобального управления можно именовать системно-социоприродными. При этом для мирополитических процессов, как одной из сфер глобальной социоприродной системы, обозначенные трансформации относятся, в первую очередь, к их средовым характеристикам, которые обладают объективно данной социоприродной сущностью. Поэтому эти же предпосылки можно также назвать глобально-средовыми. «От решения проблемы управления процессами глобализации, от выбора стратегии и тактики глобального управления, от применяемых средств и методов в конечном итоге зависят сохранение современной цивилизации и выживание человечества».

2. С точки зрения собственно мирополитической системы (которая, конечно, не может рассматриваться в отрыве от глобальносистемных социоприродных условий), речь идет, как уже выше отмечалось, об эрозии Вестфальской модели мира с ее принципом суверенного равенства государств, выводящей на повестку дня мировой политики (как

научного анализа, так и практики) вопрос о новых формах институциональной и процедурной организации процесса принятия решений на глобальном уровне. Этот блок предпосылок можно именовать структурно-политическими.

Прежде чем попытаться дать определение понятию глобального управления, необходимо проанализировать его содержание. Между тем, если употребление этого словосочетания (как *global governance*) уже давно перестало быть моветоном в экспертно-политических кругах, его концептуальное наполнение является предметом непримиримых споров.

В рамках существующих течений в теории международных отношений концепция глобального управления представляется неким глобальным политическим проектом, который стал ответом на неспособность социальных наук создать теоретический фундамент и инструментарий для объяснения современных трансформаций глобального порядка. В условиях отсутствия универсального центра власти и анархической международно-политической реальности ученые делают попытки концептуализировать сущность складывающегося мирового порядка. Появление понятия «глобальное управление» стало результатом этих усилий. Одни группы исследователей предлагают создавать более актуальные институты, соответствующие глобализационным реалиям. Другие высказываются за повышение эффективности уже существующих посредством наделения их более широким кругом полномочий. Существуют концепции и так называемого неинституционализованного политического управления глобальными процессами, которое может реализовываться как в форме глобального демократического консенсуса, так и в форме одностороннего глобального доминирования сверхдержавы. Так, сторонники «американской гегемонии» в глобальном управлении часто ссылаются на теорию «гегемонистской стабильности», имеющей большое число критиков. Дж. Най в своей работе «Парадоксы американской мощи: почему единственная мировая держава не может действовать в одиночку» (2002 г.) убедительно показывает, что в современной мирополитической реальности нельзя не учитывать цели и интересы других международных акторов.

Можно сказать, что сама политическая концепция глобального управления возникла как следствие ограниченности теоретических возможностей классического реализма и существующих функциональных парадигм в объяснении глобального порядка, сложившегося после окончания

«холодной войны». Новый глобальный «порядок» бросил вызов эмпирическим и нормативным основаниям государствоцентричной классической парадигме международных отношений.

Напомним, что реалисты (К. Уолтц, У. Макнил и др.) исходят из принципиальной анархичности международных отношений, где центральную роль играют суверенные государства, являющиеся унитарными рациональными акторами. Реалисты, таким образом, отводят мало места силам, действующим вне национальных границ, отрицая роль негосударственных акторов, гражданского общества и МПО. Согласно реалистической парадигме, государства стремятся к выживанию и максимизации своей мощи, а их интересы всегда представлены в терминах силы. Международная реальность здесь конфликтна по своей природе, глобальный порядок, согласно Уолтцу, определяется относительной мощностью государств-акторов, по принципу «помоги себе сам». Глобальный порядок организационно представляет собой не что иное, как государствоцентричный мультилатеризм, где рациональные автономные государства наращивают свои относительные преимущества в международной экономической конкуренции, подавляя более слабых соперников и сражаясь за международный престиж.

Институционализм, напротив, связан с широкой концептуализацией роли институтов, формальных и неформальных процедур, устоявшихся практик, норм и договоров, встроенных в организационную структуру, в установлении параметров международного порядка. Как отмечают П. Холл и Р. Тэйлор, несмотря на то, что исходной позицией институционалистов является тезис о конфликте между враждебными группировками за ограниченные ресурсы как сути политического взаимодействия, представители этого теоретического течения существенно расширяют представления о мирополитическом пространстве; в своих работах они показывают, что институты способны увеличивать или, наоборот, ограничивать влияние одних групп интересов по сравнению с другими, и что они (институты) в сущности являются «ключевым фактором, формирующим коллективное поведение и предопределяющим различные исходы». В рамках этой системы взглядов институты являются источниками устойчивых паттернов международного взаимодействия, нормативно ограничивая свободу выбора, распределяя ресурсы и власть, формируя стимулирующие факторы и предоставляя акторам различную степень уверенности в «настоящем и будущем поведении других акторов, а также

правовые механизмы для соглашений, санкций и нарушений». Таким образом, в рамках парадигмы институционализма международная система далеко не анархична, она обладает неявной или четкой структурой, которая влияет на поведение государств.

Несмотря на то, что институционалисты уделяют основное внимание формальным международным организациям (таким как МВФ и ООН), следует отметить, что неформальные нормы, процедуры и договоры также влияют на структуру и подспудно канализируют системные процессы. Так, например, в рамках институционалистской теории, Кеохейн и Най (2000) предлагают концепцию сложной взаимозависимости, рассматривающую комплексные транснациональные связи и взаимозависимость между государствами и обществом, в частности военные и экономические процессы, где государства уже не выступают наиболее адекватными единицами анализа. Теоретическое осмысление сложной взаимозависимости, в отличие от анализа исключительно формальных институтов, открывает путь к пониманию более системных и структурных аспектов международных отношений (МО), ставя под сомнения утверждения реалистов касательно их фатальной анархичности и облегчая кооперацию.

Между тем институционалисты вполне разделяют пессимизм реалистов по поводу перспектив создания системы глобального управления, а также их убежденность в эгоистической политике государств. Институты и процедуры (как формальные, так и неформальные) лишь облегчают рациональный выбор и повышают эффективность международного сотрудничества, но не детерминируют его содержание. Сведение проблематики глобального управления к вопросам институциональной структуры глобального порядка представляется неоправданным и, в сущности, редуccionистским. Так, Дж. Розенау отмечает, что международные режимы, с которыми связаны дискуссии о нормативных и институциональных основах мировой политики, действительно повышают прозрачность и предсказуемость поведения государств в международной системе. Однако они, по мнению ученого, являются лишь одной из форм «управления без правительства», возникающей в той или иной сфере международных отношений (например, экология, права человека, распространение ОМУ и др.), в то время как глобальное управление представляет собой «всеобъемлющую категорию». Кроме того, как отмечает британский исследователь К. Доудинг, институты непропорционально распределяют властный ресурс и доступ к рычагам принятия решений и

формирования повестки дня.

Весьма существенный вклад в развитие теории глобального управления внесли конструктивисты, посвятившие свои исследования анализу социальной природы идентичностей и интересов акторов и таких субъективных факторов, как идеи и восприятия. Они акцентируют внимание на том, как нормы, правила и институты формируют идентичности и интересы акторов, и исходят в своем анализе из интерсубъективного измерения человеческого поведения. Отрицая тезис реалистов об анархичности архитектуры мирового порядка, конструктивисты отстаивают положение, что «анархия - это то, во что государства превращают мировой порядок»: она не возникает и не существует сама по себе, но является результатом действий акторов. По А. Вендту, международная политика определяется общими идеями и культурой, а так называемый внешнеполитический ресурс становится таковым лишь в той мере, в какой это значение ему приписывают сами акторы. Таким образом, государство, согласно конструктивистам, - это конструкт, представляющий собой не более чем сложный набор социальных функций. И в этом идейно-ценностном социальном конгломерате функциональные связи и идентичности акторов переплетаются, смешиваются и создают «транснациональные модели восприятия взаимных интересов», обуславливая формирование регулируемых и зачастую институционализированных отношений между социальными группами.

Конструктивистская интерпретация феномена глобального управления зиждется на системе образования и восприятия идей (формируемой идентичностью и культурой). Эти «идеалистические» факторы имеют нормативное и инструментальное измерения, выражаются индивидуально и коллективно и зависят от контекста. Идентичности и интересы акторов, вовлеченных в глобальное управление и его концептуализацию, являются продуктом международного взаимодействия. Они описали интерсубъективное измерение концепции глобального управления, продемонстрировав более широкое понимание того, как международные институты способствуют формированию акторов, интересов и социальных целей, чего не было в государствоцентричных теориях. Между тем, согласно конструктивистам, невозможно создать какую-либо постоянную структуру глобального управления.

Плюралистическая парадигма ставит во главу угла роль негосударственных акторов. Она уже не рассматривает государство в качестве

центрального унитарного актора, но опирается на представления о сбалансированных взаимодействиях между различными общественными силами. В отличие от государствоцентричных концепций глобального управления, плюрализм рассматривает архитектуру международной системы как результат противоборства различных интересов, где государство лишь один из множества акторов. Легитимность и «прозрачность» являются производными от степени вовлеченности тех или иных групп в процесс принятия политических решений. Обличенные наибольшей властью акторы и группы интересов проявляют большую склонность к тому, чтобы провоцировать перемены и устанавливать правила игры.

Концепция плюрализма внесла принципиальный вклад в понимание природы сил, действующих вне государств-наций, а также развитие представлений об интересах и акторах как детерминантах развития государства и международной системы. Так, С. Тернер противопоставляет государствоцентричному реализму глобальное гражданское общество, которое мобилизуется вокруг проблем, с которыми не справляются государства и рынки¹. Тернер также отмечает, что глобальное гражданское общество активизируют новые технологии. И действительно, американский социолог М. Кастельс в своих работах показывает, как «революция в информационных технологиях» дала толчок развитию сетевой логики, что привело к постепенному упадку государства как основной политической единицы. Тернер утверждает, хотя глобальное гражданское общество может пересекаться и взаимодействовать с государственными акторами, оно становится все более от них независимым. О'Брайен, в свою очередь, предложил концепцию сложного мультилатерализма, чтобы показать возникновение гражданского общества и транснациональных общественных движений, которые нацелены на повышение прозрачности и возможности регулирования глобального управления через трансформацию глобальных экономических институтов. Между тем, данный подход, безусловно, уделяет мало вниманию такой важной проблеме, как асимметричное распределение власти и элитообразование в международной системе.

Каждое теоретическое течение вносит собственный вклад в концептуализацию глобального управления. Итак, реалистическая парадигма раскрывает центральную роль государств, важный аспект асимметричности власти в международной системе и ее анархическую природу. Институционалисты настаивают на включении институтов, норм и соглашений

как субъектов управления, выделяя различные типы взаимозависимости и подчеркивая многоуровневую структуру международной политики. Представители плюрализма ставят во главу угла роль негосударственных акторов в формировании международной системы и возрастающее значение глобальных сетей. Конструктивизм исследует интересубъективное измерение, акцентируя внимание на «идеационных» факторах и том, как нормы, правила и институты взаимно влияют на образование идентичностей и интересов акторов, а также принципиальной зависимости глобального порядка от контекста.

Хрестоматийным в контексте данной проблематики считается подход, предложенный Дж. Розенау, который использовал понятие «глобального управления» для описания процессов и механизмов регулирования отношений взаимозависимых акторов в отсутствие единого центра политической власти в международной системе¹. Ученый определяет глобальное управление как «управление без правительства» (знаменитая формула, ставшая уже своего рода клише в международно-политических исследованиях), знаменующее своим возникновением переход от этатизма к интеграции. В целом признавая принципиальную анархичность глобального управления, Розенау пытается вывести «степень, до которой функции управления реализуются в мировой политике в отсутствие специализированного института управления». Иными словами, Розенау делает вывод о реализации управленческих функций неправительственными акторами. Таким образом, он понимает под мировым порядком совокупность универсальных, разнообразных, фундаментальных, динамичных условий и моделей, присутствующих в каждом регионе, стране, международном взаимодействии, социальном движении и коммерческой организации и представленных на международном уровне. Опираясь в своей концептуализации на конструктивистскую парадигму, Розенау пришел к выводу, что мировой порядок поддерживается на 1) «идеационном»/ интересубъективном уровне; 2) поведенческом/ объективном уровне; 3) комплексном/ политическом уровне для создания основания для сотрудничества и извлечения коллективной выгоды в мировой политике. Кроме того, по Розенау, глобальный порядок зависит от контекста и материальных условий.

Хотя отдельные аспекты глобального управления все же нашли отражение в рамках тех или иных течений теории МО, ни одна из парадигм не смогла охватить всю сложность этого феномена. Между тем,

критически осмысленные, они позволяют составить некую комплексную картину глобального порядка, с учетом современных тенденций, закладывая теоретическую основу для адекватной концептуализации глобального управления.

Итак, во-первых, архитектура глобального порядка анархична, но не так, как понимали это реалисты (как «состояние вечной войны»), а как упорядоченная система, формируемая множеством акторов и разнообразием интересов в идеационном и интересубъективном смысле. Во-вторых, важно учитывать, что государства продолжают оставаться активными и значимыми акторами в глобальном порядке. Между тем позиция государств является уже не такой определяющей, как прежде. Центральная роль государств была социально обусловлена и основана на консенсусе. Относительная мощь, власть и набор функций государств и других акторов зависят от контекста, порядок их распределения и внутренняя структура со временем меняются. Пространство глобального управления включает всякую деятельность, выходящую за пределы государств, и учитывает (по крайней мере, должна учитывать) значимость идей и идентичностей акторов, как оказывающих решающее влияние на формирование международной системы и институтов. Наконец, относительная мощь представляется социальным конструктом, функционирующим на основе общественного договора. Относительная мощь того или иного актора и распределение власти в рамках системы глобального управления определяются теми, чьи интересы в конкретный временной период в наибольшей степени обслуживает глобальный порядок. Одним словом, глобальный порядок - это динамичная, всеобъемлющая, многоуровневая, упорядоченная и сложная глобальная система, где многочисленные государства и негосударственные акторы с различными идентичностями и интересами и неодинаковым доступом к источникам власти выполняют коллективную функцию глобального регулирования.

Между тем, очевидно, что даже предложенные выше выводы едва ли отвечают на вопрос о том, что такое глобальное управление. И эта трудность, а точнее путаница в определении этого феномена (или проекта?) является фундаментальной для современного международно-политического анализа. Следует признать, что доминирующим подходом в западных концепциях того, что в них именуется «глобальным управлением», является видение последнего как некоего конгломерата способов и инструментов реализации целей акторами глобальной политики. Ины-

ми словами, речь идет о процессе взаимодействия между различными акторами (индивидами, институтами и др.) в попытке согласовать или примирить конфликтующие интересы через практику коллективного принятия решений в различных сферах, выходящих за пределы государственных границ.

Так, например, согласно определению, данному Комиссией ООН по глобальному управлению, «управление» подразумевает под собой многообразие путей и способов, которыми индивиды и организации, государственные и частные, реализуют общие интересы. Ключевым исходным пунктом этой системы взглядов выступает постулат о возросшей взаимозависимости и усложняющейся структуре взаимодействия глобальных акторов, который сегодня сложно поставить под сомнение.

Исследователи фактически используют понятие управления для обозначения всей совокупности сосуществующих форм коллективного регулирования социальных процессов, включая саморегулирование гражданского общества, совместную деятельность государственных и частных акторов, а также осуществление властных полномочий официальными правительствами. В данном теоретическом подходе речь идет о структурных изменениях мирового социума, которые сделали возможным его относительную системную саморегуляцию. В этой связи А. Чумаков проводит уместную, на наш взгляд, аналогию с естественной саморегуляцией экосистем.

Этот же ученый справедливо обращает внимание, что существенным отличием социальных систем от биосферных является значительная роль активного, деятельностного начала в их развитии. То есть общественные системы должны характеризоваться способностью не только к саморегуляции, но и к управлению параметрами развития. Настаивая на необходимости разделять функции управления и регулирования, А. Чумаков описывает различия между ними следующим образом. «Так, регулирование (от лат. *regulo* - устраивать, налаживать, приводить в порядок) следует понимать как самопроизвольный процесс или преднамеренные действия, направленные на обеспечение функционирования той или иной системы в пределах параметров, заданных естественным или искусственным путем. <...> Управление же, в отличие от регулирования, естественным путем не возникает и стихийно не происходит. Оно всегда предполагает наличие субъективного фактора и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом». Управ-

ление, в отличие от регулирования, является, таким образом, сознательным, планомерным, целенаправленным действием, в основе которого лежит обратная связь и творческое начало. «Отсюда управление вообще и глобальное управление в частности, не может возникнуть случайно или только лишь в силу естественного хода событий, естественным образом», - пишет А. Чумаков. Здесь, конечно, можно возразить, что интерпретация Дж. Розенау также предполагает наличие субъектов глобального управления - многоуровневой и сложной системы независимых и взаимозависимых идей, интересов, институтов, акторов, движений и отношений, выполняющих управленческие функции. Ответ на это возражение лежит в области анализа качественных изменений природы субъектности мировой политики на пути обретения ею глобальных характеристик. Коль скоро речь идет о глобальном управлении, то не вполне корректно считать его субъектом некую совокупность акторов, представляющих противоречивые интересы и функционирующих в разных ценностных реалиях. В сложившейся мирополитической системе уместно выделять именно процессы регулирования, характеризующие функцию стихийного выстраивания глобального порядка в актуальном контексте через сложную и многоуровневую структуру взаимодействий между глобальными акторами. Причем это регулирование осуществляется ситуативно и, увы, не предполагает глобального целеполагания и уж тем более - долгосрочного планирования. Какие-то элементы именно управления можно наблюдать уже сегодня - на примере деятельности ООН, на дискуссионной площадке которой был впервые вынесен на повестку дня вопрос о необходимости поиска новой модели развития цивилизации. Однако говорить о глобальном управлении как реальной и эффективно реализуемой функции мировой цивилизации пока не приходится. В той мере, в какой дальнейшая самоорганизация глобальной системы мирополитической субъектности в эволюционной перспективе перехода к устойчивому развитию приведет к формированию единого субъекта глобальной политики и глобальной деятельности во всех ее ракурсах, станет возможным рассуждать и о глобальных властных функциях этого субъекта. Вообще говоря, принятие дискуссии о глобальном управлении зависит от принятия фактора глобальной субъектности.

Нидерландские ученые К. Дингверт и Ф. Паттберг обращают внимание на различия между глобальным управлением как аналитическим понятием и глобальным управлением как политической программой. Хотя

первое эти ученые относят к наблюдаемым феноменам, о которых шла речь выше, они уже обращают внимание, что как политическая программа «глобальное управление» представляет собой все же некое политическое видение того, как общество должно справляться с наступающими глобальными угрозами.

В докладе Комиссии германского Бундестага «Глобализация мировой экономики: вызовы и ответы» также отмечается, что «глобальное управление - это пока скорее видение, чем описание текущего состояния международной системы». Кроме того, для современных западных концепций глобального управления, как ни странно, характерен дефицит системного видения «глобально-управленческой» проблематики. В большинстве работ на эту тему в качестве фундаментального предлагается тезис о том, что основной «когнитивной» предпосылкой возросшего интереса к теории и практике глобального управления является несоответствие между высоким уровнем развития глобальной экономики и «отстающей» глобально-политической организацией, что породило ощущение нарастающего хаоса и дисбаланса, материально воплотившегося в глобальных конфликтах двадцатого столетия. Так, например, английский писатель и политический деятель Ральф Норман Энджелл вошел в учебники по международным отношениям как человек, который до 1914 года отстаивал позицию, что мировая война не начнется, так как она не несет никаких выгод развитым странам и будет означать экономический суицид. Постулируется как бы системный дуализм экономического и политического. В этой связи, по мнению ряда ученых, основная цель глобального управления состоит в возвращении рычагов общественного контроля над рыночными силами, утраченного в ходе глобализации. Однако с нашей точки зрения, проблема состоит не в исторической утрате состояния несопряженности политической и экономической сфер, а порочности нынешней экономоцентрической модели неустойчивого развития, которая поставила человечество на грань антропо-экологического кризиса.

С этой тенденцией в аналитической практике тесно связан другой существенный недостаток современных подходов к проблематике управления (в том числе глобального), а именно некая склонность к «выхолащиванию» из нее политических и этических смыслов и аспектов. Управление в таком ракурсе видится как исключительно техническая, административная, этически нейтральная и принципиально «экономоцентричная» деятельность. Начиная с 1970-х годов неудачные попытки

наладить диалог между Севером и Югом и формирование нового международного экономического порядка (возросшая взаимозависимость) привели к своего рода деполитизации международных экономических институтов, которые на деле стали все более отдаляться от глобального политического дискурса, источником которого стали преимущественно США. Послевоенный идеал конвергенции политики и экономики во имя поддержания мира и свободы торговли оказался слишком схематичным в рамках существующего международного порядка.

Между тем, случайно или преднамеренно упускается из виду тот факт, что акторы управления отнюдь не беспристрастны в реализации своих задач. Большая их часть являются сознательными политическими игроками с различными либо сходными повестками. Это утверждение справедливо как для официальных международных институтов (таких как ООН, МВФ, ВТО и др.), так и для негосударственных акторов.

Ряд исследователей экономического толка видят разрешение противоречий глобального сотрудничества в концепции глобальных общественных благ, то есть тех благ, которые не способен произвести в необходимом объеме (а порой и вовсе не способен создать) глобальный рынок. Наличие таких благ попадает в зависимость от эффективности международного сотрудничества; необходимыми условиями производства таких благ оказываются кооперация (дружественная международная среда) и вовлеченность всех основных акторов мировой политики. К примеру, такие авторы резонно отмечают, что не существует так называемых рыночных самокорректирующихся механизмов сокращения выбросов парниковых газов или сохранения биоразнообразия. В этом аспекте они усматривают пути конвергенции теории рационального выбора и международного сотрудничества. Р. Лэтам, критикуя сторонников концепции «глобального регулирования экономических процессов», отмечает, что они склонны игнорировать такие вопросы как: «Что противостоит управлению?», «Как отличить управление от процессов сопротивления, диктата или протеста?», «Что не является предметом управления и какова его судьба?»¹. По мнению ученого, доминирующий сегодня подход, который отражен в том числе в докладах Комиссия по глобальному управлению, исключает политическую дискуссию и, следовательно, политику как таковую, и в сущности антидемократичен. Ученый сетует на отсутствие реальных попыток теоретического и содержательного анализа связей между управлением, государствами, национальными гражданскими

обществами и новыми социальными формами, с которыми связано так много надежд на будущее мироустройство.

На этот аспект обращают внимание не только критики Д. Розенау и концепции глобального управления. Так, Ф. Паттберг выделяет три «пробела» в современных версиях концепции глобального управления: 1) глобальность управления мыслится как функционирование гомогенной структуры; опыт ОЭСР зачастую переоценивается и абсолютизируется; 2) уклон в сторону правил и механизмов регулирования порождает трудности в анализе феномена неуправляемости («анти-управления»); 3) акцент на решении проблем лишает концепцию способности к критическому самоосмыслению, следовательно, политической составляющей.

В результате относительно адекватными кажутся наиболее абстрактные подходы к определению понятия глобального управления, содержащие нормативный аспект, но они, как правило, мало дают для полноценной концептуализации этого понятия. Так, например, Д. Стокер определяет управление как человеческую деятельность, связанную с созданием условий для формирования регулярного свода правил и коллективного действия. Т. Вайсс подразумевает под глобальным управлением коллективные усилия с целью обнаружения, дальнейшего изучения или решения мировых проблем, выходящих за рамки возможностей их решения на государственном уровне.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие нарабатан внушительный объем литературы (в основном западной) по проблематике глобального управления, до сих пор нет ни общепризнанного определения понятия этого феномена, ни уж тем более хоть сколько-нибудь целостной теории на этот счет. Западные исследователи выделяют, в основном, три ключевых аспекта трансформации международно-политической реальности, вокруг которых выстраивается аналитическая логика так называемой концепции глобального управления: качественно новая роль негосударственных акторов, возрастающая взаимозависимость между различными уровнями политического участия и появление новых механизмов регулирования и контроля. Вместе с тем в аналитических работах уже сегодня можно обнаружить немало заслуживающих внимания соображений на предмет того, какими качествами (свойствами) должно обладать глобальное управление для дальнейшего гармоничного развития человеческой цивилизации.

В январе 2009 года программой «Международные Социальные Измерения глобальных Изменений в Окружающей Среде» (Международ-

ного Совета по Социальным Наукам) был запущен проект «Управление земной системой» (Earth System Governance), на основе теоретических изысканий нидерландского профессора Ф. Бирмана. Один из последователей концепции управления земной системой Ф. Паттберг среди требований, предъявляемых логикой мирового развития к всесторонней теории глобального управления, выделяет следующие: в большей степени необходима теория трансформации, нежели теория стабильности; она должна представлять целостную картину отношений между структурой и социальными факторами, а не изучать их по отдельности; эта теория должна занять промежуточное положение между «лагерями» рационалистов и конструктивистов. Д. Месснер в статье «Архитектура мирового порядка» выделяет шесть измерений глобального управления: 1) полицентричность архитектуры глобального управления, выражающаяся в коллективных процессах поиска решений и базирующаяся на системе «поделенных суверенитетов»; 2) разнообразие акторов; 3) многообразие форм международного сотрудничества (между общественным и частным сектором); 4) асимметричность глобального управления, находящегося как бы на пересечении национальных интересов, властных отношений и необходимости совместного решения проблем; 5) многосторонность и многоуровневость; 6) решительная трансформация политики и инновационная институционализация с целью адаптации институтов управления отдельных государств к новым реалиям. Джеймс М. Ботон и Колин И. Брэдфорд напоминают, что глобальное управление подразумевает максимально высокую степень координации во взаимодействии его субъектов, универсализацию программ и наличие глобальной системы надзора. В то время как в настоящее время, отмечают ученые, «имеется множество независимых участников, как государственных, так и частных, каждый из которых руководствуется своими собственными целями и приоритетами, имеет своих собственных клиентов и избирателей, сформировал свой собственный технический язык и организационную культуру и выполняет свой собственный мандат и специализированные ключевые функции». В результате многие активные на сегодняшний день акторы глобальной политики эффективно защищают представляемые ими группы интересов, «но ни об одной из них нельзя сказать, что она представляет интересы всего мира».

Следует также признать, что существующие механизмы так называемого глобального регулирования действуют, в основном, в финансо-

во-экономической сфере, и способны обеспечить весьма ограниченную представительность в глобальном масштабе. Этот недостаток моделей глобального управления присущ международной системе со времен самых первых попыток реализации политических проектов по созданию наднациональных структур. После окончания Первой мировой войны лидеры победивших государств-союзников собрались в Париже в 1919 году более 30 стран направили делегации для участия в Парижской мирной конференции, на которой было принято решений о создании Лиги Наций, но ведущую и контролирующую роль в ее работе играли четыре крупнейшие державы-победительницы: Италия, Великобритания, США и Франция. Спустя четверть века, по итогам дискуссий, большинство из которых разворачивались в США (в Бреттон- Вудсе, в особняке «Дамбартон-Оукс» в Вашингтоне и в Сан-Франциско), под преобладающим влиянием этой страны были созданы многосторонние учреждения, которые определяли международные экономические и политические отношения на протяжении последующих шести десятилетий: ООН, бреттонвудские учреждения (Всемирный банк и МВФ), ГАТТ. Эта модель глобального управления, в рамках которой несколько стран, являющиеся мировыми экологическими лидерами, приглашали другие страны к участию, без делегирования им своих контрольных полномочий, стала доминирующей концепцией послевоенной эпохи. Ф. Бирман в свою очередь отмечает, что современную международную систему характеризует временная взаимозависимость, в то время как глобальное управление формирует межпоколенную взаимозависимость, которая напрямую связана с принципом «зависимости от предшествующего развития» (path dependence), и функциональную взаимозависимость, которая относится к отношению между разнообразными социальными, политическими и экономическими системами и взаимной устойчивости.

Ввиду этих рассуждений становится очевидным, что глобального управления даже в самых абстрактных и общих формах пока не существует. В связи с этим возникает вопрос: чем, если не глобальным управлением, является эта новая едва осознаваемая многоуровневая, комплексная, сверхсложная, мультисубъектная мирополитическая реальность, характеризующаяся асимметричным распределением властного ресурса, реализуемого многообразием способов и путей социальными акторами, чью деятельность отныне можно называть глобальной? По мнению известного философа А. Зиновьева, «существует не мировое правительство, напо-

добие правительств отдельных стран, а мировое сверхсообщество. В него уже входят от 50 до 80 миллионов человек, десятки тысяч экономических империй, некоммерческих предприятий, СМИ. У него своя структура, своя пирамида, своя иерархия. Вот оно и управляет планетой». Р. Лэтам указывает, что на сегодняшний день можно говорить лишь о «глобальном сообществе», которое, по его мнению, лишено политической функции. Ученый пишет: «Мы можем наблюдать лишь открытый, зыбкий социальный контекст («глобальное сообщество»), которым предполагается управлять. <...> Вопрос в том, каким образом может возникнуть политическое общество - некое сообщество, которое осознает себя как поле или пространство для политического действия или протеста и которое способно, так сказать, управлять управлением». Он также подчеркивает, что управление может быть эффективным только тогда, когда оно основано на общих ценностях и выполняет функции выживания системы, в противном случае - оно вовсе отсутствует.

Вообще говоря, понятие гражданского общества, которое зародилось в 17 веке и постепенно эволюционировало от обозначения частной жизни индивидов до категории, охватывающей всю совокупность социальных отношений между этими индивидами (преследующими экономические цели) за пределами государства, имплицитно предполагало разделение политической сферы, олицетворяемой государством, и остального пространства с разнообразными видами негосударственной деятельности, относящимися к компетенции гражданского общества. Несмотря на то, что глобальное (гражданское) общество, понимаемое в широком социально-политическом смысле, является важнейшим социально-эволюционным достижением и необходимым условием перехода цивилизации на рельсы УР, оно не может быть тождественно глобальному управлению, какой бы совершенной ни была его структура. Во-первых, потому что управление - это функция (властная, организующая) системы, а не сама система. Во-вторых, оно предполагает специфическую политическую организацию, которой, строго говоря, у глобального общества может и не быть. Что и приходится наблюдать в условиях существования цивилизации в модели неустойчивого развития.

Видимо, более или менее близкой к реальному положению дел является упомянутая выше гипотеза о существовании некоторых механизмов регулирования в глобальном социуме, совокупность которых можно именовать глобальным регулированием (или саморегулированием).

Приведенная выше аналогия с процессами естественной саморегуляции в биосфере является довольно живописной, но не совсем корректной в рамках принятого нами подхода. Регулирующая деятельность биоты нацелена на поддержание биосферной устойчивости, если бы человечество не перешло критический порог антропогенного воздействия на природу, биосфера могла бы еще неопределенно долго самостоятельно поддерживать устойчивость жизни на планете. Регуляционные механизмы в современном социуме устроены иначе. Функционируя в модели НУР, отнюдь не всегда они работают на выживание системы в целом. Во-первых, они конъюнктурны и «обслуживают» то, что Бирман назвал временной, горизонтальной взаимозависимостью. Во-вторых, они зачастую нацелены на сохранение (обеспечение безопасности) определенных социальных конструкторов (суверенного государства, организаций государственно-частного партнерства, свободного рынка товаров и услуг и т.п.), а не системы в целом. В-третьих, они эконоцентричны и не учитывают биосферно-средового фактора, что существенно снижает эффективность их адаптационной функции и приближает катастрофический финал для человеческой цивилизации.

Ключевая проблема состоит в том, что существующий набор политических методов и инструментов в нынешнем виде явно недостаточен для управления глобальной социоприродной реальностью, и очевидна беспомощность его основных акторов перед лицом надвигающейся и даже уже осознаваемой антропоэкологической катастрофы.

Наиболее адекватной в контексте нашей проблематики нам представляется дефиниция, предложенная А. Богатуровым в книге «Современная мировая политика». Под глобальным управлением ученый понимает «политический процесс, в ходе которого, в отсутствие верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей». Это определение в частности позволяет если не соединить, то, как минимум, гармонизировать ключевые исследовательские наработки мирополитической теории с глобальноэволюционистским подходом в ракурсе заявленной установки на переход к устойчивому развитию цивилизации. Речь идет об области взаимодействия между глобальными и мирополитическими исследованиями, а именно - о возможности изучения проблем создания политических форм, механизмов и институтов для управления глобальными процессами.

Отталкиваясь от данного определения и преодолевая концептуальные недостатки рассмотренных выше подходов, попытаемся в общем виде охарактеризовать основные характеристики будущего глобального управления как ключевой глобальносоциальной функции и политического цивилизационного проекта на пути перехода человечества к устойчивому развитию. Глобальное целеполагание и нормативность. Основанное на интерсубъективном консенсусе, глобальное управление должно обеспечивать стратегическое направление и руководить коллективными усилиями по решению глобальных задач. Причем приоритетным объектом управления должны стать не дискретные глобальные взаимодействия, а глобальное развитие, а точнее - устойчивое развитие. Самой значимой общечеловеческой ценностью станет безопасность, как имманентное свойство модели устойчивого развития. В условиях нарастающего антропоэкологического кризиса, «безопасность ассоциируется с возможностью жизни человека и человечества, ее сохранения, причем не только для нынешних поколений, но и будущих, а также для биосферы в целом». Комплексность и универсальность (пространственная глобальность). Специализированные технические навыки отдельных групп субъектов глобального управления сами по себе едва ли будут полностью эффективными, если они не направляются глобальной и целостной концепцией. Глобальное управление должно быть способным охватить национальные и секторальные границы и интересы. Самая общая цель глобального управления в модели УР состоит в придании нового импульса глобализации, которая в идеале должна трансформироваться (эволюционировать) в социально проектируемый и управляемый процесс эволюционного движения единого человечества. Именно поэтому при «вписывании» процесса глобализации в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, все больше вырываясь из старой модели развития, т.е. вместо стихийного процесса становились бы процессом управляемым. Глобализация проблемы безопасности постепенно ведёт к уходу от жёсткого противопоставления экономического роста и политического влияния с одной стороны, и задач окружающей среды, требующих коллективного решения - с другой. Становление качественно нового - планетарного - уровня обеспечения безопасности как безопасности всего мирового сообщества и одновре-

менно сохранения биосферы требует создания новых информационно - управленческих структур и самое главное - формирования глобально-коллективного сознания человечества, ответственного за принятие судьбоносных для всего человечества решений и их реализацию.

Целостность субъекта и целостность объекта. В основе этого критерия эффективности глобального управления лежит экосистемный подход. Уже выявлено, что существующее рассогласование интересов и целей объектов (и субъектов) управления (обеспечения безопасности) приводит к тому, что глобальная среда становится менее безопасной, увлекая все элементы экосистемы в планетарную антропоэкологическую катастрофу. В модели НУР обеспечение безопасности как раз сосредоточено на отдельном объекте (или группе объектов) в экосистеме, тогда как окружающая его среда оказывается весьма опасной в этой же экосистеме. Совокупный результат индивидуальной активности в таком атомизированном социуме, взятого в отдельности от его энвайронмента, постепенно ведет к антропоэкологической катастрофе, что мы и наблюдаем сегодня. Среда мирополитической системы обладает объективно данной социоприродной сущностью, которая, кстати говоря, недооценивается как «традиционалистами», так и «прогрессивными» теоретиками мировой политики. Обретение средой такой системно-содержательной характеристики, как глобальность, означает не только более высокий (максимально высокий) показатель плотности международной среды, но и выдвижение на первый план такого ее фундаментального качества, как социоприродная гомогенность. Именно целостная глобализированная социоприродная система должна в перспективе стать единым объектом глобального управления.

Как уже отмечалось выше, самоорганизация глобальной системы мирополитической субъектности в перспективе перехода к устойчивому развитию должна привести к формированию единого субъекта глобальной политики и глобальной деятельности во всех ее ракурсах. Понятно, что речь идет не о конкретных акторах глобальной политики, а о некоем интегральном свойстве глобального человечества (глобальном ноосферном интеллекте), которое может возникнуть лишь в результате гармонизации отношений в более широкой и не просто в социальной, а именно в социоприродной системе, т.е. системе «человек-общество-природа».

Проще говоря, все меры, предпринимаемые отдельной страной, должны исходить из приоритетов обеспечения глобальной безопасности. По-

сколькo переход к УР возможен лишь в глобальном масштабе, в согласованно-когерентном режиме всех объектов безопасности, то любые решения и действия по обеспечению безопасности любого объекта не должны противоречить международно-глобальным императивам УР.

Динамичность, адаптивность и опережающий характер (темпоральная глобальность). А. Богатуров в своем определении подчеркивает, что управление - это политический процесс. Коль скоро сама социоприродная система - это непрерывно развивающийся, эволюционирующий организм, поиск статических реакционных моделей управления этой системой представляется нелогичным и контрпродуктивным. Содержание и методы глобального управления должны претерпевать эволюционные трансформации, опережая общепланетарное эволюционное усложнение мировой политической системы.

Опережающие управленческие действия в планетарном масштабе, во-первых, должны поддерживать и стимулировать те способы деятельности и глобализационные процессы, которые уже существуют (либо появятся) и способствуют выживанию цивилизации и сохранению биосферы. Во-вторых, необходимо сформировать такие глобально-управленческие механизмы и функции, которые будут вначале замедлять, а в перспективе существенно снижать негативные последствия и тенденции, стоящие на пути прогрессивного развития человеческой цивилизации.

Кроме того, будущие механизмы глобального управления должны основываться на принципе темпоральной целостности, или учитывать, по выражению Бирмана, фактор вертикальной, «межпоколенной взаимозависимости» в глобальной социоприродной системе. Еще доклад «Всемирная стратегия охраны природы», подготовленном в 1980 году Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) при поддержке ЮНЕП и содействии WWF, подчеркнул, что «управление использованием человечеством биосферы, экосистем и видов, составляющих ее, таким образом, чтобы они могли приносить устойчивую пользу настоящему поколению и в то же время сохранили свой потенциал, чтобы соответствовать нуждам и стремлениям будущих поколений» (статья XXIX)».

Представляется также, что глобальное управление должно действовать путем применения «мягкой силы», а не «жесткой силы». Эволюция общества и его взаимодействие с природой должна формировать такую экосистему, в которой будут превалировать коэволюционно-консенсус-

ные взаимоотношения, а не антагонистические противоречия «ответственные» за рост негативных тенденций и последствий, опасностей и катастроф. Политической репрезентацией управленческой функции обеспечения консенсусно-информационных и ненасильственных отношений в человеческом социуме и гармонизации его взаимоотношений с природой являются демократичность, открытость и легитимность глобального управления. Траектория устойчивого развития цивилизации будет основана на обеспечении консенсусно-информационных и ненасильственных отношений в обществе и гармонизации его взаимоотношений с природой. В. Гусейнов в своей книге «Каспийская нефть. Экономика и геополитика» пишет, что под «богатством» постиндустриального общества следует понимать информацию как целостную культурную среду, в которой она, информация, выступает основным ресурсом. Эта среда, по выражению Гусейнова, имеет тенденцию ко все большей интернационализации и не может быть захвачена или завоевана. «Попытка силой присоединить территорию государств постиндустриального общества к любой другой национальной территории будет равнозначна ее утрате», «то есть богатство постиндустриального общества может быть только интегрировано в более общее культурное пространство подобного же уровня, развития и поэтому военная сила может привести лишь к разрушению сложившейся системы управления, так как в ее основе лежат знания, а не сила».

Следует также отметить, что глобальное управление должно действовать в рамках открытого политического, а не бюрократического, процесса и носить скорее интегрированный, чем специализированный характер. Последний вопрос, которому хотелось бы уделить внимание в рамках данной проблемы, это так называемая концепция глобального правительства. Надо сказать, что каких-либо реалистичных жизнеспособных моделей глобального правительства ни в западной, ни в отечественной науке пока не предложено. Наиболее адекватная из них - это идея о реформировании ООН для превращения его в более эффективный и представительный орган глобального масштаба. Тому, на наш взгляд, есть причина системного характера. Дело в том, что модель НУР в культурно-оценностном ракурсе характеризуется фатальной фрагментацией политического сознания, которая проявляется, в частности, в жёстком противопоставлении экономического роста и политического влияния с одной стороны, и задач окружающей среды, требующих коллективного

решения - с другой. Такое «состояние умов» неизбежно порождает целый комплекс тревог и взаимных противоречий, лежащих на пути к объединению международных усилий во имя решения глобальных проблем. И основным порождением этой глобально-политической среды НУР является «комплекс национального интереса», в связи с которым глобальная проблематика часто воспринимается как навязанная извне и являющаяся инструментом манипулирования внешних сил.

Не исключено, что глобальное правительство может появиться в будущем как реальная централизованная институциональная форма глобального управления, скорее как его эволюционная форма, а не как актуальный инструмент перехода к УР. Трудно не согласиться с замечанием одного из последовательных сторонников глобального правительства Г. Мартина: «Если «суверенитет» означает абсолютную автономию во внутренних делах и абсолютную независимость во внешних делах, то система, состоящая из более чем 190 территориальных единиц (в современных терминах), каждая из которых преследует свои экономические, политические и военные эгоистические интересы, необходимо становится системой вечной войны или угрозы войны». Однако представляется, что рассуждать о глобальном правительстве как универсальном властном институте глобального значения сегодня, в отсутствие в современном социуме каких-либо подвижек в направлении формирования ноосферного сознания, значит осложнять и без того тяжелый и конфликтный глобально-политический диалог. К. Серфати в своем эссе «Трансформации глобального управления» справедливо обращает внимание, что в случае с «governance» речь идет скорее о способах управления (о которых, в частности, пишет Д. Розенау), в то время как централизованное осуществление властных полномочий предполагает именно наличие «government». Несмотря свою концептуальную и инструментальную ограниченность, управление, понимаемое как совокупность способов, основывается на принципе не доминирования, а сосуществования, кооперации.

Среди современных исследователей отсутствует и консенсус по поводу природы акторности в глобальном управлении и правомерности отнесения к последнему тех или иных типов акторов. Некоторые авторы, например, считают, что все, что касается властных полномочий, осуществляемых официальными структурами, следует относить к «правительству» (government), в то время как «управление» подразумевает деятельность частных акторов. В этой связи более адекватным представляется подход

Д. Розенау, для которого понятие управления является более общим и объемным, чем понятие правительства, поскольку охватывает как правительственные институты, так и неправительственные механизмы реализации целей и удовлетворения потребностей.

А. Вебер также отмечает, что глобальное управление - это управление социоприродными процессами, а не территориями. Кроме того, оно реализуется в условиях отсутствия так называемого глобального суверенного агента власти. В связи с этим, глобальное управление как механизм принципиально отличается от прямого административного управления, осуществляемого суверенными государствами на принадлежащих им территориях. В качестве другого распространенного аргумента против концепции глобального правительства (глобального федерализма) выдвигаются очевидные трудности в построении глобального гражданства (глобальной идентичности) в крайне неоднородной социальной среде. Кроме того, скептицизм вызывает применимость демократических принципов управления в глобальном масштабе, предполагающих примат воли большинства. Таковое представляется возможным лишь при условии существования труднодостижимой глобальной идентичности.

Итак, очевидно, что на сегодняшний день не приходится говорить не то чтобы о какой-либо законченной теории глобального управления, но даже об отдельных эффективных управленческих формах выполнения решений и механизмах политического регулирования. Понятно, что в целостном виде глобальное управление может появиться лишь в будущем, когда мировой социум ступит на этап управляемого перехода к устойчивому развитию. Между тем, чтобы такой переход вообще стал возможен, важно уже сегодня работать над созданием приемлемых для всех народов мирового сообщества «форм и механизмов передачи властноуправленческих полномочий не просто на международно-национальный уровень, а на уровень глобальный, адекватный эффективному решению глобальных проблем и включению глобальных процессов в стратегию выживания человечества». Учет системно-институциональной связи основных компонентов и направлений деятельности по обеспечению выживания человечества и биосферы должен прийти на смену приоритету экономики современной модели развития. Речь идет о формировании структур и систем политического управления общепланетарными процессами, глобальных не только по своему «мандату», но и по содержанию. Управление современными процессами, протекающими в модели неустойчивого

развития, как финальная цель интеллектуальных усилий по созданию механизмов глобального управления, представляется очередной тупиковой программой модели НУР. Именно так и выглядят наработки последних десятилетий в области международно-политического анализа, хотя и в них можно обнаружить немало рациональных и практических соображений по построению эффективных форм глобального сотрудничества.

Проблема политического управления глобализацией (да и другими глобальными процессами) как основная область взаимодействия между глобалистикой и политическими науками, выступает главной исследовательской проблемой в политической глобалистике. Политическая глобалистика ориентируется на приоритеты УР и, в отличие от представлений о целях политической деятельности в модели НУР, рассматривает не только отдельного человека и их группы (социумы), но и все человечество в целом как целостный субъект глобальной деятельности, которая преследует цель выживания не только отдельного индивида, но и всего человечества в условиях сохраняющейся окружающей среды. Глобальное управление призвано способствовать реализации и усилению позитивных (прогрессивных) тенденций глобального развития и снижению до приемлемого уровня негативных (регрессивных) процессов. Глобальное управление окажется, таким образом, одним из главных факторов перехода к безопасной форме глобальной социоприродной эволюции и сможет существенно оптимизировать антропогенную активность.

Глава 5. НАУКА И ГЛОБАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

5.1. Наука как устойчивое развитие

Не только в западном мире VI-V веках. до н.э., но также в Китае и Индии, как показал К. Ясперс, происходила революция осевой эпохи. Становление первых ростков научного знания и появление первых образовательных школ выражало суть осевой эпохи, это было пробуждение человеческого духа. Осевая революция означала появление рационалистического мышления (борьба логоса против мифа), позволяющего человеку «возвыситься над миром и над самим собой».

Немецкий философ предполагал, что очередной фундаментальный духовный взлет, обновляющий связь с первым осевым временем, может оказаться следующей (второй) «осевой революцией». Можно предположить, что человечество уже вступает во вторую осевую эпоху, открываемую принятием ООН цивилизационной стратегии перехода к устойчивому развитию.

Глобальный переход к устойчивому развитию (УР) в духовном плане может оказаться сравнимым по своему историческому значению с первой осевой революцией для дальнейшей судьбы человеческого рода. Причем фундаментальную и, на наш взгляд, приоритетно-глобальную роль в этом процессе будет играть наука, техника, технологии и образование.

Наука и техника, стали неотъемлемой составной частью социально-экономического развития и в значительной степени в последние столетия и особенно десятилетия определили развитие человеческого общества, его взлет на вершину могущества и вместе с тем ожидание падения – возможной катастрофы, которую в последнее время все больше связывают не только с ядерной, но и с экологической и иными угрозами и опасностями, причем глобального и космического масштаба.

Наука стала важной составной частью человечества в существенной мере определившая его развитие. Через технику, технологии, управление и образование наука позволила цивилизации стать самой могущественной силой на планете, обеспечив человеку достойные условия существования. Именно с развитием науки связывается реализация позитивных перспектив цивилизации. Вместе с тем сложившиеся формы развития

науки во все большей мере вызывают обеспокоенность общественного мнения за результаты и перспективы реализации научных открытий.

И если еще в недавнем прошлом наука рассматривалась преимущественно как благо, то уже в XX в. позитивная ориентация развития науки вызывает сомнение. Взлет на вершину могущества достался дорогой ценой и сейчас нам угрожают как природные, так и другие техногенные и экологические катастрофы. Экономические кризисы, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, саморазрушение гигантских городов, эпидемии инфекционных заболеваний и терроризма, потеря управления международными системами телекоммуникаций и другие глобальные опасности, нависшие над человечеством не менее опасны, чем ядерная война.

Наука оказалась ответственной как за рост материальных и духовных благ современных обитателей планеты, так и за сползание к глобальной катастрофе, которая может разразиться уже в XXI веке. Известный гамлетовский вопрос «быть или не быть» приобрел поистине глобально-общечеловеческий и драматический характер. В мировом общественном сознании неудовлетворенность кризисной ситуацией перенесена на науку, технико-технологическое развитие и все более отстающее от потребностей жизни образование.

Научно-технический процесс в значительной степени ответственен как за материальные блага и комфорт современных обитателей планеты, так и за “сползание” к глобальной антропоэкологической катастрофе. Сейчас многие, неудовлетворенные кризисной ситуацией в мире, обвиняют науку и технику во всех смертных грехах и пытаются “отлучить” их от будущего развития общества. Да и без того роль науки в странах, ставших на путь демократических реформ и переходящих к рыночным отношениям, оказалась весьма незавидной. Сейчас всем известно, что в странах, входивших в бывший СССР, происходят изменения, которые, наряду с рядом позитивных тенденций, обрели и негативный характер. Так, наука оказалась почти невостребованной ни государством, ни обществом, ни производством. Общественный престиж ученых с началом реформ упал как никогда низко и научно-интеллектуальный потенциал в постсоциалистических странах, как минимум, снизился наполовину и продолжает уменьшаться. Однако в этих условиях как никогда раньше можно говорить о повышении роли науки и образования, технологии и техники, ибо человечеству с их помощью необходимо выжить. Выход из системного кризиса не состоится без поддержки наукой, а наука не вы-

идет из кризиса без переориентации на новые цели – цели устойчивой цивилизации, которые были поставлены перед человечеством.

Столь тесная связь науки с индустриально-потребительским обществом породила антисциентистские взгляды и настроения среди значительной части общественности. В таких воззрениях акцентируется внимание на чрезмерном прагматизме науки, на ее негативных последствиях, на утрате нравственных ценностей и моральных деформациях. Появились призывы остановить развитие науки и техники, постепенно отойти “назад к природе”. В этом сторонники подобных взглядов усматривали путь “вхождения” человечества в биосферу с целью ее сохранения.

Все формы стихийного развития реализовались как естественный социальный процесс без глобального позитивного вмешательства науки. Наука и особенно техника с начала индустриальной революции, как теперь стало ясно, вносила не только положительный, но и серьезный негативный вклад, все более способствуя углублению экологического кризиса и усилению нестабильности социального развития. Существует достаточно оснований считать, что наука была «в основном нацелена на создание все более изощренных технологий потребления природных ресурсов, уверенно продвигаясь к разрушению еще пока слабовозмущенной биоты Мирового океана». Преобладала стратегия преобразования природы и технического мировоззрения в вопросах взаимодействия природы и общества. Благодаря этому, на 1/3 планеты возникла индустриальная цивилизация и общество потребления с населением более миллиарда человек, но оказавшая существенное влияние на все мировое сообщество и окружающую природную среду.

В этой ситуации можно говорить не только о чрезвычайно низком статусе и общественном признании науки, но и о настоящей интеллектуальной катастрофе. Все это создает реальную угрозу для экономики, политики, экологии, обороноспособности, всего общественного развития страны. Необходимо сохранить научный потенциал, его способность воздействовать на технику, технологию, образование, другие сферы социальной деятельности. Ведь страна, жалеющая деньги на науку, обречена стать аутсайдером мирового развития. Однако и наука должна, для того, чтобы вернуть себе утраченный престиж в обществе, существенно измениться, переориентировав свое развитие на цели выживания и дальнейшего устойчивого развития человечества.

Выход из системного кризиса видится в том, чтобы наука работала не в рамках потребительских ценностей, губящих человека и природу, а

ценностей будущего «устойчивого общества» – сферы разума, формирование которой в нашей стране предсказал еще академик В. Вернадский. Движение человечества к устойчивому развитию, на которое мировое сообщество нацелила Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (ЮНСЕД) приведет к тому, что наука будет восприниматься как чрезвычайно важный компонент, без опережающего развития которого невозможно предотвратить как системный кризис в стране, так и глобальную катастрофу в мире и выйти на траекторию устойчивого развития.

В этой сложной ситуации в науке и обществе необходимо развивать новые идеи и тенденции, способствующие переходу страны и цивилизации к нетрадиционной цивилизационной стратегии. Одним из таких движений, органически вписывающимся в мировые интеграционные тенденции, может стать движение за новую науку, образование, технологии, управление, состав которого наиболее полно отражал бы спектр научной жизни общества и ориентировался бы на трансформации, обусловленные переходом науки в ее новое – ноосферное состояние. В этом же направлении должна ориентироваться и академическая наука как в ее традиционной, так и нетрадиционной форме развития, поскольку отчетливо видны основные цели, которым должна «служить» наука – это выживание человечества и сохранение природной среды его обитания, т.е. переход на траекторию устойчивого развития. Движению по пути устойчивого развития может помочь только наука, воспринявшая ноосферные цели своего развития. Именно с наукой нового типа связывается преодоление возникающих противоречий в системе «человек – общество – биосфера», создание позитивных научных предпосылок для выживания цивилизации в XXI веке и в перспективе третьего тысячелетия.

Способность человека к творчеству, особенно к научно-техническому творчеству, лежит как в основе экономического роста, так и деградации биосферы. Предполагают, что «три основные причины привели к превышению порога допустимого возмущения биосферы: научно-технический прогресс, экономический рост и рост населения». Не случайно НТП поставлен на первое место. Ведь ни экономического роста, ни «демографического взрыва» не было бы, если бы человек не был способен к творчеству. Вначале он несколько сотен тысяч лет назад овладел огнем, что позволило ему заселить холодные территории за пределами тропиков и субтропиков.

Овладение огнем и технологиями охоты привело к тому, что собирательская популяция (несколько млн человек) возросла до 10 млн человек,

и тем самым человечество превратилось в планетарный феномен. Переход к земледелию и скотоводству также обязан открытиям творческого разума человека. Им были созданы искусственные явления – domestикация животных (вначале, по-видимому, была приручена собака, еще со времен охоты, а затем в разных местах – северные олени, козы, овцы, свиньи, коровы и т.д.) и окультуривание растений (вначале зерновые), затем появление ремесел, использование металлов, изобретение колеса, гончарного круга и т.д.

Новейшая история просто изобилует научно-техническими открытиями, которые увеличили рост населения от 160 млн. человек в начале новой эры до 5 млрд. человек уже в 1987 г., причем к этому времени удвоение численности населения заняло период времени менее 40 лет. Некоторые учёные считают, что научно-технический прогресс более, чем на три четверти обеспечивал экономический рост и, следовательно, прирост населения. В этом проявляется (во всяком случае, частично) и научно-технологический и духовно-творческий детерминизм человеческой истории. И можно согласиться с тем, что «главное в историческом прогрессе состоит в накоплении духовных ценностей, богатств науки, культуры, образования, нравственности, идеологии, которые материализуются в созданных человеком средствах производства, способах его организации, экономических и социально-политических отношениях».

Потребность в научно-техническом творчестве включена, по мнению ряда авторов, в нормальный геном человека, что проявляется, однако, лишь в определенной социально-экономической и культурной среде. И отказываться от научно-технического творчества и прогресса, значит отказываться от развития человека как личности и видеть в нем лишь материально-биологическое существо, некое животное, нарушающее биосферу планеты. Поэтому необходимо разрешить противоречие между социально-творческим началом человека и сохранением биосферы, направив научно-технический процесс в русло экологических императивов и целей выживания человечества через переход к устойчивому развитию.

Такая возможность реально существует при ноосферной переориентации развития общества. Науку и технику можно заставить «работать» не против человека и биосферы. При допущении такой возможности у человечества среди прочих средств выхода из глобального экологического кризиса окажутся и научно-технологические средства, и будущее покажет, какая роль им будет отведена в предстоящем переустройстве мира. Важно, чтобы научно-технический и технологический прогресс

как можно больше работал бы на выживание человека и биосферы, а не только на экономический и демографический рост и разрушение локальных и региональных экосистем, приближая глобальную катастрофу.

Иногда ставится под сомнение возможность создания экофильной техники и технологии и даже утверждается, что они в принципе не существовали и невозможны. Например, все виды сельскохозяйственных технологий, начиная от примитивных и кончая современными интенсивными технологиями, квалифицируются как ресурсоистощительные, нарушающие экосистемы и биохимические круговороты в биосфере. Аналогичные выводы делаются и относительно промышленного производства, особенно энергетических технологий, а также сферы услуг, новых информационных технологий и т.д. Подобный «технологический пессимизм» оправдан, если речь идет о природопользовании, основанном на «неолитических технологиях», нацеленных на экономический рост и деградацию биосферы. Их несостоятельность уже была проанализирована.

Однако, если обратиться к временам охотничье-собирабельского хозяйства, то мы обнаружим, что там встречались не только экофобные технологии. Правда, какой-либо единой экофильной (или экофобной) технологии у собирателей и охотников не было. Своей примитивной хозяйственной деятельностью человек не мог существенно нарушить экосистемы, а некоторые несбалансированные разрушения приводили к голоду и гибели части популяции, после чего происходило восстановление нарушенных экосистем. Именно в силу этих и иных причин мы полагаем, что палеолитический период был эпохой своего рода «коэволюции» человека и природы. В то время первобытное общество вписывалось в биосферные циклы и подчинялось эволюционным законам.

По вопросу о том, существовали ли экофильные технологии в обществе собирателей и охотников, многие ученые отвечают положительно (Ж.Дорсет, Б.Комонер, В.Д.Косарев и др.) Следовательно, утверждение, что в истории человечества не было технологий, не разрушающих биосферу планеты, региональных и локальных экосистем, выглядит явным преувеличением и в существенной степени относится только к временам агркультурной и индустриальной революций. Но если во времена палеолита имелись экофильные технологии природопользования, то почему их нельзя воспроизвести в будущем, но уже с помощью науки и техники в их новой – экотехнологической ориентации? Такие естественные «технологии» лежат в основе существования биоты и выражают, например, трофические отношения между продуцентами и консументами.

Речь в частности идет о так называемом «правиле Линдемана», которым «пользовались» животные в своей «охотничье-собираательской» деятельности. Согласно этому «правилу», если консумент изымает до 10 % корма, то это не только не наносит вреда популяции, но даже во многих случаях (если речь идет об охоте) и пользу, поскольку изымаются наиболее слабые особи. Оставшиеся более сильные – способствуют оздоровлению популяции. Предел 10 % вовсе не абсолютен и доходит в ряде популяций и экосистем до 50 % и даже 70 %.

Попытка на базе этих биосферных законов разработать экологизированные хозяйственные технологии уже были предприняты в идее о «неособирательстве». На этом была сконструирована модель всеобъемлющего способа взаимодействия общества и природы – своего рода единой глобальной «технологии», не разрушающей биосферу Земли. Речь идет о становлении новых ноосферных технологий и формировании интенсивно-коэволюционного, или ноосферного способа взаимодействия общества и природы. Тем самым становление этого способа и соответствующих ему технологий будет означать элиминацию «неолитических технологий», ускоренно губящих природу, и постепенное «вписывание» цивилизации в биосферу.

Авторы книги «Экологические проблемы...», полагая, что абсолютно все современные технологии вредят биосфере, фактически «вычеркнули» технико-технологический фактор из «списка» реальных механизмов перехода к устойчивой цивилизации. Они переместили «центр тяжести» по выходу из экологического кризиса на механизм биотической регуляции окружающей среды и процесс депопуляции. Одним из доводов в пользу такого вывода у них выступает то, что «в настоящее время в условиях рыночной системы смена технологий в среднем происходит за 10 лет, тогда как смена «биологических технологий», т.е. появление новых видов, происходит по палеонтологическим данным в среднем за 3 млн. лет. Эта огромная разница в несколько порядков предопределила конкурентоспособность создаваемых человеком технологий по сравнению с «технологиями» биосферы, которые успешно вытесняются». Далее, оценивая скорости развития человека и эволюцию биосферы по информационным характеристикам, они подчеркивают, что скорость этой последней на 7 порядков медленнее скорости накопления культурной информации.

Вероятно, высокая скорость технологической эволюции может оказаться даже полезной при выходе из экологического кризиса, если технологический фактор окажется «союзником» экологии. Но для этого

придется технологии из ресурсоистощающих превратить в экологически безопасные. И хотя таких технологий еще очень мало, но в принципе они могут быть созданы по типу технологий, которые связаны с «неособирательством», биосферными хозяйственными промыслами типа сбора ягод и грибов, пчеловодства и т.д. Речь идет о таком использовании продукции биосферы, которая не выходила бы за рамки несущей емкости экосистем и «вписывалась» бы в один процент изымаемой биопродукции всей биосферы, но в границах «правила Линдемана» для тех или иных экосистем.

В этом смысле можно считать, что для индустриальных и сельскохозяйственных технологий должна сокращаться площадь их распространения по пространству планеты. Например, индустриальные технологии необходимо как можно больше «изолировать» от биосферы, и в этом мы видим одну из важных форм экологизации хозяйственной деятельности и формирование биосферного хозяйства. Хозяйственная деятельность не должна осваивать новые территории с ненарушенными естественными сообществами (в том числе и Мирового океана), а более эффективно вестись на уже освоенных территориях суши. Сохранение биоразнообразия должно произойти за счет этого фактора и последующего сокращения 61% освоенной территории суши, причем многие процессы деградации биосферы могут быть остановлены при уменьшении освоенной территории суши до 20 %, а тем более 10 %, когда реальна релаксация биосферы до невозмущенного состояния.

Однако если в будущем будут развиваться технологии «неособирательства» и другие биосферосохраняющие технологии, т.е. экофильные технологии, совместимые с биосферой, то они не должны будут от нее изолироваться. Наоборот, богатой биоразнообразием будущей устойчивой биосфере, неособирательские и биосовместимые технологии, не переступая за обусловленные эволюцией экологические пределы, смогут обеспечить потребности человеческой цивилизации, ушедшей от трудностей и проблем экономического и демографического роста. Высокие темпы технологического экологобезопасного развития такого рода будут способствовать скорейшему выходу из экологического кризиса. Таким образом, необходимо переориентировать в первую очередь науку на новые цели, а технологии созидать на принципах устойчивого развития. Приняв такую возможность, которая имеет исторические прецеденты, можно считать, что наука при переходе на путь устойчивого развития окажется в состоянии очередной – ноосферной революции. Цели этой

революции достаточно серьезно отличаются от того, что до сих пор имело место в науке, в том числе и в нашей стране.

Необходимость такого перехода выдвигает в качестве самой приоритетной проблему научного обоснования возможности и реализации модели устойчивого развития. Стратегия такого развития пока не имеет строго научных аргументов и выглядит лишь как социально-политический и эколого-экономический нормативный прогноз, принятый на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (ЮНСЕД) мировым сообществом. Научные доказательства возможности воплощения целей и принципов устойчивого развития пока отсутствуют (кроме незначительного числа работ последних лет в области социальной экологии, футурологии и ноосферологии). Думается, что без компьютерного, в том числе и когнитивного, моделирования такая задача в ближайшее время вряд ли будет решена.

И, тем не менее, доказательство необходимости и возможности перехода к устойчивому развитию должно сочетаться с кардинальной ориентацией государственного регулирования науки, техники, технологии, образования, управления на новые цивилизационные цели. Базис даже современного общества, не говоря уже об обществе будущей ноосферы в принципе невозможно создать без опережающего развития научно-технологического потенциала и системы образования. Речь идёт о принципиально новой (в том числе и проблемной) ориентации научно-технологических и образовательных систем, которые теперь должны иметь не просто народно-хозяйственное значение и экономическую эффективность (на что их нацеливали ранее), но и кардинально способствовать экологизации, глобализации и футуризации сознания людей, а их деятельности – на создание эколого-безопасной устойчивой цивилизации.

При формировании новой научно-технологической политики, сориентированной на новые цивилизационные цели, важно использовать принцип опережающего развития науки в целом, а особенно фундаментальной науки и поисковых исследований в сравнении с другими сферами социальной деятельности. Государство обязано оказывать материально-техническую и финансовую поддержку тем перспективным направлениям, которые способны обеспечить прорывы на пути создания новой техники и технологий и формирования ноосферно-ориентированной образовательной системы XXI века.

Речь прежде всего идёт об активном включении фактора будущего и его влияния на управленческие действия по формированию новых

тенденций развития науки, техники, образования. Это предполагает широкое использование принципа упреждения (предосторожности) в федеральном, региональном и глобальном масштабах. Короче говоря, необходимо реагировать на вызовы грядущего, заранее предпринять опережающие управленческие действия против возможных опасностей, угроз и предполагаемых катастроф.

Формирование и реализация новой научно-технологической политики требует ускоренного формирования законодательно-правовой базы и внесения коррективов в недавно принятые законы, которые создавались, когда переход к устойчивому развитию официально еще не был объявлен целью новых цивилизационных трансформаций, и теперь должны быть скорректированы. Такая коррекция тесно связана с формированием базы перехода государств, входящих в ООН, к устойчивому развитию. Новые законодательные инициативы в области науки, техники и образования должны стать основой эффективной государственной политики в упомянутых областях и базой для грядущих «УР-трансформаций».

В ближайшие десятилетия будет происходить смена «индустриального технологического способа производства (преобладавшего в авангардных странах и цивилизациях в течение двух веков) принципиально новым, постиндустриальным технологическим способом производства.

Его отличительными чертами будут:

- ✓ глобальный характер технологического прорыва, меняющий материально-технологическую базу всего мирового хозяйства в условиях глобализации;

- ✓ гуманизация технологий, изменение положения человека в технологических системах, усиление его инновационной, креативной роли и ориентация на решение социальных проблем; не прибыль, а человек становится высшей целью технологических преобразований;

- ✓ ноосферизация технологий, подчинение их требованиям более экономного использования природных ресурсов и дружественного отношения к окружающей среде, формирование ноосферного энергоэкологического способа производства и потребления;

- ✓ ускорение темпов технологического прогресса, сокращение сроков освоения и распространения шестого технологического уклада, новых поколений техники и технологий, нарастающий темп осуществления эпохальных и базисных инноваций;

- ✓ повышение роли государственного и международного регулирования в осуществлении технологического переворота, выработка и реали-

зация глобальной и национальных стратегий инновационного прорыва на началах партнерства науки, образования, бизнеса и государств».

Основой новой технологической революции станет создание и распространение высоких и экологобезопасных технологий, особенно нанотехнологий, обеспечивающих материало-, энерго- и ресурсосбережение, становление мало- и безотходных производств, биосферосовместимых технологий и биопроизводств, экохозяйственных промыслов и фактически всех хозяйственных процессов, которые органически вписываются в биосферу (либо надежно изолируются от нее), одновременно позволяя удовлетворять потребности современных и будущих поколений. В новый – шестой технологический уклад войдут также биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геной инженерии, нанотехнологий, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. Рост атомной энергетики и потребления природного газа будет дополнен расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя, существенно расширится применение возобновляемых источников энергии. Произойдут еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Завершится переход от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу», в котором важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания. Производственная сфера перейдет к экологически чистым и безотходным технологиям. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги.

Важно сформулировать те новые принципы научно-технического развития, которые «созвучны» новой модели будущего, и которого достичь можно лишь с помощью науки. Этому будущему – желаемому и вместе с тем идеальному состоянию системы «общество- природа» – соответствует сфера разума – ноосфера. Но ноосфера может состояться в будущем, если к ней прежде всего, опережая все остальные виды социальной деятельности, обратится наука, техника, образование, управление.

Далее мы рассмотрим те тенденции и принципы, которые, на наш взгляд, характерны для будущей ноосферной науки. При этом мы рас-

смотрим далеко не все такие тенденции, а лишь ряд из них, представляющиеся нам наиболее важными.

В истории науки имело место несколько научных революций – становление классического естествознания, формирование дисциплинарной организации науки, появление неклассического естествознания. Сегодня историю глобальных революций в науке часто заканчивают четвертой революцией – рождением постнеклассической науки. Однако сейчас стало понятным, что эра стихийного развития науки в рамках техногенной (индустриальной) цивилизации приблизилась к своему концу. Человечество не устраивает даже “постнеклассическая” наука, стремительно приближающая трагический финал цивилизационного развития. С принятием УР-стратегии наступает новая точка бифуркации на пути революционных изменений науки. Она либо погибнет вместе с человечеством, либо вместе с ним вступит в новую – ноосферную эру своего развития, выбрав новые цели, ценности и идеалы своих трансформаций. Постнеклассическая наука тем скорее перейдет в науку ноосферную, чем быстрее она станет реализовывать цели ноосферогенеза.

Настоящее как временной промежуток находится между прошлым и будущим и потому не может не включать в себя их фрагменты в том или ином виде. Современная наука – это не постнеклассическая или неклассическая, но это и не ноосферная наука, а скорее и то, и другое, и третье, но в каких-то пропорциях, которые чисто качественным анализом выявить невозможно. И поэтому, когда у нас речь идет о ноосферной науке, то мы говорим именно о становлении этого ее качества как процессе, в котором имеются уже черты и элементы в настоящем. Причем современность ноосферных тенденций видится либо уже в слабо ее развивающихся процессах, но вполне реальных, либо в соответствующем потенциале как виртуальной реальности.

Если в постнеклассической науке и соответствующем ей типу научной (социальной) рациональности начинает осознаваться связь научной деятельности и ее продукции с социальными ценностями (и особенно оценками), а “гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегии научного поиска”, то ноосферная революция в науке идет гораздо дальше. К расширенному (в гуманистическом ракурсе) антропоцентризму постнеклассической науки добавляются трансформации, связанные с ноосферным типом гуманизма с его отказом от классического антропоцентризма. Кроме того, возникает и новый тип видения природной среды и взаимодействия с ней как отдельного человека, так и всего

человечества. Техногенно-индустриальной цивилизации, имманентно связанной с “потребительским гуманизмом” приходит конец. Она должна уступить место информационно-экологической, ноосферной цивилизации со своей новой формой науки и социоприродной рациональности.

Науку, как и все развитие цивилизации в принципе можно переориентировать общечеловеческие ценности ноосферной ориентации. Наука и только наука – тот действенный механизм, который способен выработать концепцию и стратегию устойчивого развития и указать средства их воплощения в жизнь, обеспечить ее самосохранение.

Становление ноосферной науки – это процесс кардинального изменения ее содержания в направлении созидания сферы разума и это – особый процесс развития. Движение к ноосферной науке – это, конечно, очередная революция в науке, если следовать пониманию научных революций в философии и методологии науки. Вместе с тем, как станет понятным из излагаемого далее, мы предпочитаем этот процесс видеть в эволюционном ракурсе. Ноосферная наука – это в широком понимании «эволюционная наука», в которой приоритетную роль играет принцип развития прежде всего в формах универсального эволюционизма, социоприродного и ноосферного эволюционизма.

Подобный «эволюционный» подход к становлению ноосферной науки означает не просто использование философского принципа развития, но и его экспликации на различных уровнях и формах научно-познавательной деятельности. Прежде всего это общенаучный принцип универсального эволюционизма, который в тех или иных вариантах уже введен в научные исследования и образовательную деятельность. Именно этот принцип, выступающий в своих интегративно-междисциплинарных версиях, позволяет становлению единой науки будущего. Распространение общенаучного принципа на грядущие темпоральные отрезки уже в его социоприродном виде позволяет нам ввести понятие ноосферного (или «устойчивого») эволюционизма, формируя на их базе концепцию ноосферогенеза науки.

То, что ноосферный подход коренным образом влияет на исследования прошлого и настоящего, уже было показано на примере эволюции взглядов российского основоположника учения о ноосфере В.И. Вернадского. В монографии Ф.Т. Яншиной убедительно показано, что, начиная с середины 30-х годов XIX века под влиянием ноосферного подхода В.И. Вернадский коренным образом пересмотрел свои взгляды на возникновение жизни на Земле и её эволюцию. Причём, наш взгляд, ноосферный

подход, по нашему мнению, может кардинальным образом изменить и традиционные подходы исследования прошлого и настоящего и не только по проблемам эволюции жизни.

Ноосферно-футурологическая методология, которую можно будет использовать в научных исследованиях, не претендует на вытеснение традиционных подходов. Речь в этом случае идет не просто об одном из новых подходов, а об ином ранжировании приоритетов в этой области научного поиска и постепенном использовании ноосферно-футурологического подхода. Но он в обозримом будущем не поглотит все остальное содержание исследований науки и техники, поскольку они определяются и иными подходами, которые до сих пор использовались.

Переход к устойчивому развитию возможен лишь в глобальном, а в перспективе и космическом вариантах. И, тем не менее, каждая страна должна принимать свои национальные концепции, стратегии, программы и другие прогнозные документы. И важно включиться в это движение перехода к новой цивилизационной парадигме и показать, какие в этом плане есть заделы в науке, технике, управлении, образовании, духовном потенциале народа каждой страны. Понимая, что такое для нас переход к устойчивому развитию, важно эти идеи сделать центром притяжения не только научной и технической мысли, но и всего и научного поиска и технического творчества.

Ноосферно-футурологический подход при его органическом «вторжении» в ткань научных исследований из всего их спектра так или иначе сформирует некую совокупность направлений, имеющих, по современным представлениям, наиболее тесное отношение к идеям перехода цивилизации к устойчивому развитию. Кроме уже упомянутого ноосферологического направления – это направления, связанные с социально-гуманитарным знанием и, особенно, с эволюцией и становлением нового ноосферного гуманизма, нооантропоцентризма и ноосферно-интегративно-опережающего разума. Сюда же относятся экономико-методологические и историко-научные исследования в области естественных и технических наук – информатики, экологии, космонавтики и т.д., которые тесным образом взаимодействуют с гуманитарным знанием, образуя некое социоприродное или общенаучное знание. В результате – социальная информатика начинает изучать законы и тенденции становления информационного общества, как первой ступени ноосферы и постиндустриальной цивилизации, социальная экология – формирование следующей ступени сферы разума – экологической цивилизации и т.д.

Итак, перед наукой и техникой поставлены новые цели – цели выживания и выхода из глобального кризиса, цели устойчивого развития и становления ноосферы. И от того, в какой мере наука поможет воплотить в реальность эти цели, зависит наше будущее.

В. Вернадский, выдвигая идею ноосферы, полагал, что научная мысль окажется фактором глобальных перемен или, как он писал, станет «планетным» явлением. Тем самым в иной форме чем сейчас он предвидел одно из направлений процесса глобализации, которых сейчас насчитывается не один десяток. Из всех направлений глобализации доминирующую роль играют экономико-финансовое и информационное направления, но за ними также стоит наука, т.е. основная магистраль глобализации имеет наукоемкий характер. И не случайно «всплеску» глобализационных процессов, на которые было обращено внимание исследователей, предшествовала научно-техническая революция и глобализация образования. Основной эффект экономической глобализации, а тем более «планетаризации» новых информационных технологий связан с воздействием науки. В этом смысле можно сказать, что глобализация (планетизация – по В.Вернадскому) предшествовала и сопровождала главные направления глобализации, причем основоположником учения о ноосфере хотя и выделялась пространственно-экстенсивная черта глобальных перемен, но главной все-таки оказывалась качественная сторона, которую он усматривал в становлении сферы разума в планетарном масштабе. Сходные мысли о роли науки и научной рациональности мы находим и у К. Циолковского, который видел этот процесс уже выходящим за земные пределы и размышлял о влиянии разума на судьбы Вселенной.

Усиление роли науки в ходе глобализации со временем приведет к появлению ее нового качества, которое мы связываем со становлением ноосферной науки. Причем «ноосферный поворот» науки к своему глобальному будущему в явном виде начинается уже в наше время в связи с переходом мирового сообщества к устойчивому развитию. Тенденция становления ноосферного качества науки посвящена эта работа, акцент в которой делается на философско-методологических проблемах.

Такой акцент обусловлен тем, что мы пытаемся выявить глубинные тенденции грядущего развития науки, что и составляет нашу главную задачу, и мы их находим как в самой логике развития науки, так и в экстернатальных факторах и условиях её функционирования в качестве важной подсистемы цивилизационного процесса.

В основание формирующейся ноосферной науки может быть положена определенная совокупность принципов, которые имеют иной характер, нежели основания современной науки, которую не очень удачно иногда называют постнеклассической. Современная наука не тождественна постнеклассической хотя бы потому, что она включает в себя и многие другие составляющие, о чём выше упоминалось. Эти компоненты обусловлены как прошлым состоянием науки, так в определенной мере и ее будущим, в частности теми принципами, тенденциями и характеристиками.

Переход к будущему обществу требует дальнейшего научного обоснования и постепенной, но весьма активной реализации. Между тем пока не совсем ясно, может ли в принципе «состояться» предлагаемая управляемая инновационная модель цивилизационного развития, поскольку политические декларации и рекомендации ООН существенно опережают научные обоснования и разработки этой формы развития мирового сообщества. Возможно, что для обоснования стратегии устойчивого развития науке необходимо изменить свое «содержание», которое должно существенно «футуризироваться», акцентировать внимание на будущем, причем прежде всего на желаемом и нормативном будущем.

И хотя мы основное внимание обращаем на научное обоснование идеи и стратегии устойчивого развития мирового сообщества, тем не менее, и сама наука должна будет трансформироваться в зависимости от приближения к «устойчивому» – к сфере разума или ноосфере. В науке также должна произойти смена парадигмы развития, она должна стать ноосферно ориентированной наукой. Перед наукой поставлены новые цели – цели выживания и выхода из антропоэкологического кризиса, цели решения глобальных проблем и устранения негативов глобализации через переход к устойчивому развитию и становление ноосферы. И от того, в какой мере наука поможет воплотить в реальность эти цели, зависит наше общее будущее. Наука это «устойчивое» будущее должна изучать и помогать в реализации его наиболее приемлемого для оптимального выживания человечества сценария.

Прогнозирование стихийно протекающих процессов (в частности цивилизационного процесса) – достаточно сложное занятие с весьма малой вероятностью. Ведь такие процессы подвержены воздействию случайных факторов, которые в принципе во всей своей совокупности невозможно учесть в исследовательском прогнозе. В этом случае, как правило, создаются альтернативные варианты прогноза, сценарии возможного насту-

пления будущих событий. Кроме того, наука еще не включила будущее в полной мере в предмет своего исследования, как это имеет место с изучением настоящего (происходящего) и прошлого. А между тем это необходимо, поскольку было выявлено (в том числе и даже прежде всего с помощью математических моделей), что взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего не является столь примитивно-линейной и однонаправленной как это представляется с позиций здравого смысла.

На это обратили внимание, прежде всего, представители математического естествознания. Н.Н. Моисеев отмечает, что существуют системы, когда прошлое никак не влияет на их динамику. Полное отсутствие влияния прошлого на настоящее и будущее характерно для такого стохастического движения как турбулентность, превращения космического вещества в черные дыры и т.п. Аналогичные процессы и системы исследует и синергетика, что существенно влияет на образ науки, придавая ей явные черты нелинейного феномена.

Будущее предстает как весьма своеобразный объект осмысления или исследования, и прежде всего его особенность в том, что его ещё не существует. На первый взгляд, будущее представляет собой нечто синкретически неопределённое, объединяющее в себе различные значения, мнения и точки зрения. Однако уже можно увидеть некоторый состав и структуру будущего.

Если исходить из линейно-последовательного течения времени, то можно обнаружить процессы, которые инвариантны для прошлого, настоящего и будущего. Здесь мы имеем дело с представлением будущего как линейного продолжения прошлого или ныне происходящего. Отношение к будущему, которое сложилось в науке и образовании, а в большей степени - в обыденной жизни, во многих сферах деятельности людей носит зачастую линейно-исторический характер. Это отношение действительно имеет место в тех случаях, когда тенденции прошлого экстраполируются через настоящее в будущее.

Однако новая форма будущего может возникнуть совершенно случайно, она может быть никак не связанной с тем, что имело место ранее, до его наступления. Так, линейный характер взаимосвязи темпоперодов нарушается в ряде процессов и прошлое, настоящее и будущее могут быть связаны слабо либо никак не связаны, как это происходит, например, в упомянутых процессах с турбулентностью. Еще один – космологический пример, связанный с образованием черных дыр, уникальных космических сверхплотных объектов, не выпускающих любое излучение

(кроме излучения Хокинга), в том числе и свет из своих гравитационных «объятий» (горизонта событий). И, вероятно, самый грандиозный пример темпоральной нелинейности, - это Большой Взрыв, положивший начало принципиально новому – вселенскому процессу эволюции в мироздании. И это одно из обстоятельств, которому многие учёные придают фундаментальное значение в плане предсказания будущего.

Наконец, есть процессы наступления будущего с какой-то вероятностью, отличной от единицы и нуля, как это имеет место в предыдущих случаях. В отношении упомянутых здесь трёх различных форм наступления будущего их познание или предсказание принципиально отличаются друг от друга: одно из них предсказуемо полностью, другое вообще не предсказуемо, третье прогнозируемо лишь частично. Всё это свидетельствует о том, что будущее можно и нужно исследовать или осознавать, о нём следует всё больше размышлять, иначе при нашем бездействии своим наступлением оно нас может разочаровать.

Тем самым, будущее, вытесняя настоящее и становясь прошлым, представляет собой некоторое множество процессов и событий, которые ещё не произошли, но могут, как произойти, так и не осуществиться. Нелинейность и неопределённость наступления будущего – это фундаментальная его характеристика и особенность, требующая специального его исследования, отличная от того, что есть и было. Важно понять, что будущее как форма существования и движения времени принципиально отличается от прошлого и настоящего. И прежде всего тем, что оно ещё не существует, хотя у него есть и другие черты и характеристики.

Течение времени неотвратно устремлено от прошлого через настоящее к будущему и эта его характеристика именуется «стрелой времени». Выделенная однонаправленная темпоральная ось, или прямая, протянутая из прошлого в будущее, вероятнее всего, наиболее тесно связана с фундаментальной асимметрией протекания основных процессов во Вселенной и с её расширением (А. Эддингтон), хотя и была обнаружена гораздо раньше, ещё в термодинамике (энтропийная стрела).

Гораздо проще изучать прошлое и настоящее, которые даны в уже имевших место либо ныне существующих фактах (которые должны быть достоверными). И это одна из причин того, что наука (и прежде всего социально-гуманитарное знание) предпочитает иметь дело с такого рода фактами, которые являются эмпирической базой науки. Вполне естественно, альтернативы грядущего и сценарии как „будущие факты” тех

или иных процессов входят в науку не столь же полноправно, что приводит многих ученых даже отказываться в праве вхождения будущего в науку.

И философия здесь не занимает однозначную позицию, ибо ее концептуально-теоретическое отношение к будущему противоречиво. С одной стороны, предсказание и прогнозирование признается одной из функций теоретического знания. Но, с другой стороны, теория не считается доказанной и истинной, если она не основывается на фактах, эмпирических данных, практики и т.п., которые по своему научному статусу и определению могут отображать только настоящее и прошлое. Вот почему современная наука занимается и исследует только (или лучше сказать главным образом) прошлое и происходящее) и с этих строгих академических позиций практически игнорирует будущее. Это последнее не входит в традиционную модель науки во всех ее разновидностях и даже на этапе современной и в какой-то степени “постнеклассической” науки. Да и приставка “пост”, где бы она ни появлялась (постмодерн, посткапитализм и т.д.) мало что говорит о состоянии того или иного процесса. Она как бы отражает факт (а скорее, «предчувствие») конца определенного этапа развития процесса, скажем, неклассической науки, и возможность перехода в новое состояние, отражая достаточно смутное ожидание грядущих инновационных трансформаций.

Реальный поворот науки к будущему и его исследование может начаться только в том случае, если будет сформирован иной образ (модель) науки как “опережающей науки”. Так или иначе, термин “опережение” присутствовал в науке этапа (модели) неустойчивого развития, особенно для фундаментального знания, но по вполне понятным причинам не играл существенной роли в общем академическом видении образа науки. Чтобы будущее в науке имело бы равноправный (или хотя бы близкий к нему) статус с настоящим и прошлым следует расширить интерпретацию термина “история”. Ведь чаще всего история представляется как прошлое и “реальность истории в этом случае трактуется как наследие, полученное людьми от предшествующих поколений”.

Другое более широкое понимание истории, как отмечает В. Кемеров, представляет ее как процесс человеческого бытия, развертывающегося во времени, как связь прошлого, настоящего и будущего. Однако, как правило, упомянутая связь времен касается лишь прошлого и настоящего в науке пространственном измерении. Однако замечание о связи времен в широкой исторической перспективе оказывается весьма важным для исследования будущего, что должно способствовать широкому

распространению вероятностно-гипотетических и нормативно-целевых форм научного знания (сближающего его с решениями) и соответствующих видов научной рациональности.

Происходящее, концентрируя внимание на настоящем, тем не менее, не исключает прошлого и будущего, оно их связывает с помощью настоящего, «концентрирует» вокруг себя. Вместе с тем могут выбираться и иные «связки темпомиров», когда делается акцент не на настоящем, а на других темпомирах (модусах времени). Если это акцент на прошлом, то мы имеем дело с обращением назад, ретроспекцией, а в научно плане – с широко распространенным или обычным пониманием исторического подхода. Перенос внимания на будущее можно именовать футуризацией, которое связано с исследованием либо ожиданием и созиданием будущего, которое нам хочется видеть лишенным негативных черт прошлого и настоящего. Футурологический подход является наиболее конструктивным, поскольку только в будущем можно реализовать то, что уже невозможно было реализовать в предыдущих темпомирах. И даже реалисты, которые говорят, что они акцентируют свое внимание на настоящем, наиболее эффективно работают, если мыслят и действуют опережающе. В человеческой деятельности важно опираться на все три модуса времени. И чем более оптимально они взаимосвязаны, тем более эффективной оказывается деятельностный процесс.

Настоятельная необходимость поворота науки к будущему продиктована тем, что традиционное видение истории, акцентирующее внимание на прошлом, исчерпало себя в стратегическом, идеологическом, политическом, научном и во многих других смыслах. Ведь фактически среди оснований истории как науки и исторического подхода, уделявших внимание лишь социальному бытию, исчезла (может быть, не до конца) окружающая человека и человечество природа. История человеческого бытия была в создаваемых наукой абстракциях оторвана от природы и начала противоречить фактом своего существования и деятельности естественным процессам и циклам биосферы (угрожая последней потерей устойчивости). Эта «ошибка» исторического познания и всего обществоведения, по сути дела игнорирующая сущностные связи человека и природы весьма дорого нам обошлась. Классический схематизм традиционного исторического исследования в конце концов привел к тому, что обозначился «конец истории», причем далеко не в смысле Ф. Фукуямы.

Это конец человеческой истории в прямом смысле этого слова, поскольку «изгнанная» из общественных наук природа начала «мстить»

человечеству, причем четко обозначился этот конец истории началом третьего тысячелетия, возможно даже XXI веком. Одним из базовых и неясных положений общественных дисциплин, которое очень редко обсуждался в науке, была также гипотеза вечного существования человечества на планете, природу которой оно могло безнаказанно преобразовывать и действовать в соответствии с принципом «гуманизма», т.е. чтобы все было «для человека, во имя его блага». Подобная точка зрения считалась общепринятой длительное время, пока практика не стала опровергать ее антропоцентризм быстро надвигающимся глобальным экологическим кризисом. Это одновременно был кризис не только «антропошовинистского» видения истории, но и идеи прогресса, под которую долгое время «подгонялся» цивилизационный процесс. Традиционный исторический подход оказался принципиально бесперспективным, ограниченным разрыванием и существованием модели неустойчивого развития с ее пространственно-временными границами и биосферными пределами.

Не только история, но и наука в целом неизбежно подошла к тому, что настало время либо уйти в прошлое со своим предметом «о прошлом» вместе с моделью неустойчивого развития либо обратить серьезное внимание на исследования будущего и видение исторического процесса в социоприродном измерении. Это возможно, если удастся круто повернуть широкий фронт исследований к новой модели социоприродного развития, ориентированной на будущее, в котором окажется место и человечеству, и окружающей его природе. Пока такой моделью оказывается лишь модель устойчивого развития и последующего ноосферогенеза.

В новой социоприродной модели развития придется, как уже отмечалось, отказаться от трактовки понимания человеческой деятельности, содержание которой составляет преобразование окружающего мира, деятельности как способности к преобразованию, созиданию новой среды своего обитания. Подобное понимание человеческой деятельности отображает в основном этап производящего хозяйства и техногенной цивилизации, где на первый план выступает именно преобразование природы с целью создания новых продуктов, удовлетворяющих жизненно важные потребности растущего народонаселения планеты.

Однако в длившемся миллионы лет первобытном охотничье-собирательском хозяйстве человек делал акцент не на преобразовании, а на адаптацию к природе и в устойчивом будущем (при переходе к новому способу взаимодействия природы и общества) также эта функция должна будет превалировать по сравнению с преобразованием. Поня-

тие деятельности, по сути дела лежащее в основе общественности, исторически изменяется в зависимости от реализации того или иного способа взаимодействия в системе «общество-природа». Социоприродное устойчивое развитие ноосферной ориентации в перспективе должно оказаться коэволюционным и поэтому в понимание деятельности ему соответствующее должна быть включена оптимизация адаптирующей и адаптационной функций, реализуя минимум преобразования природы для получения необходимого результата.

Принципиально важным для нового исторического подхода (условно назовем его ноосферно-футурологическим подходом) является не просто исследование динамики социоприродной системы “человек–общество–природа” в ракурсе связи времен (прошлого – настоящего – будущего), но и в оптимизации этой связи и акценте на будущем. Такой акцент как процесс футуризации необходим, прежде всего, потому, что требуется достаточно решительно отойти от классических схем видения истории, в том числе, и как чисто стихийного процесса и не видеть историю цивилизации лишь в модели неустойчивого развития.

Модель устойчивого развития уравнивает развитие настоящих и будущих поколений человечества во времени, исходит из того, что конец истории в форме планетарного омницида не должен наступить, для чего необходимо изменить форму (стратегию) цивилизационного процесса. И в этом смысле модель устойчивого развития как неопределенно долгого социоприродного процесса, если она реализуется, позволит удовлетворять потребности как нынешних, так и будущих поколений людей в природных ресурсах и экологических условиях. В модели неустойчивого развития такого равенства не существует, причём не только во временном, но и в пространственном отношении, поскольку современные поколения разделены по своим возможностям доступа к ресурсам и экологическим условиям. Кроме того, настоящие поколения фактически отбирают упомянутые материальные блага у своих потомков, в результате чего этим последним достанутся гораздо худшие экологические условия и более бедные ресурсы, что может привести к угасанию не только цивилизационного процесса, но и всего рода человеческого и даже гибели большей части биоты.

И хотя в силу антропоцентрического характера мышления подавляющего большинства населения земного шара, выдвигая идеи устойчивого развития, мы, прежде всего, заботимся о выживании человеческого рода,

тем не менее, как было показано, такое выживание немислимо без сохранения биосферы (и в более широком смысле – сохранения окружающей природной среды, включая космическую). Поэтому будущая история – это не отдельная история природы и история людей. Речь в принципе должна идти о принципиально новой истории – социоприродной, или социоестественной истории, т.е. будущей истории формирующейся системы “человек–общество–природа”.

Что касается исследований темпоральных отрезков, то представляется уместным также устранить ныне существующую асимметрию прошлого, настоящего и будущего, когда основное внимание уделяется прошлому (по нашим оценкам, не менее 95%), несколько оставшихся процентов – настоящему и лишь какие-то доли процента – будущему. В процессе перехода к устойчивому социоприродному развитию представляется целесообразным изучение временных промежутков более или менее разделить на три приблизительно равные части (что в свое время предлагалось в книге «Футурошок»), увеличивая доли настоящего и особенно будущего за счет прошлого и в этом смысле социоестественная история окажется действительно оптимизированной связью прошлого, настоящего и будущего.

В будущей ноосферной науке резко возрастает доля нефактологического знания, а именно вероятностно-гипотетических форм его, которые позволяют находить выход из кризисных ситуаций и решать проблемы перехода от старой к новой цивилизационной модели. В этом смысле будущая наука ноосферной ориентации окажется принципиально новой системой, в которой выдвижение и функционирование форм вероятностно-гипотетического знания окажется уже не остаточномаргинальным, а нормальным процессом научного исследования, за которые могут присуждаться научные степени и ученые звания. В этой связи существенное развитие получит прогностические и футурологические средства исследования особенно гипотетико-дедуктивный метод, предполагающий выдвижение концептуальных идей, существенно обгоняющих как эмпирические данные науки, так и человеческой практики, которой именно они и будут “освещать” дорогу к истине, которая вначале будет носить виртуально-вероятностную форму. Тем самым, ноосферная модель науки в существенной степени окажется (как систему знания) как гипотетико-дедуктивная и «футурологическая» модель науки, а не как эмпирическо-аксиоматическая и «фактологическая» модель, что

характерно для предыдущих этапов развития науки в цивилизационной истории с неустойчивым развитием.

В принципе тенденция «нефактологического» подхода отчетливо обнаружилась и в науке на протяжении всех ее этапов развития. И в этом «виновато» не только предсказание и исследование будущего, но и появление и развитие наук, отвлекающихся в той или иной степени от истинности своих положений и их содержательности. Классическим примером такой науки, как отмечалось, является математика, где важна не истинность результатов, а логическая непротиворечивость аксиом.

В настоящее время происходит процесс объединения различных подходов и способов, а также предметных областей прогнозирования в такой общей форме как «исследования будущего», причём этот термин стал всё больше вытеснять термин «футурология». Исследования будущего квалифицируются как междисциплинарное направление современной науки, в которое ныне входят все области, связанные с познанием (изучением, осознанием) будущего, включая прогностику и футурологию.

Существуют две основные формы (направления) исследования будущего (как его мыследеятельностного созидания), исходящие из приоритета либо объекта, либо субъекта этого исследования. «Объективное» исследование будущего, это то, которое часто именуется исследовательскими (дескриптивными) прогнозами, когда роль субъекта не принимается во внимание, либо он также исследователями представляется как объект. Этот тип прогнозирования предполагает исследование будущего как объективно длящегося вслед за настоящим с целью выявления возможных тенденций или сценариев развития, которые могут повлиять на выбор и принятие к реализации желаемых траекторий развертывания изучаемого процесса в будущем.

Второй тип исследования будущего исходит из потребностей, интересов и желания субъекта и содержит в себе образ будущего, который в той или иной степени «устраивает» тех, кто формирует такой нормативный прогноз. Вполне понятно, что прескриптивный (нормативный) прогноз базируется на исследовательских прогнозах, но акцентирует внимание прежде всего на субъективной стороне становления будущего, исходит из видения исследователя и возможности управления процессом созидания «потребного» грядущего. Поисковый прогноз в большинстве случаев должен предшествовать нормативному, поскольку последний уже представляет собой итог изыскательского предвидения, определенный выбор управленческого решения. Но изыскательские прогнозы предпри-

нимаются тогда, когда существует в них определенная потребность и они служат реализации каких-то целей, т. е. уже существует некоторый, пусть ещё недостаточно определенный нормативный прогноз. Сочетание поисковых и нормативных прогнозов представляет собой наиболее эффективное комплексное средство прогнозирования, которое используется в управлении, в выборе оптимальных решений.

Особое развитие в последнее время получил такой способ предвидения и преимущественно нормативного формирования будущего как форсайт, используемый уже во многих областях деятельности, как в науке и технологиях, так и в экономике, социально-культурных и других сферах. Форсайт (foresight – видение будущего) – выступает в качестве технологии долгосрочного прогнозирования и создания системно-целостного и согласованного приемлемого образа будущего. Форсайт предстает как процесс и результат не только творческой активности ученых, но и деятельности различных участников (экспертов) – разработчиков и организаторов, заинтересованных и вовлеченных в его формирование, передающих свои знания и гипотезы, мнения и умения. В этой особой системной технологии предвидения будущей эволюции прогнозируемого объекта используются и сочетаются многие методы и виды прогнозов, обеспечивающих реализацию желаемого прогноза по выбранной траектории на основе консенсуса всех его участников. Привлекаются и другие способы использования опережающего мышления, в частности, на базе широко понимаемого понятия парадигмы.

В принципе имеет место влияние прогноза (образа будущего) на принятие решений в настоящем – это получило наименование «эффекта Эдипа». Мы можем на основании полученного поискового прогноза принять решение по противодействию его реализации либо, наоборот, по его скорейшей и оптимальной реализации. Например, выявленный прогноз возможности перехода к устойчивому развитию означает, что получен один из сценариев дальнейшего развития общества и его взаимодействия с природой. Можно, как это сделало мировое сообщество на ЮНСЕД, считать этот прогноз не просто поисковым, а уже в определённой степени нормативным, как наиболее «желаемым» для будущего человечества, как цель его дальнейшего развития в третьем тысячелетии и тем самым искать оптимальные решения его реализации. В принципе этот нормативно-исследовательский прогноз-сценарий является результатом исследования будущего и примером упомянутого форсайта на глобальном уровне.

Иногда высказывается точка зрения, что прогнозирование не влияет на процесс принятия решений, хотя бы потому, что Нобелевские премии выдавались только за исследования прошлого и настоящего, и ни разу за исследования будущего. Однако вряд ли это можно считать аргументом, ведь эти премии обычно дают за давно сделанные открытия и научные достижения, которые доказали свою эффективность в течение определённого времени. И хотя существует мнение о том, что именно изучение прошлого важно для принятия решений (особенно у историков), в частности, решений высшей государственной власти, реальная практика их принятия это опровергает. Можно констатировать, что учёт опыта прошлого при принятии решений это скорее исключение, чем правило. На это обратил внимание ещё Гегель, когда отмечал, что: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее». А поскольку наука сосредотачивает свое внимание на изучении прошлого, она почти не принимает участие в принятии решений на государственном и глобально-международном уровнях.

И это далеко не случайно (исключение, вероятно, представляет лишь британское правосудие). Дело в том, что большинство решений принимаются чаще всего в условиях цейтнота, интуитивно-волюнтаристски. Лица, принимающие решения, фактически не имеют ни времени, ни средств для учета опыта и тенденций прошлого. Лица, принимающие решения, не желают учиться на ошибках прошлого, не хотят учитывать уроки истории. Принятие решений оказывается изолированным от прошлого и может руководствоваться либо настоящим, либо ещё отчасти достаточно общим представлением о будущем.

Однако будущее (или точнее – его виртуальный образ) должно быть включено в процесс принятия решений. Для этого необходимо специально заниматься не просто спорадическим прогнозированием и предсказанием (как это делала наука вплоть до начала третьего тысячелетия), а специально сосредоточиться на будущем в научном поиске (как это было до сих пор с прошлым и настоящим), т.е. всё больше заниматься исследованием будущего.

Поворот науки к будущему и его исследование может начаться только в том случае, если будет сформирован иной образ (модель) науки как

в определенной степени «опережающей науки». Так или иначе, термин «опережение» присутствовал и в науке модели неустойчивого развития, но по вполне понятным причинам не играл существенной роли в общем видении образа науки.

Можно сказать, что поворот науки к будущему, т.е. ее футуризация, в значительной степени совпадает с вторжением в науку понятия информации. Именно с помощью понятия информации удастся включить «фактор будущего» в науку, поскольку стала изучаться новая форма отражения и причинности, в которых этот фактор играет важную роль. Опережающее отражение примет новые формы в обществе, в котором наука, образование, управление и вся интеллектуально-информационная деятельность будет ориентироваться на будущее.

Уже сейчас в современной науке существуют отдельные дисциплины и научные направления, которые, отвлекаясь от содержательной стороны, могут быть легко ориентированы на изучение будущего – это прежде всего математика, а вслед за ней и информатика и другие информационные исследования. Именно в них появилась виртуальная реальность, которая может оказаться воплощенной в настоящую реальность в будущем. Ряд отраслей знания значительную часть своих усилий акцентируют не только на сущем, но и должном и в этом смысле на будущем (этика, право и др.). Поэтому будущая наука видится в значительной степени как футуризованная наука, в отличие от науки модели неустойчивого развития, “взор” которой обращен в основном в прошлое и в которой доминируют процессы модернизации.

Прогнозы должны быть включены в процесс принятия решений и исследование будущего как междисциплинарное направление современной науки время от времени заявляет о себе. Новая волна интереса к изучению будущего во второй половине XX века была в определенной степени связана с опубликованием в 1970 книги Э. Тоффлера «Футурошок». В этой работе выдающийся футуролог обращает внимание на неслыханный темп, характерный для современных культурных, политических и многих других трансформаций. Он даже полагает, что человечество может погибнуть не из-за экологической катастрофы, ядерной реакции или истощения ресурсов. Шок будущего, который все больше испытывают люди, по его мнению, приводит к психологическому онемению, к наиболее реальной опасности, которая подстерегает человечество.

Причем Э. Тоффлер попытался показать, что скорость перемен имеет значение совершенно отличное и иногда более важное, чем направления

перемен. Для того, чтобы успешно справиться с быстрыми переменами, считает футуролог, от большинства из нас потребуется преобразовать свое отношение к будущему, осознать роль, которую оно играет в настоящем. Цель его книги – изменить отношение к будущему, чтобы читатель, закончив чтение книги, стал бы больше думать, размышлять о будущем, или даже попытался предвосхитить грядущие события.

Однако перманентный интерес к изучению будущего существенно оживляется только с публикацией докладов (их уже более тридцати) Римского клуба и появлению нового мирового сценария – устойчивого развития человечества. Принятие и дальнейшая разработка, начиная с 1992 г., на форумах ООН стратегии устойчивого развития самим своим существом обращена в сторону грядущего. Доклад с символичным наименованием «Наше общее будущее» был составлен несколькими сотнями экспертов Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (возглавляемой Г.Х. Брундтланд) и представлял первое фундаментальное научное обоснование необходимости перехода к УР. В этом докладе содержится развернутое обоснование перехода от опасностей и угрозамии эконоцентрической формы развития к модели (стратегии) цивилизационного поступательного движения. Именно этот тип развития может обеспечить выживание человечества и сделает эсхатологический финал гораздо более неопределенным, а, может быть, и поможет избежать его.

Благодаря этому докладу стало понятным, почему надо гораздо более пристальное внимание уделять исследованию и стратегическому планированию будущего в глобальном и социоприродном ракурсе. И попытаться изменить современную форму (модель) развития в пользу дальнейшего непрерывного и безопасного существования и эволюции человечества и сохранения биосферы. Уместно напомнить также, что итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 2012 г., адресованный к населению нашей планеты, также получил официальное наименование: «Будущее, которого мы хотим».

Человечество из современного своего неустойчивого состояния должно будет перейти через УР к такому будущему, которое обеспечит его выживание, и на этой «устойчивой основе» неопределенно долгое существование. Цель перехода на путь УР состоит не просто в реализации новой формы социального и социоприродного развития, а прежде всего в том, чтобы обеспечить дальнейшее перманентное существование и со-

хранение человечества как пока единственного вида социальной ступени развития во Вселенной.

Проблема времени и такого его феномена как футуризация оказалась междисциплинарной и потребовала использования научного знания ряда современных отраслей знания, которые ранее никогда не соприкасались между собой. Футуризация (и её опережающая форма) выступает как высшая темпорально-инновационная характеристика всей человеческой деятельности, что стало очевидным, когда наметился переход к УР. Футуризация предстает как своего рода восстановление «темпоральной справедливости» в совокупной человеческой деятельности, а в познании как реализация «темпоральной целостности» эволюционно-исторического процесса, который, конечно, нельзя сводить только к изучению прошлого и настоящего. Футурошок процесса перехода к УР и будущей ноосфере означает, что наше человечество перестает быть «пространственной» цивилизацией и становится также «темпорально-футуристической». От глобализации, мыслимой чаще всего в пространственных координатах, намечается переход к глобализации через УР как «темпорально-опережающему» процессу, когда единство социоприродной системы в перспективе видится как пространственно-временная целостность.

Сказанное выше для науки в целом и особенно социально-гуманитарных отраслей является существенным «ноосферным» аргументом в пользу усиления ее целостности под влиянием интегративно-общенаучных процессов. Формирование единой науки не отвергает ее дисциплинарную организацию (как и соответствующие процессы дифференциации), но, на наш взгляд, должен произойти перелом в соотношении интеграции и дифференциации, когда на приоритетное место выйдут междисциплинарно-интегративные процессы, объединяющие многие отрасли науки на решение крупномасштабных и особенно глобальных проблем и тем более – на решение такой суперглобальной проблемы как переход к устойчивому будущему в форме ноосферы как социоприродного процесса, продолжающего коэволюционное развитие во Вселенной.

Дисциплинарная организация науки, как показывает практика, существенно отстает от проблемно-поисковых разработок, хотя и составляет их фундамент. В темпоральном измерении дисциплинарная наука, в основном составляющая основу «образовательного знания», т.е. знания, функционирующего в современном образовательном процессе, – это существенно отстающая от переднего края научного поиска, иногда на многие десятилетия.

Знание, переходя из науки в сферу образования, меняет свою форму и содержание, научное знание превращается в так называемое «образовательное знание». Такое понятие было введено в философию и социологию М. Шелером, который определяет это понятие как «приобретенное на одном или немногих хороших, точных образцах и включенное в систему знания сущностное знание, которое стало формой и правилом схватывания, «категорией» всех случайных фактов будущего опыта, имеющих ту же сущность».

Как видим, М. Шелер полагал, что «образовательное знание» должно быть сущностным знанием, инвариантным для прошлого, настоящего и будущего. С этим можно согласиться, хотя в науке есть знание, которое характерно лишь для каждого из временных отрезков, а акцент на будущем в «устойчивом образовании» говорит о том, что сущностно-инвариантным знанием ограничиться невозможно, особенно в условиях ускоренного роста научной информации.

Если современное образование будет трансформироваться в инновационное образование XXI века, то оно должно ориентироваться, прежде всего, на проблемно-поисковую часть научного знания и инвариантно-фундаментальную часть дисциплинарной науки. Ведь образование призвано в основной своей части быть опережающим образованием. В условиях, когда мировое сообщество приняло курс на переход к устойчивому развитию, научно-образовательный процесс не может только запоздало отображать сущее, но и обязан осуществлять «опережающее» отображение будущего, особенно в его нормативной форме, которое может и должно способствовать реализации новой цивилизационной стратегии.

Вот почему важно в учебно-методических изданиях материал разделить на две части – на сущее и должное, что уже было впервые в России реализовано в учебном пособии «Введение в социальную экологию», а позже и в ряде других учебных пособий. Представляется, хотя современные государственные стандарты в области образования еще не исходят из упомянутого методологического подхода, связанного с концепцией УР, тем не менее, это придется рано или поздно осуществлять в научно-образовательном процессе.

Наука и образование при переходе к устойчивому развитию соединятся в единый научно-образовательный процесс, работающий на создание сферы разума. Начало этого процесса мы видим в решениях всемирных форумов ООН, посвященных проблемам устойчивого развития. Ведь с нынешней системой образования, формирующей сильно отстаю-

щее от бытия сознание (имеются в виду общие черты мировой системы образования) человечество не войдет в свое устойчивое будущее. Для устойчивой цивилизации необходима новая модель (и даже ряд моделей) образования, которая могла бы удовлетворять соответствующие (неисчезающие) потребности нынешних и будущих поколений землян и всего человечества. Основные контуры новой модели общественного (цивилизационного) развития и его важнейшей подсистемы – образования должны сформироваться в ближайшие десятилетия.

Уже имеется своего рода список позиций УР-трансформаций образовательного процесса, отражающих путь превращения нынешнего и особенно будущих поколений людей из объектов ноосферных преобразований субъектов такого рода общецивилизационных изменений. В результате образовательная система для устойчивого развития не только «впишется» в поступательное движение мирового сообщества по новому пути, но и окажется одним из решающих рычагов грядущего цивилизационного «инновационного перехода». В свою очередь, как одна из важнейших сфер социальной деятельности, образование также перейдет на свой собственный путь устойчивого развития в соответствии с принципами УР-трансформаций.

Совершенно очевидно, что образование, ставшее признанным атрибутом человеческого существования и прогресса, должно прекратить свое экстенсивное продолжение как линейный рост, его необходимо переориентировать на новые общечеловеческие принципы, ценности и цели, соответствующие новой цивилизационной парадигме. Эта переориентация меняет его смысл и роль в жизнедеятельности людей. До сих пор образование чаще всего мыслилось как трансляционный процесс и результат усвоения человеком систематизированных знаний, навыков, умений и опыта прошлых и ныне здравствующих поколений, их передачи последующим поколениям. Но в условиях перехода к устойчивому развитию, представляющему нелинейный переходный процесс, гораздо более важна другая информация, а именно – информация о будущем и из будущего как некой виртуальной (и желаемой) реальности.

Последующим трем-четырем поколениям потребуются прежде всего знания (и информация) о выходе из кризисных ситуаций и переходе к устойчивому развитию. Да и из культуры в целом они должны выбрать ценности и универсалии, помогающие выживанию, что способно обогатить их духовно и достроить «здание» культуры новыми «кирпичами», соответствующими стратегии устойчивого развития. Значит, следует со-

гласиться с мнением, что роль образования в обществе состоит не только в трансляции знаний, умений, навыков и вообще социальных достижений из поколения в поколение, но и в том, чтобы готовить ныне живущие поколения к выходу из всевозможных и прежде всего глобальных кризисов и катастроф, преодолеть которые можно не устаревшими, а лишь опережающими знаниями и антикризисными действиями.

Вот почему будущая образовательная система для устойчивого развития, о которой подробнее ещё пойдёт речь далее, – это одна из основных моделей образования XXI века – модель, в принципе синергетически изменяющая функции всего образования в обществе, стремящемся выжить в условиях обострения глобальных проблем и кризисов. Включение в образование, наряду с передачей (наследованием, накоплением, воспроизводством) знаний, умений, навыков (ценностей, норм) инновационной функции развивающего опережения и антикризисных решений меняет само его понимание, а значит и определение. С этой точки зрения образование призвано не только транслировать знания, умения, навыки, ценности и культуру от прошлых и нынешних поколений к будущим, но и осуществлять опережающую подготовку человека к решению кризисно-катастрофических ситуаций и переходу на путь устойчивого развития, формирования нашего общего безопасного будущего и открывающего новые горизонты продолжения развития цивилизации.

Может показаться, что идея о необходимости обеспечения опережающего сознания (и образования) еще концептуально мало обоснована. Ведь до сих пор общественное сознание по природе своей было и является отстающе-консервативным, а опережающие прорывы наиболее характерны для индивидуального сознания (причем отдельных выдающихся личностей). Поэтому очень важно раскрыть механизмы, посредством которых открывается возможность обеспечивать опережающее развитие общественного сознания и формирование коллективно-глобального интеллекта цивилизации.

Таким механизмом на наш взгляд, может стать формирующийся ноосферный интеллект в условиях перехода к модели устойчивого развития. Он появится на пути трансформации общественного сознания модели неустойчивого развития на стадии зрелого и глобального информационного общества с устойчивым развитием. Подобная трансформация общественного сознания (а точнее – определенной его части) в ноосферный интеллект с помощью компьютерных и медиатизационных технологий

позволит преодолеть консервативно-отстающий характер общественно-го сознания (особенно в сфере науки и образования) нынешней формы цивилизационного процесса. Ноосферный интеллект как новая форма «общественного сознания» не может целиком быть переориентирован только на будущее.

Сознание в любой его форме отражает и должно отображать все темпоральные периоды (прошлое, настоящее, будущее). Речь поэтому идет о необходимости создания опережающих механизмов, способных усилить внимание к грядущему, а не «изгнать» из сознания прошлое и настоящее. Это невозможно в принципе и важно при создании ноосферного интеллекта реализовать темпоральную оптимизацию, способствующую реализации перехода к ноосферно-устойчивому развитию. Именно в ориентации общества на превентивные действия по созиданию ноосферы мы видим инновационно – творческую функцию образования, которая созвучна глобальным перспективам III тысячелетия.

Инновационно-устойчивое образование XXI века должно будет ориентироваться на самую передовую науку, прежде всего, как источник для «образовательного знания». Однако, понятно, что современная наука в своей социально-гуманитарной и междисциплинарной части лишь в незначительной степени может выполнять эту роль, поскольку она оказывается «пригодной» для отображения в основном модели неустойчивого развития (НУР). Это замечание в определенной части касается всей науки в целом, поскольку она не ставила себе цель создания модели УР и реализации его принципов. Однако прежде всего речь идет о социально-гуманитарном знании, в котором должны будут произойти кардинальные изменения в плане экологизации, футуризации, информатизации, фундаментализации и особенно – интеллектуализации (и на её базе рационализации), что в совокупности стимулирует ноосферную ориентацию всей науки. Каждая из упомянутых и других тенденций, составляющих содержание «ноосферной революции» в науке, должна будет сформировать новый целостный образ (модель) ноосферной науки.

Сверхзадача перехода от модели неустойчивого развития к сфере разума, где человек в полной мере окажется человеком разумным, состоит в кардинальной смене типа рациональности и базовых ценностей. Уже на этапе перехода к устойчивому развитию должен существенно ослабиться экономический акцент рациональности. Эта последняя должна стать более системно-целостной, включив в себя, наряду с экономическими, экологические и социальные аспекты, а в дальнейшем и многие другие,

которые определяют постепенную оптимизацию траектории переходного процесса. Этот тип рациональности можно условно назвать «устойчивой» или ноосферной рациональностью, которая не столько отражает наличное бытие, сколько его формирует, созидая «направленное будущее».

Формирование «устойчивой рациональности» и явится главной задачей науки и в значительной части и образования XXI века, если они станут наукой и образованием для устойчивого развития. В этом важность и приоритетность науки и образования для устойчивого развития, поскольку они станут решающим и широкомасштабным социальным фактором (способом) переориентации менталитета и рациональности каждой отдельной личности. Рост числа индивидов с «устойчивой», а в перспективе и ноосферной рациональностью эволюционным путем приведет к формированию сферы разума, в которой и индивидуальное и общественное сознание также окажется переориентированным на реализацию целей устойчивого развития. Формирование этой коллективной ноосферной рациональности также является одной из задач образования для устойчивого развития, но выходит за пределы его компетенции, поскольку включает более широкий комплекс средств его осуществления, включая формирования научно-образовательной системы для устойчивого развития, ее связь с процессами управления и т.д.

В широком смысле, речь идет о формировании так называемого «ноосферного интеллекта» представляющего собой высокоинформатизированную глобальную суперсистему, связывающую индивидуальные интеллекты и компьютерно-телекоммуникационные системы глобального измерения. Через эти последние интеллект индивида может быть подключен к единой системе принятия решений, в которой могут быть в той или иной степени (с определенным коэффициентом) учтены мнения и знания каждой составляющей этой информационной суперсистемы. Ноосферный интеллект будет существенно (качественно) отличаться от того, что мы именуем общественным сознанием в модели неустойчивого развития.

От своего достаточно неопределенного аналога (кстати, не имеющего своей глобальной формы существования) в модели неустойчивого развития, ноосферный интеллект окажется средством получения новых научных и образовательных знаний, так и принятия коллективных и опережающих решений всего человечества, где не должны будут доминировать определенные группировки либо даже большинство населения (а только разумное).

В этом смысле это будет качественно иная форма принятия демократических (но не просто демократических, а разумных) решений, чем современная демократия, исповедующая принцип принятия решений большинством принимающих в этом участие. Предполагается, что кроме учета мнений меньшинства и даже отдельных индивидов, блок принятия решений будет учитывать интересы будущих поколений, а также «интересы» биоты и даже биосферы в целом. Здесь уже появляется принципиально новый тип рациональности (ноосферной), которая будет определять поведение не только отдельного человека, но и всего человечества.

Признание сферы разума как такой социоприродной системы, в которой появится ноосферный интеллект, ставит новые проблемы перед наукой и образованием как социальными феноменами и их ролью в этой социоприродной системе. Становится понятным, что ноосферный научно-образовательный процесс – это не просто современные науки и образование и даже не их системный синтез для устойчивого развития. Ноосферный научно-образовательный процесс обязан быть адекватным социоприродной системе, именуемой сферой разума, а значит должен выполнять свою роль в формировании и поддержании ноосферного интеллекта, так и этот последний будет играть, видимо, приоритетную роль в научно-образовательных процессах.

5.2. Международное научно - техническое сотрудничество как основа развития научного потенциала Республики Молдова

В начале XXI века наблюдается быстрое развитие ландшафта глобальных исследований. Доля стран в общем объеме расходов для исследований и разработок растет с каждым годом. В качестве свидетельства может послужить, установленный ЮНЕСКО, рейтинг стран мира по уровню расходов на науку, который рассчитывается как общий объём государственных и частных расходов на НИОКР, выраженный в процентах от валового внутреннего продукта. Для наглядности приведем несколько примеров: Израиль - 4.40; Финляндия - 3.88; Южная Корея - 3.74; Швеция - 3.40; Соединённые Штаты Америки - 2.90; Германия - 2.82; Сингапур - 2.43; Франция - 2.25; Словения - 2.11; Китай - 1.70; Эстония - 1.62; Чехия - 1.56; Россия - 1.16; Тунис - 1.10; Южная Африка - 0.93; Сербия - 0.92; Украина - 0.86; Хорватия - 0.73; Беларусь - 0.64; Молдова - 0.53, Румыния - 0.47, Эквадор - 0.26; Азербайджан - 0.25; Монголия - 0.24, Казахстан - 0.23; Таджикистан - 0.09; Индонезия - 0.08; Босния и Герцеговина - 0.02.

ЮНЕСКО также определил, что расходы на науку в государственных бюджетах скаждым годом растут и в абсолютном, и в относительном выражении.

В соответствующей перспективе для Республики Молдова единственным путем, обеспечивающим рост научного потенциала, а также развитие инновационных отраслей промышленности, является открытость для международного сотрудничества и сотрудничество с лучшими умами мира (такими, как бывшие стипендиаты европейской программы мобильности «Мари Кюри», а ныне Нобелевские лауреаты Штефан Хелль, Эдвард Ингьялд Мозер, Такааки Кадзита, Бернар Феринга).

Ярким примером этого стремления является Стратегия развития международного сотрудничества в области научных исследований и инноваций, принятое Европейской Комиссией, которая предполагает развитие сотрудничества в целях достижения стратегических приоритетов ЕС, сохраняя при этом традиционную открытость европейских исследований для участия в них третьих стран.

В коммюнике «Укрепление и определение приоритетов международного сотрудничества ЕС в сфере исследований и инноваций: стратегический подход», принятого Европейской комиссией подчеркивается, что в результате стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, на международном уровне исследования и инновации становятся все более взаимосвязанными.

Немаловажным является вывод о том, что для сохранения своей ведущей роли во всем мире, Европейскому Союзу следует проявить себя в качестве привлекательного пространства для исследований и инноваций, и добиться успеха в глобальной конкуренции для привлечения талантов.

Среди успехов, достигнутых в области оптимизации масштаба и сферы деятельности международного сотрудничества, Комиссия признает:

- Партнерство между европейскими и развивающимися странами в области клинических испытаний (European and Developing Countries Clinical Trials Partnership – EDCTP). Речь идет о партнерстве между 14 государствами-членами ЕС, Швейцарией, Норвегией и странами Африки к югу от Сахары, направленном на борьбу с ВИЧ/СПИДОМ, туберкулезом и малярией;

- Проект ITER, в котором Китай, Индия, Япония, Россия, Южная Корея и США объединили свои усилия для того, чтобы доказать, что ядерный синтез является источником жизнеспособной энергии будущего;

ГЛАВА 5. Наука и глобальное устойчивое развитие

- Программа «Мари Кюри», имеющая обширную международную область применения. За 20 лет существования программы, ею воспользовались 98000 ученых и 5000 научных организаций из 107 стран мира;

- Объединенный исследовательский центр Европейской Комиссии, сотрудничающий с международными партнерами по широкому кругу вопросов;

- Глобальное объединение сетей для научных исследований и образования, осуществляемое через сеть GEANT и финансирующееся в значительной степени за счет Европейского союза;

- Европейский союз вместе с другими 13 странами оказывает поддержку программе Human Frontier Science в целях финансирования международного сотрудничества в фундаментальных исследованиях.

В коммюнике также отражены цели международного сотрудничества, в том числе:

- Повышение привлекательности ЕС в области научных исследований и инноваций, а также его экономической и промышленной конкурентоспособности путем создания взаимовыгодных ситуаций и сотрудничества на взаимовыгодной основе обеспечения доступа к внешним источникам знаний, привлечения талантов и инвестиций в рамках союза, облегчения доступа к новым и формирующимся рынкам и согласования общей практики в области исследовательской деятельности и использования результатов;

- Решение социальных проблем глобального характера путем развития и применения более быстрых и эффективных решений и путем оптимизации использования исследовательских инфраструктур;

- Поддержка внешней политики Союза при тесной координации между политикой расширения, добрососедства, внешней торговли и политики безопасности (ОВПБ), политики в отношении гуманитарной помощи и политики в области развития и интеграции научных исследований и инноваций во всеобъемлющей формуле внешнего воздействия.

Что касается Республики Молдова, то основной целью государственной политики в области науки и инноваций является устойчивое социально-экономическое и гуманитарное развитие страны, основанное на стимулировании и максимально широком использовании научного, научно-технического и технологического потенциала, ориентированного на ценности открытого демократического общества, для создания и реализации конкурентоспособных и экологически чистых продуктов, ус-

луг и процессов. Государственная политика в области науки и инноваций предусматривает концентрацию ресурсов на стратегических направлениях деятельности в этой области, которые определяются с учетом имеющихся на международном уровне тенденций, национального потенциала и потребностей социально-экономического развития страны.

В процессе разработки и принятия Стратегии исследования-развития Республики Молдова до 2020 года было установлено, что исследование-развитие в Республике Молдова сталкивается с потребностью эффективного использования строго ограниченных бюджетных ресурсов с целью обеспечения исследовательского процесса, основанного на высших достижениях, интегрированных в общий процесс международных исследований и направленного на удовлетворение постоянно растущих потребностей общества и национальной экономики.

После обретения независимости Республикой Молдова инфраструктура сферы исследования-развития пережила глубокий кризис, вызванный финансовой недостаточностью и нестабильностью, разрушением материальной и научно-технической базы, что вызвало массовую утечку человеческого потенциала из научной сферы.

В течение первого переходного периода (1990-1999 гг.) ВВП Республики Молдова сократился на 64%. За это время государственное финансирование исследований-развития резко снизилось с 0,73% от ВВП в 1990 году до 0,22% в 2004 году (что усугубилось значительным падением ВВП). Финансирование вернулось к цифре 0,6% от ВВП в 2008 году и вновь снизилось до 0,4% в 2011 году из-за международного экономического и финансового кризиса, который потребовал новых ограничений от национального публичного бюджета.

В 2004-2008 годах произошло значительное увеличение государственного финансирования области исследований и развития. Эта тенденция изменилась, и, начиная с 2009 года, в результате финансового кризиса, финансирование было сокращено не только как доля ВВП, но и в абсолютных цифрах. В последние годы на оперативном уровне были введены многие механизмы конкурсного финансирования (государственные программы, институциональные проекты, проекты по трансферу технологий, проекты для молодых ученых, проекты закупок научного оборудования, проекты по организации научных мероприятий) в пропорции 100% от финансирования исследовательской деятельности.

Несмотря на то, что в целях обеспечения международного сотрудничества еще в 2009 году в нашей республике был создан Центр междуна-

родных проектов, ответственный за организацию конкурсов проектов на основе международных договоров, стороной которых Республика Молдова является, координацию деятельности сети национальных контактных пунктов и представителей научного сообщества в различных европейских структурах, нам пока еще не удалось достаточно интегрироваться в процессы глобализации научных исследований.

Благодаря усилиям, предпринятым руководством сферы исследования-развития, определенный успехи в рамках международного сотрудничества были достигнуты.

Немаловажным подспорьем в этом отношении является Стратегия исследования-развития Республики Молдова, главная цель которой состоит в разработке системы, способной создать передовые научные знания для повышения конкурентоспособности национальной экономики и уровня благосостояния населения.

К 2020 г. сектор исследования-развития Республики Молдова будет располагать менеджментом приоритетов научных исследований для эффективного взаимодействия с обществом и деловой средой, внедрения результатов и распространения знаний, а интернационализация научных исследований и интеграция в европейское исследовательское пространство станут приоритетом политики управления научными исследованиями, которая на тот момент будет направлена на эффективность и конкурентоспособность с адекватным человеческим, институциональным и инфраструктурным потенциалом.

Вследствие подписания 11 ноября 2011 года Меморандума о взаимопонимании между Европейским Союзом и Республикой Молдова о присоединении ее к РП-7, начиная с 1 января 2012 года наша страна стала первой страной «Восточного партнерства» и второй в рамках Европейской политики добрососедства, которая получила статус ассоциированного члена Седьмой рамочной программы ЕС.

Этот статус дает Молдове право инициировать исследовательские проекты и создавать европейские консорциумы, участвовать во всех предложениях финансирования, выдвигать представителей в управленческие комитеты и рабочие группы европейского исследовательского пространства, получать поддержку Европейской Комиссии для укрепления сети национальных контактных пунктов, участвовать в научно-исследовательских инициативах, подпадающих под действие статей 185 и 187 Договора о функционировании Европейского Союза, обладая теми же правами и обязанностями в области интеллектуальной собственности, что и государства-члены ЕС и т.д.

Доступ к европейскому исследовательскому пространству предусматривает для сектора исследования-развития Республики Молдова следующие льготы:

- 1) доступ к эффективной научно-исследовательской инфраструктуре, привлечение дополнительного финансирования междисциплинарных исследований;
- 2) пользование экспертизой в тех областях, где у нас нет достаточной критической массы;
- 3) двусторонняя мобильность исследователей и их реинтеграция в страну происхождения;
- 4) внедрение международных и европейских стандартов качества в области менеджмента исследования-развития в стране;
- 5) расширенные возможности участия исследователей и организаций области исследования-развития в международных грантовых программах;
- 6) повышение значимости видимости молдавской науки за рубежом путем создания международных партнерских связей;
- 7) решение проблем национальной важности за счет привлечения иностранной экспертизы;
- 8) включение в область национальных научных исследований региональных и глобальных проблем;
- 9) интеграция местной научной инфраструктуры в мировое исследовательское пространство;
- 10) увеличение количества молдавских научных публикаций в престижных журналах и повышение осознания обществом роли знаний в качестве движущей силы развития.

Благодаря мероприятиям по информированию и стимулированию участия в проектах, проведенным АН по использованию возможностей, предоставленных статусом ассоциированной страны, за последние годы достигнут позитивный сдвиг в участии в европейских программах. После подписания Меморандума об ассоциации, в 2012 году в рамках проектов, объявленных РП-7, выдвинуто более 300 предложений, из которых Европейской Комиссией были одобрены 58 предложения с общим бюджетом в 4.15 миллионов евро.

Среди общих задач в рамках, установленных в результате реализации проекта Foresight, на основе которого и была разработана Стратегия, значится интернационализация исследований, интеграция в исследовательское пространство ЕС и повышение международной значимости.

В упомянутой Стратегии исследования-развития Республики Молдова содержатся меры, направленные на решение этой задачи, а именно:

I. Признание в качестве приоритетов интеграцию в европейское исследовательское пространство на период 2014-2020 годов и присоединение к Рамочной программе по научным исследованиям и инновациям ЕС «Горизонт-2020»:

1) интеграция научного сообщества Республики Молдова в европейские сети ученых, в деловую среду и сотрудничество с должностными лицами, которые устанавливают цели и приоритеты европейской исследовательской и инновационной деятельности;

2) содействие и оказание помощи молдавским исследователям в целях их равноправного участия во всех рамочных программах ЕС в области научных исследований и инноваций;

3) использование потенциала и европейских научных достижений для решения внутренних проблем Республики Молдова;

4) привлечение европейских инвестиций в научные исследования и инновации, а также в осуществление внедрения молдавских инновационных продуктов и услуг;

5) продвижение и защита за рубежом результатов молдавской интеллектуальной деятельности;

6) поощрение научной мобильности и доступа к европейской исследовательской инфраструктуре;

7) укрепление традиционных связей с партнерами из СНГ и использование существующих партнерств для разработки проектных предложений для их представления на конкурсы Рамочных программ ЕС.

II. Углубление сотрудничества в области исследований и инноваций с ЕС, укрепление усилий научного сообщества, направленных на присоединение к политике в области исследования, а также полноправного участия в рамках Европейской программы по науке и инновациям «Горизонт-2020».

В этой связи необходимо осуществить:

1) продвижение на европейском уровне преимуществ и значительных результатов, полученных научными коллективами Республики Молдова;

2) консолидацию потенциала для участия исследователей Молдовы в рамках рамочных программ ЕС;

3) использование национальных и международных партнерств, а также двусторонних и многосторонних проектов для разработки проектов для рамочных программ ЕС;

4) повышение мобильности исследователей через использование программы «Мария Склодовская-Кюри» Программы Горизонт 2020;

5) присоединение молдавской инфраструктуры исследования-развития к европейским сетям;

6) укрепление Сети национальных контактных пунктов в рамках программы «Горизонт-2020»;

7) приведение в соответствие внутренних финансовых процедур для адекватного управления проектами в рамках Программы «Горизонт-2020»;

8) инициирование сотрудничества с паневропейскими научно-исследовательскими центрами.

III. Расширение регионального сотрудничества в рамках: Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ, Национальной сети академий Центральной и Восточной Европы (CEENet), Центрально-европейской инициативы (ЦЕИ), Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе (SEECР), Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Совета регионального сотрудничества (СРС) и других региональных профильных организаций будет достигнуто за счет:

1) использования традиционных партнерских отношений со странами СНГ и рассмотрения новых возможностей для регионального сотрудничества, а также использования преимуществ Республики Молдова как связующего звена между СНГ и ЕС;

2) углубления многостороннего сотрудничества в рамках Международной ассоциации академий наук (МАН) и Объединенного института ядерных исследований в Дубне;

3) углубления сотрудничества с региональными организациями: Национальной сети академий Центральной и Восточной Европы (CEENet), Центрально-европейской инициативы (ЦЕИ), Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе (SEECР), Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Совета Регионального сотрудничества (СРС).

Программа «Горизонт 2020», как и ее предшествующие программы, открыта для участников из всех стран мира. Открытость является залогом взаимовыгодного сотрудничества с нашими ключевыми международными партнерами, оказывает поддержку развивающимся странам и помогает Европе выйти на новые и развивающиеся рынки.

На европейском уровне для разных областей исследования и инноваций развиты специфические тенденции, обусловленные проблемами, стоящими перед человечеством, основные из которых изложены ниже:

1) Здравоохранение, демографические изменения и благосостояние. 2) Продовольственная безопасность, устойчивое развитие сельского хозяйства, биоэкономика. 3) Безопасные, экологически чистые и эффективные источники энергии. 4) «Умные», экологичные и интегрированные транспортные средства. 5) Противодействие изменению климата, эффективное использование ресурсов и сырья.

В целях синхронизации этих направлений с научным потенциалом страны, Парламент Республики Молдова утвердил следующие стратегические направления деятельности в области науки и инноваций: инновационные материалы, технологии и продукты; энергоэффективность и использование возобновляемых источников энергии; здравоохранение и биомедицина; биотехнология; национальное достояние и развитие общества.

Первого июля 2014 года Республика Молдова присоединилась к Рамочной Программе Европейского Союза по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020».

До настоящего времени в рамках программы «Горизонт 2020» молдавскими исследователями выдвинуто свыше 200 предложений, из которых 82 поступили из исследовательских учреждений, 75 – из университетов, 34 – со стороны средних и малых предприятий, 32 – от негосударственных организаций, остальные – из других организаций. До сегодняшнего дня Европейская Комиссия приняла положительные решения по поддержке 20 проектов.

В рамках программы FP7 и Горизонт 2020, научно-исследовательские коллективы Молдавии и Азербайджана, активно участвовали в разработке и подаче 15 совместных проектов в партнерстве с международными консорциумами.

Двухстороннее сотрудничество является одним из самых эффективных путей научного кооперирования на региональном, европейском и международном уровнях, и представляет собой отличную возможность создания и укрепления партнерства по участию в научных и технологических исследованиях с использованием значительных финансовых ресурсов. В последние годы были запущены двусторонние программы с подобными институтами Беларуси, Германии, России, Румынии, Италии и Украины.

На протяжении 2010 – 2016 годов были поддержаны финансами 70 двусторонних проектов с Румынией, 64 двусторонних проекта с Республикой Беларусь, 33 двусторонних проекта с Украиной, 18 двусторонних проектов с Италией, 30 двусторонних проектов с Германией, 6 двусторонних проекта с Францией и 46 проектов с Научно-технологическим центром Украины (НТЦУ). За период 2008 – 2010 годов было поддержано 96 двусторонних проектов с Россией.

За последние годы углубление двусторонних связей между Национальной академией наук Азербайджана и Академией наук Молдовы способствовали созданию совместных межправительственных комиссий, принявших ряд программ долгосрочного сотрудничества между нашими государствами. В ходе работы данных комиссий были проведены консультации по разработке совместных научных проектов, представляющих взаимный интерес, обмену научной информации и учеными.

В 2013 году был подписан Договор о сотрудничестве между Научно-исследовательским институтом экономики и организации сельского хозяйства (ИПРЭИ) Республики Азербайджан, Баку, и Национальным институтом экономических исследований (НИЭИ) Республики Молдова. Стороны стали партнерами в Проекте РП-7 «Исследование потенциала биомассы и торговли сельскохозяйственной продукцией в странах СНГ» (AGRICISTRADe) (2014-2016), с последующим изучением возможности проведения совместных исследований по зарубежным грантам.

«Соглашение о научно техническом сотрудничестве между АНМ и НАНА», подписанное 6-го мая 2014-го года, открыло новые возможности для сотрудничества в научно-инновационной сфере.

Другим важным элементом развития научно-технологического кооперирования является многостороннее сотрудничество, проводимое путем участия в Инициативах ЕС по Совместным программам и инструментам ERA-Nets (Европейского исследовательского пространства) и региональным программам, которые предусматривают развитие связей национальных институтов и организаций с европейскими организациями, а также с подобными же организациями в области науки и технологий из стран-членов ЕС, внедрение в национальных организациях передового опыта этих стран в сфере управления научно-инновационными процессами.

В настоящее время в европейском научно-исследовательском пространстве находятся в стадии реализации следующие программы: FP7 ERA.NET-RUS-PLUS, H2020 JPI WaterWorks-2014-2015 ERA-NET COFUND, BMBF Danube Regional Call, в которых принимает участие и Республика Молдова.

По словам Майри Геойген-Куинн, являющейся членом Европейской Комиссии по вопросам исследований, инноваций и науки, в сфере науки и инноваций работа в одиночку недопустима. Принципиально важно, чтобы Европа взаимодействовала с международными партнерами для того, чтобы иметь доступ к новым источникам знаний и заниматься поиском решения глобальных проблем.

Академия Наук Молдовы выражает готовность интенсифицировать и углубить взаимоотношения сотрудничества путем разработки совместных проектов, организации различных семинаров, симпозиумов, обучением и подготовкой высококвалифицированных специалистов, разработки и публикации документов, научных статей, а также представления международных проектов в различных конкурсах.

Теоретико-экономические основы комплексной социоэкологической оценки

В структуре комплексной оценки качества окружающей человека природной среды обитания экономический блок является наиболее специфичным, поскольку в экономической интерпретации проблемы природопользования безусловное доминирование приобрели утилитарные подходы к оценочной процедуре. Еще начиная со времен первых теоретических работ по экономике природопользования, окружающая человека природная среда интерпретировалась в строго экономических категориях, и уже в ту пору функциональное противоречие между количественным и качественным подходами к исследованию природной среды как источника материальных благ заставлял исследователей – экономистов – искать формы и способы сопряженности количественной и качественной интерпретации. Сохраняющиеся в современной экономике подходы представлены в основном разработкой механизмов оценки материально значимых характеристик, выражающихся в определенных денежных эквивалентах, и в этом плане экономическая оценка состояния окружающей среды получила развитие в основном по отношению к той части окружающей среды, которая является источником сырьевого ресурса либо в потенциальном, либо в реальном выражении. Оценочный подход с позиции выявления экономически утилитарных выгод имеющий достаточно развитую операционалистскую обеспеченность, базируется на выявлении количественных характеристик и интерпретируется, в своем подавляющем большинстве, в численных, а если быть еще точнее, в денежных исчислениях. Попытка интерпретировать оценку

состояния окружающей среды в нейтральных понятиях – баллах – так же не решает проблемы, поскольку базируется на ущербных исходных методологических подходах и не выводит оценочную ситуацию за рамки узкоспециализированного утилитарного подхода. Использование «балла» в экономической интерпретации эффективности природопользования, вызвано потребностью в интегративной стоимостной оценке природной среды, но функциональная направленность такой оценки по-прежнему остается утилитарной, базирующейся на представлении о хозяйственной целесообразности, и в этом проявляется ограниченность экономического подхода.

Во многом такой подход перекликается с традиционным в научных дисциплинах природоохранного направления бонитарным толкованием состояния природных компонентов. Бонитировка является не чем иным, как качественной оценкой полезных, с точки зрения общества, свойств отдельных природных ресурсов и отражает "...экономическую значимость эксплуатируемых и предназначенных для эксплуатации хозяйственно ценных объектов и ресурсов природы". Оценка природных комплексов с позиций социальной потребности в том или ином элементе окружающей человека природы не исчерпывает всей полноты социоприродных взаимоотношений. Однако, даже при таком подходе становится очевидной комплексная оценка, обеспечивающая необходимую полноту и целостность оценочной операции. Так, например, качественная оценка земель, т.е. система сравнительного соизмерения продуктивности почв, по мнению В. Болдышева, состоит "...из трех компонентов: а) качественной оценки (бонитировки) отдельных почвенных разностей; б) качественной оценки земель по группам почв с учетом эффективности производственных затрат, доходности и рентабельности хозяйства...; в) земельного кадастра территорий".

Очевидно, что каждый из отмеченных компонентов представляет собой не что иное, как этапы оценочного процесса, а их система есть отражение самого механизма оценки, в основе которой лежит определение качества почвы с позиции насыщенности микроэлементами, биопродуктивности, экологической совместимости конкретной культуры, агрономической состоятельности и т.д. Каждая из этих качественных характеристик выражается в количественных показателях и отражает количественную, большей частью числовую, взаимозависимость качественных характеристик. Поэтому представляется справедливым определение

бонитарной оценки почв как сравнительной агрономической характеристики, выражающейся “...в количественных показателях их плодородия, в основе которой лежит многолетняя урожайность возделываемых сельскохозяйственных культур”.

Бонитировка как качественная оценка отдельных природных ресурсов (вод, лесов, земель) не тождественна оценке качества природной среды обитания человека ни по структурным, ни по функциональным проявлениям. Прежде всего, принципиальное отличие между оценочными операциями, и, соответственно, между понятийным содержанием терминов заключается в направленности оценки природного комплекса. Качественная оценка предполагает определение материально-структурного содержания биосферного элемента в ситуации, когда социальные запросы предполагаются величинами константными, не подлежащими уменьшению, а проблемы социоприродной коррекции носят характер однонаправленного процесса. Случаи неудовлетворительного качества природных элементов (недостаточного бонитета) традиционно разрешаются усилением социального воздействия на природную среду: искусственное повышение плодородия почвы, регулирование видового состава биоценоза, селекционное воздействие на популяционную структуру и т.д.; и в системе социоприродных отношений приоритетной величиной постоянно оказывается социальная сторона. Проблема бонитировки в этом случае приобретает форму вопроса о том, какие изменения необходимо внести в окружающую природную среду, чтобы она в наибольшей мере соответствовала потребностям человека. При этом следует иметь в виду, что естественное состояние природной среды с точки зрения бонитета ни в коей мере не может удовлетворить потребности человека в такой среде, где естественное плодородие почв не в состоянии обеспечить урожай зерновых выше 15 ц/га, естественное состояние экосистем исключает присутствие человека в качестве элементной единицы, естественная продуктивность биоценоза не в состоянии обеспечить жизненного минимума для человека, и в целом можно сказать, что в системе естественной среды человеку нет места. Этим обстоятельством и определены рамки бонитарной оценки природной среды и соответственно сферы приложения понятия “бонитет”, границы которого определяют пределы возможности антропогенного воздействия на природную среду.

Процесс бонитировки представляет не улучшение — в строгом смысле этого слова — окружающей среды, а скорее результат искусственной адаптации природы к социальным потребностям. Проблема качества

окружающей среды, по существу, приобретает характер решения противоречия между тем, в каком состоянии находится природный элемент в системе биосферы, и тем, в каком виде он в состоянии удовлетворить потребности человека. Бонитет (от немецкого – Bonität — доброкачество) является хозяйственной оценкой состояния природных компонентов, поэтому термин ориентирован на прикладной характер социоприродных отношений, когда окружающая природная среда выступает неисчерпаемым источником хозяйственных ресурсов и проблема социоприродной оптимизации может быть сведена к серии частных проблем улучшения качества природных комплексов путем улучшения хозяйственных характеристик: повышения плодородия почв, улучшения видового состава лесного биоценоза, мелиорации заболоченных и, следовательно, не продуктивных в хозяйственном отношении земель и т.д.

Это противоречие является базовым в экономической интерпретации проблемы устойчивого развития, и без преодоления ущербных исходных посылок в таком подходе невозможно перейти к достаточно грамотной в методологическом отношении сопряженности количественных и качественных показателей, что, соответственно, ведет к невозможности формирования комплексной оценки как экономической, так и экологической.

Утилитарная направленность связана с рассмотрением окружающей человека природной среды как условия обеспечения материальной жизнедеятельности человека и не учитывает ценность окружающей среды самой по себе. Безусловно, такой подход является ограниченным, так как присутствующий в нем антропоцентризм не предполагает сохранения природной среды как системы, сохраняющей самодостаточность и самообеспеченность.

Кратко недостатки такого подхода могут быть выражены в следующей последовательности:

– при таком подходе выпадает из анализа, и, по существу, из оценочной интерпретации значительный в количественном отношении блок элементов природной среды обитания: лес в стадии сукцессионных изменений, озера, промышленно не эксплуатируемые, но представляющие экологическую ценность, болота, не имеющие хозяйственного значения вплоть до момента их осушения, но, вместе с тем, имеющие значимость в контексте очистки воздуха, поглощения углекислого газа и обеспечении необходимой для жизнедеятельности человека атмосферы и многие другие моменты;

– такой подход не позволяет рассматривать «невесомые», экономические незначимые ценности первозданной природы и, тем более, найти в них источник серьезных экономических выгод, как в международном плане, так и внутристрановом аспекте;

– существенным моментом, характеризующим недостаток такого подхода, является то, что из сферы рассмотрения и экономической оценки устойчивого развития выпадают ценностные характеристики, которые большей частью базируются на эмоциональном восприятии окружающей среды, и способствуют в медико-биологическом плане, процессам, восстанавливающим психоэмоциональную сферу человека;

– еще одним моментом практической ущербности такого подхода является утрата экономической выгоды из-за доминирования однофакторной, большей частью ресурсно-сырьевой интерпретации, и, соответственно, потребительского подхода к благам природной среды.

Сырьевой подход, помимо тех издержек, которые вызывает техногенная экспансия, сопровождающаяся уничтожением природных сырьевых ресурсов, со значительным, часто необратимым преобразованием окружающей человека природной среды, по существу исключает из сферы экономической интерпретации целый блок экологически целесообразных направлений социального природопользования.

Значительный резерв социального природопользования, способный при грамотном комплексном использовании природной среды принести серьезные экономические выгоды, составляют так называемые экологические услуги, связанные с использованием природных благ в не сырьевом предназначении. Эколого-экономический подход к оценке устойчивого развития в функциональном, в операциональном отношении представляет собой экономическую оценку экологических последствий: либо экологических выгод, либо экологических утрат, возникающих в результате социоприродного взаимодействия на техногенном уровне. На основе такого подхода возможна разработка прикладных методик оценки ресурсного потенциала территории, то есть по существу комплексной оценки экономического потенциала территории, связанного с эксплуатацией ее экологического статуса.

Высказываемые в последнее время мнения о необходимости освоения рыночных механизмов в регулировании устойчивого развития во многом основаны на осознании необходимости такого подхода к проблеме техногенного загрязнения природной среды обитания. Выделение квот на загрязнение, а также торговля этими квотами на международном рынке, не

связаны напрямую с представлением об окружающей среде как об источнике сырьевых богатств, освоение которых предполагает не техногенную экспансию, а базируется на признании уникальности исторически сложившихся естественных биogeоценозов. В качестве экономического инструмента в обеспечении процессов оптимизации природопользования может служить платность природопользования. Схематически введение платности природопользования выступает средством экономического регулирования динамики природопользования и привлекается с целью достижения наибольшей оценочной адекватности в определении экологических последствий различных форм социального потребления природной среды. Наибольшую материальную нагрузку платность природопользования должна иметь в сфере ресурсопотребляющей деятельности человека и экономически интерпретироваться в форме дифференциальной ренты. Как известно рента в экономике трактуется как «богом данное благо», специфическая форма получения материальных благ, связанная с обстоятельством собственности на землю. Поскольку абстрактной земли не существует, на каждом клочке что-то произрастает и в соответствии с тем, что на ней произрастает, чем наполнен этот участок земли, земля может быть оценочно интерпретирована либо в рамках естественных условий функционирования, либо искусственных. Введения дифференциальной ренты имеет очень специфический и интересный аспект в контексте анализа устойчивого развития. Сама по себе рента как право экономического пользования землей достаточно абстрактна. В том случае если участок земли относится к собственности субъекта хозяйствования, следует рассматривать форму практической эксплуатации этого участка. Так, если же речь идет об участке земли, на котором существуют естественные, первозданные экологические системы, не подвергнутые как целевому, так и случайному антропогенному преобразованию, то в качестве сырьевого источника этот участок не может быть рассмотрен. Не преобразуя техногенным образом такой участок земли, его хозяин, собственник дополнительную материальную выгоду получает из эксплуатации его экологической значимости, поскольку на этом участке могут произрастать реликтовые виды и его уникальность может быть представлена видами ценных пород фауны этого региона и т.д. В этом случае возникает специфическая форма оценки, включающая в себя как экологические, так и экономические показатели устойчивого развития. Если же собственником земли является государство, то изъятие доходов рентного происхождения может быть осуществлено в виде экологического налога. Суть

заключается в платности использования «невесомых», нематериальных и не имеющих физического выражения ценностей того или иного экологического комплекса, находящегося на какой-то территории.

В оценочном плане такой подход ставит задачу концептуальной интеграции количественных показателей устойчивости с позиции эколого-экономической оценки. Разработка такого механизма в интерпретации устойчивого развития создает предпосылки для разработки комплекса экономически оценочных приемов оплаты природопользования в виде взимания платы за оказания экологических услуг. Содержание экологических услуг достаточно широкое, комплексное, включающее большой объем аспектов, но вместе с тем исключая промышленное использование природных ресурсов в качестве сырьевых компонентов.

Оптимизация использования природной среды в контексте ее многофакторности и перехода от однонаправленного сырьевого использования к комплексному, поливекторному, способна принести значительные экономические и экологические дивиденды, а рационализация социального природопользования, с оптимизацией антропогенного воздействия на природную среду, содержит значительные резервы для улучшения условий жизнедеятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более двадцати двух лет уже прошло с того исторического 1992 г., когда на ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро было принято решение переходить всем мировым сообществом к новой форме (стратегии) цивилизационного процесса - устойчивому развитию. Как отмечалось, с 2005 г. началась декада перехода государств, входящих в ООН, к этому типу развития опять-таки по рекомендации ООН. А в 2014 г. закончилась первая официальная декада начала «устойчивого перехода».

Вполне понятно, что, исследуя проблему связи устойчивого развития и безопасности, мы прежде всего исходим из того какое место будет занимать в ней Республика Молдова. Важно смотреть не только в прошлое и настоящее, а искать путь в «устойчивое будущее». Можно считать, что, несмотря на специфику, «собственный путь» дальнейшего развития каждой страны окажется магистралью устойчивого развития, вступить на которую можно лишь всем мировым сообществом. Глобальная ситуация сложилась таким образом, что любые эволюционные изменения и реформы надо сверять с оптимальным продвижением по пути к устойчивому развитию.

Такой подход многим может показаться преждевременным и утопичным. Ведь фактически ряд стран, признавая на словах приоритеты устойчивого развития, на деле пекутся о своих собственных интересах в старой - неустойчивой модели развития. Однако такая «двойная бухгалтерия» не пройдет, поскольку конец ей положит экологическая и иная глобальная катастрофа. А в ней погибнут и те страны, которые временно станут богаче за счет иных стран и бездумного разрушения природы. Попытки той или иной страны, или их группы обеспечить себе особые условия за счет других стран и будущих поколений, за счет природы не улучшают глобальной ситуации. Для мирового сообщества в целом, а тем более для биосферы, совершенно безразлично, какая страна в чем-то обгонит других. Ситуация от идеологии силового соперничества и конфронтации в духе холодной войны только ухудшится.

Особенность современного этапа перехода от неустойчивого развития к новой модели в глобально-цивилизационном ракурсе заключается

в преодолении противоречия между этими моделями на государственном и международном уровнях. Ведь каждая страна, двигаясь к устойчивому будущему, должна соблюдать свои национальные интересы. Однако эти национальные интересы, включая национальную безопасность, должны оцениваться не только в рамках старой «системы координат» и ценностей модели неустойчивого развития. Для того чтобы принять новую модель в национальных масштабах и следовать ей в грядущих УР-преобразованиях, необходимо, чтобы эту модель приняли и другие страны, которые также не предпринимали бы действий в духе старой модели.

Вот почему оказывается, что продвижение любой страны к устойчивому развитию в определенной степени лимитируется внешними, а, лучше сказать, международными факторами и обстоятельствами. Делая шаг вперед к устойчивому развитию, каждая страна вправе ставить вопрос, чтобы такой же шаг был сделан и со стороны других стран, особенно претендующих на главенство в мире по переходу на путь устойчивого развития. В этом смысле каждая страна, начиная движение по пути «национальной устойчивости», хотела бы видеть такого же рода шаги и других стран. И, если одно государство чем-то жертвует, то это должно идти на пользу всему человечеству, а не группе каких-то избранных стран. Национальное и глобальное движение по пути устойчивого развития будет представлять собой путь международного консенсуса, взаимных уступок и договоренностей, а не силового доминирования одной группы стран над другими.

Каждая страна должна будет внести свой вклад в снижение антропогенного пресса на биосферу и важно в глобально-международном аспекте, договориться на каких конкретных принципах это будет происходить. Ясно, что это возможно осуществить, основываясь на принципах устойчивого развития, но это - концептуально-стратегические принципы. Далее важно в глобальном плане уточнить критерии и индикаторы снижения антропогенного воздействия на биосферу, договориться об обязательствах каждой страны по квотированию этих нагрузок в перспективе последующей релаксации биосферы. Это касается снижения загрязнений, потребления ресурсов, стабилизации численности населения, создания и внедрения экологобезопасных технологий, отказа от освоения дикой природы, сохранения биоразнообразия и других мероприятий, способствующих оптимальному использованию системы квот в глобально-страновом пространстве с целью возврата антропогенного воздействия в допустимые пределы емкости биосферы.

Переход к коэволюционному взаимоотношению человечества и биосферы - «сверхглобальная» проблема. Как неоднократно подчеркивалось в работе, отдельно взятая страна не может перейти к устойчивому развитию. Но она может внести свой вклад в общую стратегию перехода мирового сообщества на новую цивилизационную модель. Именно с этой целью принимаются национальные концепции, стратегии, программы перехода к устойчивому развитию. Новая стратегия обеспечения безопасности через УР потребует и кардинальных преобразований в научных исследованиях этих проблем.

На форумах ООН были высказаны определенные пожелания и рекомендации в адрес государств и международных организаций, в том числе и в плане дальнейшей разработки проблем устойчивого развития. В докладе созданной Генеральным секретарем ООН Группы высокого уровня по глобальной устойчивости РИО+20 «Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем» (2012 г.) отмечалась необходимость более широкого привлечения науки к обоснованию стратегических решений в области дальнейшего развития мирового сообщества. В сентябре 2013 г. создана Группа высокого политического уровня по устойчивому развитию. В октябре 2013 г. образован Научно-консультативный совет при Генеральном секретаре ООН в составе 26 крупных ученых. Создание Совета повысит эффективность деятельности ООН и ее организаций и роль науки в преодолении кризиса и выхода на путь глобального устойчивого развития.

Как и во многих других, прежде всего, социально-гуманитарных науках, в научном поиске в области безопасности наступил кризис и этот кризис - отражение общего кризиса «проживания» человечества в старой модели развития (модели НУР). В этой модели обеспечение безопасности чаще всего связывалось с насильственно-силовыми методами, с военно-оборонной деятельностью. Широкое понятие безопасности, контуры которого мы попытались очертить в работе, ранее просто не существовало, и не имело смысла, а теперь эта широта распространяется до глобально-космического уровня и на будущее, причем весьма удаленное от настоящего, поскольку важно видеть стратегические перспективы выживания и дальнейшего существования цивилизации. Сейчас уже достаточно очевидно, что вряд ли исследование безопасности стоит связывать лишь с разработкой проблем национальной безопасности (хотя с позиций сегодняшнего дня это - ядро такого рода исследований). Понятие безопас-

ности распространяется на все объекты биоты и общества как высших представителей и уровней эволюции в мироздании.

Появление понятия и концепции устойчивого развития, хотя, на первый взгляд, вызвано проблемами окружающей среды, тем не менее, как мы показали, оно в более широком смысле вызвано проблемами обеспечения безопасности (в том числе и прежде всего - экологической безопасности), заботой о выживании и дальнейшем существовании человечества. Повышение интереса к феномену безопасности ставит перед исследователями фундаментальную проблему поиска оснований феномена безопасности, выявления ее природы как для человечества, так и для многих других материальных систем. Какие особенности и свойства материи в самом ее «фундаменте» привели к появлению феномена безопасности объектов высших структурных уровней и ступеней? Ответ на этот вопрос приблизит нас к более глубокому пониманию сущности обсуждаемой проблемы и приведет к формированию общей концепции безопасности, которая может сформироваться в ближайшее время.

Причем речь идет не столько о прикладных исследованиях, на что до недавнего времени в основном обращалось внимание, но и о становлении фундаментального научного знания в области безопасности. И не просто фундаментального, а в значительной степени междисциплинарно-общенаучного, поскольку авторы убеждены в том, что проблема безопасности в том или ином виде существует, если пока не во всех, то в большинстве научных дисциплин, изучающих высшие формы эволюции материи, т.е. имеет потенциально общенаучный характер.

Проблема безопасности, как и проблема УР, в таком широком аспекте оказывается междисциплинарной, захватывающей значительное множество научных дисциплин. Причем явно прослеживается тенденция становления понятия безопасности не просто меж- и трансдисциплинарным понятием, а даже общенаучной категорией. Важно также выяснить, что представляет собой продуцируемое исследователями знание о безопасности: науку (в смысле дисциплины) или же научное направление? Этот же вопрос можно поставить и для исследований в области устойчивого развития.

С одной стороны, следуя «логике специализации» и дифференциации науки, можно предположить, что появились новые дисциплины (наука, отрасль науки). Ученые уже привыкли к тому, что при появлении новых областей знания имеет смысл говорить о новой науке как отрасли (компонента) науки как целостного образования, т.е. наука в этом случае

мыслится в смысле дисциплины, или отрасли научного знания. Это соответствует уже сложившейся дисциплинарной организации науки, где дисциплина выступает наиболее значимой структурной единицей науки, образующей инвариантную, относительно устойчивую структуру знания, системой отсчета, позволяющей упорядочить все многообразие единиц анализа науки. Научная дисциплина имеет общие предмет исследования, принципы и методы исследования, общие социально-организационные институты, образовательные формы и структуры, а также единые способы формальной и неформальной коммуникаций между учеными и между ними и обществом. Дисциплина в целостной системе «наука» выступает естественно сложившейся и необходимой формой существования и систематизации знания, его развития, распределения и потребления.

Причем дисциплина и наука, как отмечает И. Касавин, понятия не тождественные, хотя в современном науковедении они нередко не различаются. Именно в этой парадигме научного мышления прежде всего и идет речь при появлении новых областей научного знания, включая и знание о безопасности и устойчивом развитии. В таком ключе рассуждений предлагается, например, новую науку о безопасности назвать секьюритологией (от латинского слова - зесигйаз). Однако автор этого термина В. Ярочкин полагает, что поскольку различные аспекты безопасности разрабатываются многими науками и каждая из них сама по себе вносит вклад в формирование общей теории безопасности, то должна появиться общая интегрирующая наука, опирающаяся на опыт и результаты остальных наук. Общая теория безопасности, объектом которой выступает деятельность людей по обеспечению своей безопасности и безопасности природных условий жизни, будет создаваться как продукт междисциплинарных исследований. Заметим, что объектом такой общей науки о безопасности (как и для УР) является лишь социальная ступень эволюции, сюда не входят биологические системы.

«Секьюритология, - полагает В. Ярочкин - это наука о безопасности жизнедеятельности человечества и человека». Причем: «Основой становления секьюритологии должны стать исследования опыта деятельности людей, государств и мирового сообщества по обеспечению своей безопасности, выявление закономерностей, взаимосвязей и принципов построения систем безопасности, сравнительный анализ специфических национальных особенностей обеспечения внутренней и внешней безопасности различными государствами, прогнозирование основных угроз, опасностей, тенденций эволюции и моделей будущих систем глобальной,

региональной и внутригосударственной безопасности, разработка показателей и критериев оценки их эффективности т.п.

Секьюритология должна осуществлять систематический анализ и обобщение концепций, доктрин, политики, стратегии безопасности различных стран, а также результатов научных исследований в этой области. Важнейшее значение в развитии этой науки имеет изучение взглядов выдающихся мыслителей, ученых, политиков по проблемам безопасности. Главным объектом исследований секьюритологии является человечество, включающее государства, общества и частных лиц, а предметом исследования - их деятельность по обеспечению безопасности своей жизнедеятельности и безопасности природных условий жизни в рамках ноосферы».

Секьюритология, с точки зрения упомянутого автора, уже приблизилась к общенаучному статусу и имеет фундаментальную и прикладную части. Фундаментальность этой науки видится в том, что она исследует закономерности такой сферы и такой деятельности, как обеспечение комплексной безопасности, которые в полной мере не входят ни в одну другую дисциплину. В соответствии с таким пониманием выделяются основные направления, методы и принципы секьюритологического исследования.

Вопрос о том, как именовать эту область исследований - секьюритологией, или как-то ещё - зависит и от того, как она станет позиционироваться в системе научного знания. Не исключено, что это - наука в смысле дисциплины, но только в какой-то своей части, которая действительно интегрирует и обобщает самые фундаментальные знания о безопасности тех или иных объектов социальной, а может быть, и биологической ступени эволюции. Не исключено, что в этом смысле исследования безопасности напоминают в какой-то мере синергетику, которая выделилась и развивалась вначале в дисциплинарном ракурсе. Вместе с тем сейчас синергетика, по мнению Е. Князевой, доходит до определенных пределов своего дисциплинарного расширения.

Но вместе с тем исследования безопасности выходят за пределы дисциплинарного расширения и видения, это обычно подчеркивают, но многие ученые продолжают считать в духе дифференциации и дисциплинарного мышления отраслью знания - дисциплиной (наукой), и кажется, что это выглядит логически противоречивым. Ведь странно было бы называть этот научно-исследовательский феномен «междисциплинарной дисциплиной». Но может быть, стоит именовать (учитывая, что все-таки наука и дисциплина - это не совсем тождественные термины) «междис-

циплинарной наукой»? Такой термин довольно часто употребляется (по нашим данным), например, в Википедии, причем там к таким наукам относят, например, биохимию и биофизику.

Под междисциплинарными науками некоторые ученые, публикующие статьи в упомянутой электронной энциклопедии, понимают научное сотрудничество специалистов разных научных дисциплин с общей целью исследования. Вопрос о том, возможно ли словосочетание «междисциплинарная наука», представляется пока дискуссионным и в «конкурсном отборе» наиболее подходящего наименования дисциплин и для исследований безопасности, и для устойчивого развития еще пройдет некоторое время, пока это установится. Но для этого необходимо доказать, или хотя бы предположить в качестве науковедческой или эпистемологической гипотезы, что в принципе могут существовать такие кентаврообразные «дисциплинарно-междисциплинарные» научные феномены.

Если синтагма «междисциплинарная дисциплина» выглядит логически и редакционно противоречивым, а потому неудачным и вряд ли будет употребляться, то синтагма «междисциплинарная наука» может в какой-то степени обрести «права гражданства». Но для этого придется ввести новую понятийную нишу для самого термина «наука», который в основном употребляется в двух значениях. Во-первых, в значении науки как целостно-системного образования (независимо от гносеологической, деятельностной и иной ее трактовки), например, как компонента культуры в его отличии от других составляющих. Во-вторых, как отдельной отрасли, или дисциплины упомянутого выше целостного феномена. Эти два значения сложились ещё в рамках дисциплинарного видения науки, когда интегративно-междисциплинарные процессы еще не сильно влияли на понимание термина «наука». В свете же рассматриваемых здесь проблем может появиться и третье - «кентаврообразное» значение термина «наука», когда термин «наука» будет употребляться в значении «междисциплинарная наука». Впрочем, для нас более приемлемым и уже широко употребляемым представляется синтагма «междисциплинарные исследования» (нежели «междисциплинарные науки»).

Когда речь идет о безопасности, а также тесно связанном с этим понятием УР, то достаточно очевидна мульти- или полидисциплинарность исследуемой области научного знания, поскольку включаются знания о безопасности из различных дисциплин (это со всей очевидностью следует из серии нескольких десятков книг под общим наименованием «Безопасность России»). Полидисциплинарность предполагает участие ряда

наук в разработке той или иной проблемы, в данном случае проблемы безопасности, но при этом входящие в проблемную область науки (дисциплины) могут лишь «сосуществовать» друг с другом, не подвергаясь существенному взаимодействию или синтезу.

Однако исследователи проблемы безопасности констатируют междисциплинарность этой области исследований, поскольку она включает пересечение и взаимодействие ряда наук (дисциплин, или отраслей научного знания). Междисциплинарные исследования обычно понимаются как такой способ организации научной деятельности, который предполагает взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин, возможно, даже какую-то форму их интеграции. Исследования взаимосвязи безопасности и УР, без сомнения, представляют собой такую форму или способ научного исследования.

Характерной особенностью таких новых исследований является то, что в каком-то смысле, прежде всего, - в теоретико-методологическом эти исследования обладают некоторым дисциплинарным статусом, поскольку они появились на пути не только интеграции, но и дифференциации науки. Выделение какой-то области исследований - это уже процесс специализации и дифференциации науки: ведь выделившаяся область научных исследований отличается от уже существующего знания, от тех научных дисциплин, которые были до его появления. Поэтому такое выделение - это процесс дифференциации науки. Но возникшее специальное научное знание может обладать определенным междисциплинарно-интегративным потенциалом, как, например, науки о безопасности, экологии, устойчивом развитии или о глобальных процессах, которыми охватываются значительное количество других существующих дисциплин.

И здесь хотелось бы отметить, что подобные вопросы или проблемы определения места и статуса вновь возникающих научных феноменов в научном знании уже обсуждались ранее, когда проявлялся достаточно выраженный их интегративный потенциал. Речь шла, например, о кибернетике, когда задавался вопрос: можно ли считать её частной наукой (дисциплиной) или же научным направлением?¹ Было высказано мнение, что научное направление представляет собой систему научных дисциплин и проблем, имеющих достаточно общую исследовательскую программу, которая для кибернетики заключалась в познании общих закономерностей информационной связи и управления в биологической и социальных сферах. Причем чаще всего не отрицалось, что кибернетика - это одновременно и частная наука (дисциплина) и в то же время - научное направление.

Такая же проблема возникала несколько позже в отношении статуса синергетики. «Междисциплинарность и трансдисциплинарность не противоречат статусу синергетики, как особой дисциплины, - считает В. Степин. В этом качестве она сегодня конституируется, и с этим связаны дискуссии относительно ее места в современной системе наук. Она должна очертить свою предметную область, определить систему методологических принципов исследования и включить их в состав сложившейся системы научного знания».

Как видим, эта точка зрения совпадает по своему содержанию с выводами, сделанными ранее на базе исследования кибернетики и некоторых других аналогичных научных феноменов.

Эти выводы представляются вполне уместными и для глобалистики, и исследований безопасности, и устойчивого развития, и для экологии и многих других междисциплинарных исследований. Междисциплинарность и трансдисциплинарность того или иного феномена современной науки вовсе не противоречат его дисциплинарному статусу, но для этого в самой дисциплине должны существовать некоторые необходимые условия.

Для появления такого междисциплинарного потенциала и статуса в любой вновь появившейся науке (дисциплине) важно, чтобы основные понятия и концептуальные идеи выделившейся новой научной дисциплины оказались бы достаточно широкими и благодаря этому начинали свою экспансию по пространству научного знания. Причем, чем шире идеи и понятия новой области научного поиска, тем больше возможностей у неё обрести меж- и трансдисциплинарный статус. Если же выделившаяся новая область исследований в своем понятийном поле не выходит за рамки дисциплины, в которой она появилась, то она будет продолжать развиваться по пути специализации, углубляясь в уже существующую сферу исследований. Поэтому на междисциплинарный статус обречены лишь те новые специальные исследования, которые в своем теоретическом арсенале содержат более широкие и фундаментальные понятия и идеи, чем те, которые использовались ранее (в дисциплинарном исследовании).

Впрочем, в этом случае нередко междисциплинарность трансформируется в трансдисциплинарность (термин, введенный Ж. Пиаже в 1970 г.), что является очень важной формой (способом) обретения наукой своего единства, о котором мечтал К. Маркс. Трансдисциплинарность предполагает выход той или иной области науки за дисциплинарные границы, предполагает использование универсальных форм и методов научного

исследования за пределами конкретной дисциплины в процессе междисциплинарных взаимодействий. Трансдисциплинарные понятия, методы и теории вначале возникают как обобщение определенных дисциплинарных представлений и когнитивных схем прежде всего в физике, химии, биологии, математике. Кстати, математика являет собой классический пример дисциплины, проявляющей свои трансдисциплинарные возможности в ходе математизации научного знания. Другой известный пример трансдисциплинарности - научная философия, проникающая благодаря методологическим средствам в самые различные дисциплины. Когнитивные трансдисциплинарные формы и средства исследования вначале развиваются в своем дисциплинарном лоне, затем отрываются от своих истоков и развиваются на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания.

Рассмотренный путь меж-и трансдисциплинарного движения знаний о безопасности представляется нам лишь одним из возможных направлений формирования упомянутой общей науки. В работе был предложен и другой подход, который был назван «ноосферным подходом».

Современные концепции и теории безопасности, как было показано в работе, отображая принципы и закономерности обеспечения безопасности в модели НУР, не являются в полной мере адекватными для предполагаемого ноосферного будущего. Так, В. Ярочкин полагает, что «в изменившихся условиях подход к обеспечению безопасности человечества, основанный на здравом смысле и концепции «реагировать и выправлять», вынужден уступать место новому, базирующемуся на принципе «предвидеть и предупреждать». Встала задача прогнозирования деятельности человека и человеческих сообществ, чтобы предотвратить тот ее предельный уровень, превышение которого может привести к бифуркации ноосферы и ее элементов (биосферы и человеческих сообществ). Возникла необходимость объединения разрозненных научных направлений исследований различных объектов и аспектов безопасности в единую интеграционную науку - секьюритологию - науку о безопасности, о сохранении и защите человечества от внешних и внутренних угроз».

Поэтому базирующийся в основном на прошлом и настоящем междисциплинарный синтез научных знаний о безопасности не может (во всяком случае, в полной мере) способствовать созданию системы обеспечения безопасности на новых принципах, ориентированных и адаптированных к ноосферно-устойчивому будущему. В том, что упомянутый

междисциплинарный «секьюритологический» синтез полезен и необходим для общей науки о безопасности, сомневаться не приходится. Однако понятно, что в той или иной степени он будет отражать лишь прошлое и настоящее процессов обеспечения безопасности.

Ноосферная же методология применительно к формированию общей науки о безопасности исходит из того, что необходимо предпринять в будущем, чтобы обеспечить безопасность в ноосферогенезе и безопасность будущей ноосферы как глобального устойчивого общества на длительные времена. Далеко не все способы обеспечения безопасности пригодны для будущего и, кроме того, в ноосферогенезе должны быть использованы еще не применяемые способы и принципы. Поэтому исследования безопасности так или иначе должны будут исходить из футурологических и ноосферологических соображений, из принципов пока воображаемой (виртуально-теоретической) модели и оттуда идти к современности, изыскивая пути и способы трансформации современных способов обеспечения безопасности в способы обеспечения безопасности в ноосферогенезе и в модели ноосферы. Именно такой подход может быть назван «ноосферно-футурологическим». Ясно, что реально общая теория (а вначале концепция) безопасности, адаптированная и к настоящему, и к будущему, может сформироваться в процессе совместного действия как меж- и трансдисциплинарного процесса, так и ноосферологического конструирования соответствующей концепции (не теории) как опережающего моделирования.

Подобный логико-гносеологический подход уместен еще и потому, что безопасность необходимо обеспечить во всех моделях человеческого развития. Так, переход от модели НУР к модели УР и далее к планетарной ноосфере не может состояться, если в исходной форме развития не будет хотя бы на некоторое переходное время обеспечен необходимый приемлемый уровень безопасности в основных сферах социально-экономической и социоприродной деятельности. Ведь безопасность является одной из фундаментальных и всеобщих характеристик человеческого существования в любых его формах и масштабах. Получается, что неважно какими способами, но безопасность необходимо обеспечивать в обоих моделях развития – НУР и УР.

Ноосферный же подход, поскольку он ориентирован на будущее, вынужден разрабатывать пока лишь модели, принципы и виртуальные формы и способы обеспечения безопасности будущих объектов, «погружен-

ных» в гипотетическую будущую ноосферную среду. Создаваемая таким образом модель обеспечения безопасности станет тем аттрактором, к которому через переходный период к УР будет «притягиваться» современная модель этого обеспечения. Вполне понятно, что речь пока идет лишь о концептуальном моделировании этих двух моделей - современной модели НУР и будущей модели УР ноосферной ориентации.

Одна из центральных проблем сближения двух концептуальных моделей обеспечения безопасности заключается в том, чтобы понять, как от автономного обеспечения безопасности отдельно от прогрессивного (или в принципе - от нерегрессивного) развития перейти к такому их совмещению, когда функция обеспечения безопасности станет реализовываться через нерегрессивное (устойчивое) развитие. Однако для этого само развитие, создающее приемлемую безопасную среду, должно будет превратиться в новый тип развития - УР в глобальном масштабе.

Обеспечение безопасности того или иного объекта означает формирование в том или ином масштабе таких условий, когда объект может не только сохраняться и продолжать свое бытие, но и прогрессивно развиваться. В очень опасной окружающей среде обеспечение безопасности требует слишком много средств и усилий и имеет весьма ограниченный масштаб («точечный»). Поэтому рано или поздно наступает момент, когда интересы обеспечения безопасности требуют замены опасной окружающей среды на более безопасную, где основные усилия будут направляться не на «защитную безопасность», а в основном на прогрессивное развитие. Именно так сейчас и происходит с мировым сообществом, когда оно от модели неустойчивого развития (НУР) начинает переходить к устойчивому развитию (УР).

Создание более безопасной среды в глобальном масштабе - это и есть проблема перехода к устойчивому развитию и важно связать эту проблему с процессами глобализации и глобальными проблемами. И в этой связи уместно заметить, что формирование общей науки о безопасности совпадает по времени и со становлением глобалистики (глобальных исследований) и со становлением теории УР и ноосферологии. Несмотря на, казалось бы, дальнейшую дифференциацию науки в целом, выразившуюся в появлении этих новых направлений научного поиска, все они несут в той или иной степени междисциплинарно-интегративный характер и затрагивают многие из существующих отраслей науки и областей научного поиска.

Устойчивое развитие можно определить как социоприродное развитие, которое осуществляется в пределах несущей емкости экосистем (а, главное в глобальном масштабе - биосферы в целом), т.е. безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей, в условиях сохранения биосферы. Еще более широко УР, как отмечалось в работе, видится как любой нерегрессивный процесс эволюции.

Понятие УР фактически выступает синонимом наиболее безопасного развития, где достигается такой уровень безопасности, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое развитие на нашей планете (а в космической перспективе - и во внесемных пространствах). В этом смысле безопасное развитие систем в модели неустойчивого развития и в модели УР различаются именно уровнем и основными способами обеспечения безопасности глобальной социосистемы во всех возможных направлениях и аспектах, которые можно соединить в различные группы, согласно существующим и потенциальным опасностям.

В модели НУР безопасное развитие обеспечивается в основном средствами защиты и это связано с тем, что сохранение системы осуществляется благодаря ее защите как способу изоляции от угроз и опасностей. Для этого создаются специальные устройства и службы, которые защищают от угроз и тем самым в определенной степени изолируют систему не только от них, но и от других, в том числе и от возможных положительных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности носит главным образом локальный (точечный) и кратковременный характер, он превалирует в модели НУР, представляющей собой весьма опасную среду для существования человека и в целом человечества. В условиях глобализации эта среда расширяется на всю планету, формируя и умножая новые глобальные опасности.

Что касается экологических проблем и процессов глобализации, то они, конечно, связаны с понятием деятельности, которая в этом случае носит глобальный характер, расширяясь до планетарных размеров и в то же время ограничиваясь этими размерами. Так, понятие экологической деятельности в аспекте глобальных исследований выражает новое предельное содержание, проявляясь в планетарных масштабах. Такова деятельность по решению любой глобальной проблемы, поскольку затрагивает жизненно важные интересы всего человечества и любого человека в отдельности, даже если он этого не осознает. Причем решение глобальных проблем и устранение негативов глобализации требует международного сотрудничества.

Составляющие глобальной деятельности во всех направлениях глобализации и отдельных глобальных проблем наполняются планетарным содержанием. Так, субъект глобальной деятельности - это все человечество в целом - объект, на который направлена деятельность - это те или иные социальные и социоприродные системы и т.д. Можно продолжать этот перечень глобализации деятельностного подхода, но понятно, что это - новая методологическая точка зрения в глобальных исследованиях и глобализации науки.

Такой деятельностный подход важен и для понимания ноосферогенеза через устойчивое развитие, представления его как принципиально планетарного, а в более отдаленной перспективе - и космического процесса. Как и любая деятельность, глобальная деятельность в каждом направлении и аспекте сопряжена как с созидательно-творческими, позитивными результатами, так и с отрицательными последствиями, вызовами и опасностями, что характерно для глобальных проблем. А это означает, что необходимо правильно ориентировать глобальную деятельность в ноосферном направлении и в то же время важно уменьшать и даже устранять негативные факторы, предотвращать опасности и угрозы и особенно уменьшить риск возникновения омницида и нового массового вымирания биосферы. Важно обеспечить безопасность разворачиванию этого процесса в прогрессивном направлении, т.е. обеспечить становление ноосферы через УР, но это возможно только в случае гарантии предотвращения и защиты от реальных и потенциальных опасностей и угроз.

Очевидно, что от средств защиты в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности, например, внешнего природного характера, от которых придется создавать защитные средства. Однако та часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена, и в планетарном масштабе создана более безопасная среда обитания и развития, что и предполагает переход к УР. Ведь модель УР подразумевает формирование новой формы общественного развития и, соответственно, - планетарной среды, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые должны обеспечить выживание и дальнейшую эволюцию человечества и сохранение биосферы. Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социоэкосистемы в планетарную несущую емкость, т.е. обеспечивающую двуединую задачу перехода к УР - выживание человечества и сохранение природной среды его обитания.

С позиций рассматриваемых здесь проблем важно экологию связать с развитием теории безопасности в ее планетарнокосмическом и общенаучном измерении. Это будет принципиально новое видение глобальных процессов, что и станет шагом к тому, чтобы рассматривать глобальные процессы уже в ракурсе перехода к УР и ноосферогенеза. Ведь нужно иметь в виду, что и переход к УР, и становление ноосферы - это глобальные процессы, причем новые и будущие процессы, призванные с помощью уже не стихийной, а целенаправленной и рациональной глобальной деятельности перевести эти эволюционные процессы в «русло» безопасного прогрессивного развития, т.е. в траекторию ноосферогенеза.

В этой связи можно говорить о необходимости появления качественно нового - глобального уровня безопасности для всего человечества, что вытекает из необходимости такого способа решения глобальных проблем и ослабления негативных последствий глобализации, который обеспечивал бы не просто временное выживание цивилизации, но и определял бы в этом отношении стратегическую перспективу неопределенно долгого прогрессивного развития всего человечества. Появляется качественно новый уровень и масштаб обеспечения безопасности - планетарный, в котором фокусируются и объединяются все существующие и исторически предшествующие уровни этого обеспечения, но уже в модели УР. Достижение глобального уровня обеспечения безопасности в модели НУР в принципе было невозможно из-за отсутствия единого для всей цивилизации механизма, который начинает формироваться лишь с переходом к модели УР.

Становление качественно нового - планетарного - уровня обеспечения безопасности как безопасности всего мирового сообщества и одновременно - сохранения биосферы требует создания новых информационно-управленческих структур и самое главное - формирования глобально-коллективного сознания человечества, ответственного за принятие судьбоносных для всего человечества решений и их реализации. В связи с этим и выдвигается, идея формирования общечеловеческого ноосферного интеллекта.

Появление более безопасной социоприродной среды обитания человека в процессе перехода к УР означает, что существенная часть функций по обеспечению любых видов безопасности может быть реализована не защитой, а самим этим типом развития, которое в условиях глобализации

существенно уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности перестанет быть основным и окажется дополнительным средством реализации глобальной безопасности через УР.

Переход к УР требует создания более безопасной широкой системы как социоприродной среды существования человека за счет изменения именно социальной сущности самой антропогенной деятельности в планетарном масштабе. В модели НУР эта деятельность носит преобразовательно-экономоцентрический характер, и человек руководствуется принципами личного либо корпоративного интереса и выгоды, что на глобальном уровне приводит к стихийному взаимодействию этих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества, приближая его к антропоэкологической катастрофе.

Это несовпадение индивидуального выживания и выживания человеческого рода создает весьма опасную среду существования и развития, именуемую глобальной моделью НУР. Одной из задач глобализации через переход к УР как раз и является создание единой планетарной стратегии выживания, в которой личные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества, поскольку без этого переход к УР окажется невозможным.

Именно поэтому создание безопасной социоприродной среды обитания благодаря будущим УР-трансформациям человеческой деятельности выступает сейчас более существенным, чем многие иные приоритеты безопасности. Не допуская в процессе перехода к УР жертвы национальных интересов во имя глобальных целей и императивов, все же можно обнаружить пока еще слабо выраженную тенденцию к их «уравновешиванию»: ведь в случае глобальной антропогенной катастрофы обеспечение лишь национальных интересов не спасет любую страну от негативного воздействия глобальных негативных факторов. В таких условиях приоритетным национальным интересом окажется предотвращение глобальной социально-экологической катастрофы и дальнейшее развертывание глобализации на принципах УР.

И хотя экология стала причиной выработки мировым сообществом концепции и стратегии УР, в действительности, как выясняется, в современных исследованиях этой проблемы основная цель перехода к новому - уже социоприродному этапу развития - это, прежде всего, решение проблемы безопасности во всех ее формах и направлениях, а не только

в экологическом аспекте. И, прежде всего, речь идет о более системном видении как социально-экономического развития, так и обеспечения безопасности в экономическом, социальном, экологическом и многих других направлениях. Это уже не одностороннее экономоцентрическое видение развития в рамках модели НУР, а более системный коэволюционный подход к процессу как развития, так и обеспечения безопасности его продолжения.

Сам процесс развития приобретает принципиально социоприродный характер, как и будущий процесс глобализации. Этот последний мыслится не только как обретение человечеством своего социально-экономического единства, а как формирование целостной глобально-коэволюционной системы «человечество - биосфера», которая обретает способность неопределенно долгого существования.

Поэтому при любых экологических мероприятиях с учетом требований перехода к УР необходимо реализовывать императивы глобального характера, а именно, чтобы в результате человеческой деятельности не ухудшались экологические условия биосферы в целом. Это - основной императив процесса глобальной экологизации, который также должен осуществляться через УР, что существенно изменяет характер любой антропогенной активности, поскольку необходимо действовать таким образом, чтобы выполнялись глобальные цели УР и не ухудшались возможности удовлетворения жизненно важных потребностей будущих поколений людей. Здесь требование «вписывания» совокупной глобальной деятельности людей в несущую емкость экосистем как расширяется в пространственном аспекте - на всю планету в целом (т.е. от локального до глобального масштабов), так и продлевается во временном измерении, т.е. не только на ныне живущие поколения людей, но и на будущие поколения, поскольку речь идет о выживании человеческого рода и о способности к неопределенно долгому прогрессивному развитию.

Надо думать, что процессы глобализации не остановятся ни в ходе ноосферогенеза, ни в будущем, в уже сформированной сфере разума. И поэтому имеет смысл, рассуждая о связи глобальных процессов и ноосферогенеза, как-то выделить этапы этой - уже рациональной, или, точнее сказать, более рациональной глобализации, которая в начале своего «процесса рационализации» будет разворачиваться через УР, а затем и через ноосферогенез.

Все эти процессы могут быть охарактеризованы не только в качестве «рациональной», но и «опережающей» глобализации, поскольку они выражают своего рода опережающую потребность для современного человечества, но весьма актуальную - для будущей цивилизации. В настоящее время проблема выживания смещена на индивидуально-корпоративный и государственный уровень, а для перехода к УР необходимо распространение ее на все человечество. Этого большинство людей пока не осознает, и потому данную потребность и следующую за ней тенденцию глобализации можно характеризовать в качестве виртуально-опережающих процессов. Это относится к проблеме глобализации через УР как первому этапу «опережающей» глобализации и к глобализации через ноосферогенез - как второму этапу этого же процесса футуризации - глобализации.

В соответствии с такой периодизацией можно выделить два этапа в обеспечении безопасности: первый - через переход к УР, и более поздний - второй - через ноосферогенез. И в этом процессе становления ноосферной безопасности способ ее обеспечения будет также существенно футуризован, поскольку он станет достигаться на основе прогнозирования и превентивно-опережающих действий как наиболее рациональных для выживания всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аннан А. Кофи. Предотвращение войн и бедствий: Глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год. Нью-Йорк. 2000, с. 17.
2. Барбур И. Этика в век технологии. Москва: ББИ им. Св. Апостола Андрея, 2001. 382 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Bell D. The coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. 2nd ed. New York: Basic Books. 1976. 507 p.
5. Барлыбаев Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003, с. 17.
6. Барлыбаев Х.А. Экологическая глобализация В: Общая и социальная экология. М., 2005.
7. Балуев Д.Г. Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности. Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2002. 208 с.
8. Болдышев В.С. Охрана почв. Минск, 2009.
9. Booth K. Theory of World Security. New York: Cambridge University Press. 2007. 495 p.
10. Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М., 2000; Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. М., 2003.
11. Вернадский В.И. Избранные труды по биогеохимии. М.: Мысль, 1967.
12. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р. К. Баландина. Москва: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
13. Воронков П.Т. Экономическая оценка лесных угодий. Новосибирск, 2005.
14. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. Москва: Академкнига, 200. 304 с.
15. Дарвин Ч. Происхождение видов. Государственное издательство сельскохозяйственной литературы. Москва: 1952.
16. Делягин М.Г. Глобализация. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 185-186.

17. Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2003, 768 с.
18. Европейская Комиссия сосредоточивает внимание на международном научном сотрудничестве (17/09/2012), www.h2020-infra.misis.ru/.../strategiya-mezhdu... 18.11.16.
19. Juc Victor, Rusandu Ion. Interesul Național ca prioritate politică a dezvoltării durabile a societății. Chișinău: „Print-Caro”, 2010, p.48.
20. Juc Victor. Securitatea națională și politica externă ale Republicii Moldova în contextul transformărilor structurale de sistem postrăzboi rece. Chișinău: Tipografia Centrală, 2015.
21. Garner R. Environmental Politics. The age of climate change. 3rd edition. London: Palgrave Macmillan, 2011. 201 p.
22. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Stanford University Press. 1991. 264 p.
23. Global Environmental Politics. Concepts, Theories and Case studies. / edited by Gabriela Kutting. London, New York: Routledge Press, 2011. 198 p.
24. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. Москва: Академкнига, 2002. 304 с.
25. Зеркалов Д. В. Социальная безопасность и права человека. Киев: Основа, 2013. 670 с.
26. Habermas J. The Divided West. Cambridge: Polity. 2006. 224 p.
27. Habermas J. Communication and the Evolution of Society. Boston: Beacon Press. 1979. 239 p.
28. Holm S. Autonomy. In: Encyclopedia of Applied Ethics, Volume 1, 1998, p. 267-274.
29. Игнатов В.Г., Кокин А.В. Экология и экономика природопользования. Учебное пособие. Ростов н/Д, 2003, с. 79.
30. Jaspers K. The Future of Mankind. Chicago: University of Chicago Press. 1961. 354 p.
31. Keohane R. Power and governance in a partially globalized world. London: Routledge, 2002. 298 p.
32. Кодекс Республики Молдова о науке и инновациях № 259 от 15.07.2004. Опубликован: 30.07.2004 в Мониторул Официал, № 125-129, статья 56 пар.(1), ст. 58.
33. Косолапов Н. А. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей. В: Богатуров А. Д. и др. Очерки теории и поли-

- тического анализа международных отношений. Москва: НОФМО, 2002, с. 190 - 206.
34. Кузнецов В. Н. Социология безопасности. Москва: Книга и бизнес, 2003. 880 с.
 35. Лейбин В.М. Глобальная система. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 226-228.
 36. Leopold A. A Sand County Almanac: And Sketches Here and There. Oxford: University Press, 1949. 240 p.
 37. Lutz J.M., Lutz B.J. Global Terrorism. 3rd Edition. New York: Routledge. 2013. 358 p.
 38. Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003
 39. Малашевич Е.В. Краткий словарь-справочник по охране природы. Мн., 2007.
 40. Mc Neill P. Ethics and Politics of Human Experimentation. New York: Cambridge University Press, 1993. 315 p.
 41. Meadows D. H., Randers J., Meadows D.L. Limits of Growth: the 30-year update. White River Junction, Vermont (USA): Chelsea Green Publishing Company, 2004. 342 p.
 42. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.
 43. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. М., 2002.
 44. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Москва: ПЕР-СЕ, 2001. 239 с.
 45. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика. В: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / Отв. ред. В. В. Грохотова и другие. Великий Новгород: Типография НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008, с. 246 – 269.
 46. Печчеи А. Человеческие качества. Москва: Прогресс, 1985. 312 с.
 47. Постановление Парламента об утверждении Стратегических направлений деятельности в сфере науки и инноваций на 2013-2020 годы № 150 от 14.06.2013. Опубликовано : 05.07.2013 в Мониторул Официал № 141-144.
 48. Potter V.R. Global bioethics. Building on the Leopold Legacy. Michigan: Michigan State University Press. 1988. 203 p.

49. Поттер В.Р. Биоэтика: мост в будущее. / Под ред. С.В. Вековшиной, В.Л. Кулиниченко. Киев: Видавец В. Карпенко, 2002. 216 с.
50. Поттер В.Р. Глобальная биоэтика: движение культур к более жизненным утопиям с целью выживания. В: Практична філософія [Киев], № 1, 2004, с. 4-14.
51. Прохожев А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. Москва: Ин-октаво, 2006. 288 с.
52. Пустовит С.В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики (философский анализ). Киев: Арктур, 2009. 322 с.
53. Пучала Д.Дж. Безопасность человеческая. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 63-65.
54. Пэнтл Р. Методы системного анализа окружающей среды. Москва: Знание, 1999.
55. Rawls J. A Theory of Justice, Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 607 p.
56. Roberts D. Global governance and biopolitics. Regulating human security. London, New York: Zed Books, 2010. 195 p.
57. Рошка Л. А. Биоцентризм – мировоззренческая основа выживания. В: Практична Філософія [Київ, Україна]. 2006, № 3, с. 82-87.
58. Russell B. The Impact of Science on Society. 4-th ed. New York: AMS Press. 1968. 118 p.
59. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>.
60. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham: Chatham House Publishers, Inc. 1987. 542 p.
61. Садовничий В.А. Роль образования и науки при переходе к устойчивому развитию В: Высшее образование сегодня, 2002, №1.
62. Сосунова И.А. Политика экологическая. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 806.
63. Спринчан С., Сычёв А. А. Экологическая этика как форма интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания. В: Интеграция образования / Integration of Education. ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва», г. Саранск. Том 19, № 3. 2015 (июль - сентябрь). Сквозной номер выпуска – 80, с. 100-107.

64. Спринчан С. Л. Биоэтика в перспективе развития гражданского общества. Материалы III-го Национального Конгресса по Биоэтике (с международным участием), 8-11 октября 2007 г., Киев, Украина, с. 27.
65. Sprincean S. Rolul fenomenului bioetic în redimensionarea corelației dintre politică și morală. Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice [Chișinău], 2013, Nr. 2, p. 66-73.
66. Спринчан С. Л. Биоэтика, политика и стратегии выживания человечества в контексте модернизации социума. "Модернизация науки и общества: вызовы и ответы: материалы междунар. науч. конф. (Саранск, 10 мая 2011 г.)" Саранск: ИП Афанасьев В.С., 2011, с. 259-264.
67. Спринчан С. Л. Биоэтика и публичные политики в контексте постдемократии. Материалы Четвёртого Национального Конгресса по биоэтике с международным участием. 20-23 сентября 2010 г., Киев, Украина. Киев, 2010, с. 66-67.
68. Sprincean S. Biotechnology and ethics: moral meaning of biotechnological securitization in global context. Current Opinion in Biotechnology. [Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, USA]. European Biotechnology Congress 2013, 16-18 May 2013, Bratislava, Slovakia. Volume 24, July 2013. Supplement 1, p. 33.
69. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
70. Стратегия исследования-развития Республики Молдова до 2020 года, Постановление Правительства об утверждении Стратегии исследования-развития Республики Молдова до 2020 года № 920 от 07.11.2014. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 386-396/1099 din 26.12.2014.
71. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Москва: Наука, 1987. 240 с.
72. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. Москва: Гнозис, 1994. 220 с.
73. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологии. Москва: ИФРАН, 2001. 177 с.
74. Triff A.B., Astărăstoae V., Cocora L. Euthanasia, Suicidul Asistat, Eugenia. Pro versus contra. Mari dileme ale umanității. București: Infomedica, 2002. 181 p.
75. Țirdea T. N. Introducere în sinergetică. Chișinău: Medicina, 2003. 86 p.
76. Цырдя Ф. Н. Информационно-интеллектуальная и биоэтическая составляющие – важнейшие звенья современной стратегии выживания человечества: теоретико-методологический анализ. Биоэтика науки та технологій: проблеми та рішення / Матеріали V Міжнародного

- симпозіту з біоетики. 9-10 жовтня 2008, Київ. Киев, Украина, 2008 г., с. 99-100.
77. Цырдя Т.Н. Социальная биоэтика: теоретико-методологические аспекты. Экологический вестник. Международный государственный экологический университет им. А.Д. Сахарова. Минск. 2011, № 2 (16), с. 95-100.
78. Цырдя Т.Н., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Синтез науки і політики у концепції Екологічної Конституції Землі. В: Екологічна Конституція Землі. / Методологічні засади. За ред. Ю.Ю. Туниці. Частина друга. Львів: РВВ НЛТУ України, 2011, с. 409-418.
79. UNESCO Science Report, <http://en.unesco.org/node/252168>.
80. Укрепление международного сотрудничества и концентрации научных исследований и инноваций ЕС: стратегический подход, сообщение Комиссии Европейскому парламенту, Европейскому Экономическому и Социальному Комитету и Комитету Регионов.
81. Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности. В: Безопасность, 1995, № 9.
82. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М., 1993
83. Урсул А.Д. Государство в стратегии устойчивого развития. М., 2000; Кушнаренок И.А. В поисках нового государства: эскиз социально-экологического исследования. Улан-Удэ, 2001.
84. Урсул А. Д. Ускорение, интенсификация, экология (Филос. методол. аспекты). / Кишинев: Штиинца, 1988. 279 с.
85. Урсул А.Д. Информатизация общества. Введение в социальную информатику. М., 1990.
86. Уткин А.И. Глобализация западная. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 209.
87. Флавин К. Наследие Рио. В: Россия в окружающем мире. Аналитический ежегодник. М., 1998, с. 13–17.
88. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. Москва: Политиздат, 1986. 399 с.
89. Чешко В. Ф. Стабильная адаптивная стратегия Homo sapiens. Биополитические альтернативы. Проблема Бога. Монография. Харьков: ИД «ИНЖЭК», 2012. 596 с.
90. Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Nume (Биовласть и биополитика в обществе риска). Москва: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 319 с.

91. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005, с. 407.
92. Чумаков А.Н. Классификация глобальных проблем. В: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, с. 442-445.
93. Чумаков А.Н. Глобальный кризис и актуальные задачи российского общества. В: Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009»: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства. Т.1. М., 2009, с.152-153.
94. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. Москва: Прогресс, 1992. 573 с.
95. Швейцер А. Культура и этика. Москва: Прогресс, 1973. 340 с.
96. Шмидхейни С. и др. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя. М., 1994, с. 15.
97. Ядерное оружие и национальная безопасность. Авторский коллектив под ред. Михайлова В. Н. Саранск: Типография Красный Октябрь, 2008. 217 с.

Bun de tipar 21.07.17 Formatul 16,5 ×24,0
Hîrtie ofset nr. 1. Coli de tipar 16,5 Coli de autor 19,5

Î. S. Firma Editorial-Poligrafică „Tipografia Centrală”,
MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1;
Tel.: 022 49-31-46